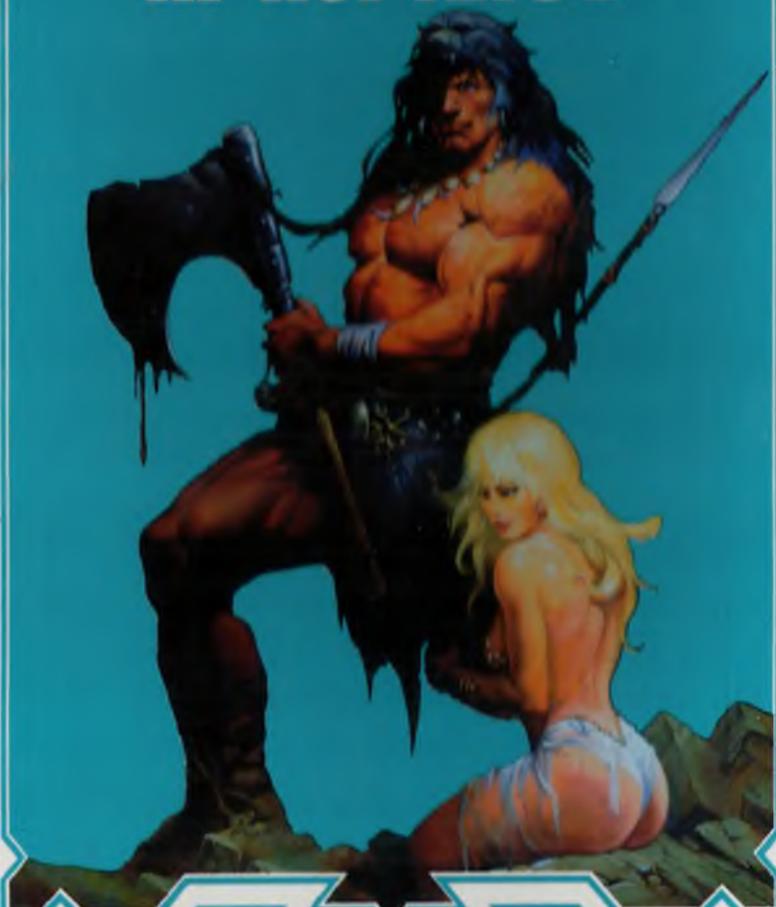

КОНАН И ЗЕМЛЯ ПРИЗРАКОВ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН и ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН и Боги Тьмы 2	КОНАН и МЕР КОЛДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН и ПОВАЛЕННЫЙ ПЕЩЕР 5	КОНАН и ПОСЛАННИК СНЕГОВ 6	КОНАН и НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН на ДОРОГЕ КОРОЛИ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9
КОНАН и КАРУСЛЬ БОГОВ 10	КОНАН и ДАР МИТРИ 11	КОНАН и ПОСЛАННИК КЛИНКИ 12	КОНАН и ГРУППА ДАЙОМЫ 13	КОНАН и ЗЕРКАЛО ГРЭДУШЕГО 14	КОНАН и ВРЕМЯ ЖАЛАЦИН СТРЕЛ 15	КОНАН и ПОСЛАННИК ВОИНЫ 16	КОНАН и ТАИЛАНДСКАЯ ЗДА 17	КОНАН и БИЧ НЕРГАЛА 18
КОНАН и ГОРОД ПАНИНБОС 19	КОНАН и ИСТОРИЧЕСКИЙ СУДЕЙ 20	КОНАН и СЕРДЦЕ АРИМАНА 21	КОНАН и БАТРОВОЕ ОКО 22	КОНАН и ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН и ВОИСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН и РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН и ПАЦЫНКИ БЕЛЫИ 27
КОНАН и ЗАГОВОР ГЕНИЙ 28	КОНАН и КОТЬЕ КРОМА 29	КОНАН и БРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН и ГЛАЗАЧНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН и ПРАСКОВОЙ ИДОЛ 32	КОНАН и ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН и АЛЕВИЙНАЯ СТРАЖ 34	КОНАН и ГОРОДЦЫ ГРЕЗЛИ 35	КОНАН и АЛТАРЬ НОБДАМ 36
КОНАН и БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН и ПОВАЛЕННЫЕ ПЛОТИ 38	КОНАН и БЕРГ ПРОКЛЯТЫХ 39	КОНАН и ОКОВЫ КЕМОДАВИЯ 40	КОНАН и ВАЛАМЫНЦА НЕВС 41	КОНАН и ДРЕВО АНДРОВ 42	КОНАН и КОЛЬЮ ВЛАСТИ 43	КОНАН и ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН и ПРОРОК ТЬМЫ 45
КОНАН и ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН и ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН и КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН и ПОДСОЛНЧНЫЙ ОГОНЬ 49	КОНАН и МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН и КАЕФМО ЗМЕЙ 51	КОНАН и ХОХОНИ ОКЕАНА 52	КОНАН и КОРОНА МИРА 53	КОНАН и ПОСЛАНИК СВЕТА 54
КОНАН и СПЯЩЕЕ ЗДОРОВЬЕ 55	КОНАН и ЗВЕЗДЫ ШАЛДЭЗАР 56	КОНАН и СКАЗКИ ХАОСА 57	КОНАН и ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН и СИЛАНЦЫ ПИКТОВ 59	КОНАН и ПОВАЛЕННЫЙ МОЛАНД 60	КОНАН и ТИГРИ ХАЙВОРИН 61	КОНАН и ВСКАДЫМ БУРИ 62	КОНАН и САДА ИСПОЛНИНА 63
КОНАН и САУТА ТУМАНА 64	КОНАН и АНК ЗВЕРЯ 65	КОНАН и ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН и НАСЛЕДНИК МЕРТВЫХ 67	КОНАН и ЗАКАТ АРТОСА 68	КОНАН и АЛАЯЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН и ТАНЦЫ ПУСТОТЫ 70	КОНАН и ПОСАДНИК МРАКА 71	КОНАН и ГЛОБУС КРОВИ 72

Дуглас Брайан, Ник Харрис

КОНАН И ЗЕМЛЯ ПРИЗРАКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

587

Серия «Конан» основана в 1993 году

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

Подписано в печать 15.03.07. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 22,68. Тираж 6000 экз. Заказ № 5591 Э.

Брайан, Д.

Б87 Конан и земля призраков : [сборник] / Дуглас Брайан,
Ник Харрис. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс,
2007. — 379, [5] с. — (Конан).

ISBN 978-5-17-034614-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-93698-312-2 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киннэрпец скитаются по свету в поисках приключений. Он
охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами
от Венди до Кхитая и восстанавливает справедливость по всей
Хайбории, спасая певческих и караю Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© А. Вяземский, серийное оформление, 1999
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2007

Дуглас Брайан

ДОЛГИЙ ПУТЬ

Долгий путь

границы Кешана и Стигии, у отрогов гор, что скрывают в своем сердце большой город Алкменон, стоит маленький городишко — Куранак. Больше половины жителей в нем — стигийцы, хотя считается, что он расположен на территории Кешана. Городок этот торговый, но какой-то невеселый; не бывает там ни разудальных ярмарок, ни праздников, ни особенно оживленного обмена товарами. Купцы проезжают его быстро — торопятся попасть в Птейон или Сухмет. Но все же чужаки здесь не редкость, и в городе имеются целых два постоянных двора.

На одном из них, том, что похуже и поближе к окраине города, сидели тем вечером сразу двое постояльцев: огромного роста варвар со смоляными волосами и синими глазами и невысокий, верткий, смуглый человечек, который даже в помещении не стал снимать с себя доспеха.

Варвар больше слушал, время от времени вставляя «хм!», а человечек говорил без умолку. Видимо, о чем-то любопытном для своего собеседника болтал он, потому что киммериец ни разу не прерывал его, не заревел «клянусь Кромом, ты меня утомил!» — или что-то в этом роде. Хотя трактирщик поначалу ожидал именно этою.

С облегчением убедившись в том, что оба его постояльца, несмотря на полную противоположность характеров, сошлись вполне по-дружески и что вина им хватит еще на половину ночи, когда их, вероятно, сморит сон, трактирщик удалился на покой.

А собеседники остались возле очага и продолжили свою беседу.

Второй путешественник был стигиец. Поначалу, когда они с киммерийцем только-только встретились на этом постоянном дворе, они страшно не понравились друг другу.

— Стигиец? — проворчал варвар, трогая свой меч, рукоять которого высвечивалась из-за могучего плеча.

— Варвар? — прищурился стигиец, поводя плечами особым образом, так что все пластины, нашитые на его кожаный доспех, угрожающе зазвякали, а различные амулеты и подвески на поясе забренчали, точно ковши в посудной лавке во время сильного ветра.

— Лучше уж быть варварам, чем жить в Стигии, среди «цивилизованных» людей, — фыркнул киммериец. — Не будь я Конан-Амра, если мне когда-нибудь захочется осесть в этой отвратительной стране!

— Говори почтительнее о моей родине! — разозлился маленький стигиец и повыше задрал нос. Черты его смуглого лица были довольно приятные, правильные и тонкие, большие темные глаза влажно блестели, широкие гладкие брови выглядели так, словно их специально смазывали маслом.

— Еще чего! — заявил Конан. — Всем известно, что Стигия — берлога злобных колдунов и обиталище отвратительных демонов. Ничего хорошего не может быть родом из Стигии.

— Да, в Стигии много магов, — отозвался молодой стигиец. — Но не одни только маги населяют эту землю, можешь мне поверить! Кто, по-твоему, возделывает стигийские поля? Кто ловит рыбу? Кто производит тонкие стигийские ткани, режет по кости и дереву, создает изящные украшения?

— Кто? — заинтересовался Конан. И тут же ответил сам себе: — Вероятно, какие-нибудь несчастные рабы, которых вы вывозите из Черных Королевств или пригоняете с севера.

— Можно подумать, в других странах нет рабов! — задиристо возразил стигиец. — Нет, в на-

шей стране, поверь мне на слово, много достойных людей. Другое дело, что наши маги действительно преуспели в черных науках и иногда от них нет никакого житья...

— Ладно, — вдруг согласился Конан. — Ты мне нравишься. Странный ты тип.

— Мое имя — Гирадо, — представился стигиец. — Я родился в Луксуре и с детства люблю его башни и таинственные улицы. Знаешь, приятель, там ведь очень красиво.

— Да. А еще — жутко, так мне говорили ребята, которым удалось унести оттуда ноги, — сказал Конан.

— Иногда «жутко» — часть понятия «красиво», — задумчиво отозвался Гирадо.

— Слишком сложно для меня, — проворчал Конан. — Давай лучше ужинать.

За ужином они подружились окончательно. Гирадо оказался замечательным собеседником. Он очень много знал, побывал в десятках городов, проник — как казалось, слушая его рассказы, — в сотни тайн, и обо всем имел собственное мнение.

Он был воином. Конан впервые видел воина-стигийца и не уставал дивиться этому зрелищу. Во-первых, Гирадо был вооружен с головы до ног: на нем был, как уже упоминалось, доспех из очень плотной кожи, с нашитыми медными пластинами, во многих местах помятыми и

пробитыми, — очевидно, этот доспех не раз побывал в бою; на левой руке стигиец носил маленький круглый щит, за спиной у него висел лук, на бедре — колчан, за поясом — шесть кинжалов в ножнах, а чуть ниже — короткий и широкий меч, какими пользуются пехотинцы. Имелся еще длинный меч, но он остался лежать в комнате, где остановился путник, вместе с остальными его нехитрыми пожитками — колючим одеялом из верблюжьей шерсти, котелком, связкой черного вяленого конского мяса и седлом с уздечкой. От своего оружия стигиец даже не подумал избавиться, когда спускался вниз, к очагу, где намеревался плотно пообедать перед сном.

Конан исподтишка разглядывал многочисленные амулеты, которыми стигиец был увешан. По мнению варвара, выглядело это крайне глупо. С другой стороны, низкорослый воин происходил из Стигии, а там знают толк в колдовстве. Возможно, этот парень понимает, для чего ему быть, точно красавица из гарема, с головы до ног в побрякушках.

Они ужинали и разговаривали, а потом, когда с мясом и хлебом было покончено, принялись за вино и уничтожили немалое его количество. Гирадо рассказывал о своих подвигах. Несколько раз ему удавалось уничтожить монстра. В Стигии, по его словам, полным-полно монстров, и он, Гирадо, взялся их изводить.

— Сейчас у меня охота на дичь покрупнее, — признался он наконец, после шестого или седьмого увесистого бокала местного хмельного напитка.

Конан вопросительно поднял бровь.

По другую сторону границы, в Стигии, в сумрачном лесу Вио шла тайная и страшная жизнь, о которой до поры никому не было известно. Там сохранилось в неприкословенности племя человекозмей, которых называли старра. Они умели передвигаться с огромной скоростью, подобно своим прародителям-змеям, когда те неслись прямо на добычу, но, в отличие от предков, не ползали на брюхе, но ходили прямо, высоко подняв маленькую узкую голову. Их тела, тонкие и гибкие, чуть извивались при ходьбе — это помогало им удерживать равновесие. Маленькие красные глазки злобно блестели из-под капюшонов. Старра носили широкую одежду без рукавов с низко опущенными капюшонами — это позволяло им скрывать свой истинный облик и чувствовать себя уверенными.

Даже в своем лесу они не любили обнажать головы. Между собой они разговаривали, быстро шипя и высывая дрожащие раздвоенные языки. Их речь была примитивной, но хорошо служила им. Эти существа были созданы в незапамятные времена одним могущественным магом. Давно уже погиб этот маг и забылись его имя и

дения, но зловещее племя змеевлюдей продолжало населять лес Вио. Старра почти не размножались; если случалось самке отложить яйца, то их берегли как зеницу ока. Половина змеенышей так и не вылуплялась — они были мертвы изначально, и яйца постепенно протухали. Из оставшихся многие погибали, едва разорвав кожистую скорлупу — их убивали солнце, влажность, ветер. Но десяток явившихся на свет развивался и вскоре вырастал в холодных, сильных, беспощадных магических воинов. Старра были созданы идеальными слугами волшебника. Утратив господина, они тосковали, смутно осознавая причину своей тоски. Жизнь их не имела смысла. Они поддерживали ее лишь потому, что это также было заложено в их природе.

Наконец кое-что переменилось. На окраине леса Вио четверо магов выстроили четыре башни. Об этом мало кому было известно. Здешние края почти необитаемы. Земля неплодородна, поэтому крестьяне не приходят сюда со своими быками и плугами. Среди местных растений нет ни шелковицы для того, кто умеет выделять тонкие шелковые ткани; ни папируса — для умеющих творить письменные принадлежности. Ничего такого, что привлекло бы сюда посторонних людей. Идеальное место для уединенных занятий магией. Именно так решили четверо братьев-магов, сыновей Мутэмэнэт.

— Ты не знаешь о Мутэмэнэт? — блестя глазами, торопливо шептал молодой стигиец, в то время как Конан неспешно поглощал вино, бокал за бокалом, и с удовольствием слушал. — Это была исключительная женщина. Мага. Она знала заклинания из десятков магических книг. Никто даже не подозревал, сколько ей зим. Говорят, больше тысячи... Во всяком случае, не меньше пятисот. Как она была красива! Длинные черные волосы. Она разбирала их на сотни прядей и кончик каждой пряди помещала в длинную золотую колбочку, а саму прядь перевивала жемчужными нитками. Глаза она красила темно-синей краской, брови покрывала перламутром, на щеках рисовала красные спирали, а губы...

— Погоди, — перебил вдруг Конан. — Ты описываешь не женщину, а настоящую лавку с пахучими мазями. И еще говоришь, что она была красива. Не вижу я что-то красоты.

— Понимаешь, она ослепляла...

— Ты видел ее?

— Нет, но мне рассказывали... Кроме того, мне показывали ее портреты...

— Где? В колдовской школе?

— Можешь смеяться надо мной, сколько тебе влезет, — надулся молодой стигиец. — Нет, я видел ее портреты на рынке в Луксуре.

— По медяку за штуку? — презрительно фыркнул варвар.

— По три... Какая разница! Будешь перебивать и насмешничать — вообще ничего больше тебе не скажу.

— Сдается мне, речь сейчас пойдет о сокровищах, — сказал варвар проницательно. — Поэтому не буду я больше перебивать тебя. И смеяться не стану. Прости, братец.

— То-то же, — примирительно улыбнулся стигиец. — Ладно, я буду тебе рассказывать так, как рассказывали эту историю мне, а ты слушай и помалкивай. Скоро начнется самое интересное.

Мутэмэнэт породила на свет четверых сыновей. Никто не знает, кем был отец этих отпрысков. Поговаривали, будто бог Сет или бог Апоп. Во всяком случае, кто-то очень неприятный. Но она умела обольстить могущественное существо мужского пола, раздразнить его естество и получить желаемое.

Знаешь, Конан, — добавил стигийский воин, — на том же луксурском рынке до меня доходили совсем другие слухи... Будто бы отцом всех этих великих сыновей великой маги Мутэмэнэт был какой-то безвестный конюх. Красивый малый и совсем безродный, но храбрец и великий охотник до женщин, будто бы прекрасная мага увидела его, выглянув в щель между занавесями своих носилок, когда тот оглаживал лошадь, и сказала сама себе: хотела бы я быть этой лошадкой! А парень услышал, как знатная дама

высказывает такое пожелание... Результат тебе понятен. Четверо сыновей.

Она родила их одного за другим. Они — четверня. Можешь себе представить? Говорят, Мутэмэнэт не захотела тратить лишнего времени на вынашивание каждого ребенка по очереди и магическим способом сделала так, чтобы все ее дети родились, так сказать, в один присест.

Разумеется, она применила могущественную магию. Не знаю уж, в какой книге она это нашла. И не могу тебе точно сказать, что это было: напиток, заклинание, волшебный предмет... В общем, укладываясь на ложе любви с бравым конюхом, мага применила свои чары, и семя зачатия разделилось на четыре части. Такая вот ей пришла фантазия.

— А куда потом делся конюх? — заинтересовался Конан.

— Неизвестно. Может быть, она его съела.

Был такой слух, что Мутэмэнэт умеет превращаться в змею. Одни говорили — в крылатую, другие — в огненную. Во всяком случае, в одной своей ипостаси эта женщина — монстр.

— Такая женщина в любой ипостаси — сущий монстр, — проворчал Конан. — Я бы ее зарубил, не раздумывая.

— Кожа у нее медная, — сказал Гирадо. — Это точно. Общепризнанный факт. Впрочем, поговаривают, что конюх, отягощенный дарами,

уехал из Стигии и теперь процветает не то в Офире, не то в Зингаре. Повезло парню.

— Наверное, до сих пор плюется и на женщин смотреть не может, — предположил Конан.

Гирадо пожал плечами.

— Вот уж это — точно не наша с тобой забота. Итак, предприимчивая мага родила сразу четырех сыновей. Но то ли она ошиблась в расчетах, когда применяла во время зачатия свою магию, то ли это входило в правила игры — не знаю уж, да только каждый из ее сыновей принадлежал только одной стихии: старший — земле, второй — воде, третий — воздуху, четвертый — огню. Вся магия, которая была им подвластна, имела отношение только к одной из стихий; да и характер, телосложение, способности — словом, все было несколько однобоким. Один был плотный, черноволосый, туповатый и упрямый. Второй — синюшный, отечный, с выпученными голубыми глазами, неопределенный, со странными приступами гнева, которые сменялись глубокой меланхолией. Третий — совершенно белый, как червяк, с длинными и истонченными конечностями, с хрупкими костями, огромным ртом и раздутым животом. Этот обладал, кроме всего прочего, неприятной особенностью испускать газы. Противный тип, ничего не скажешь. Погодой повелевал, как божество, но во всем остальном... И очень капризный.

— А огненный? — заинтересовался Конан.

— Чернокожий и огненно-рыжий, как ты понимаешь, всегда кипящий злобой и яростью, любитель уничтожать, ломать, крушить. Всегда шел напролом.

Эти четверо деток доставляли своей матери немало трудных минут, но она умела с ними справляться. Потому что, в отличие от них, Мутэмэнет была цельной личностью.

Не думаю, чтобы она много времени потратила на обучение их магическим искусствам, потому что они сами по себе были произведениями магического искусства. Она использовала их в собственных целях. Только не спрашивай меня, каковы эти цели были. Я не умею проникать в тайные мысли людей, даже если это великие маги, о которых судачит вся Стигия. Но уверяю тебя, Мутэмэнет ничего не делала просто так.

На краю леса Вио, который они выбрали ради уединенности, эти существа по приказу своей матери возвели четыре башни и стали учиться там повелевать стихиями. Прошло немало лет, прежде чем с'тарра, обитавшие в глубине леса, прослышали о новых соседях и начали задумываться о том, нужно ли им подобное соседство.

С одной стороны, людям-змеям требовался властелин, истинный маг, который направил бы их темные силы в нужную сторону. Они желали подчиняться.

С другой... С другой стороны, слишком долго они прожили, не зная над собой никакой власти, совершенно свободными, сами себе господа и повелители. Они отвыкли подчиняться.

Единственный господин, чью волю они выполняли охотно — так сказать, в силу своей естественной природы, — давно уже умер. А чего ожидать от новых магов? Не будут ли распоряжения этих неизвестных новых господ глубоко противны всей сущности с'тарра?

Ответов на свои вопросы они не получили. И затаили глубокую темную злобу. Нет, им не нужны по соседству маги с их башнями. Они не желают служить каким-то непонятным магам четырех стихий.

Маги, насколько было известно с'тарра — а этим существам, несмотря на всю их примитивную, полуживотную природу, о магии и чарах известно, поверь мне, очень многое! — имеют обыкновение вторгаться в природу магических, искусственно созданных существ и изменять их по собственному усмотрению. История о том, как были изменены змеи, осталась в памяти с'тарра как нечто удивительное, страшное и болезненное. Им не хотелось повторения.

Им хотелось тихо жить в своем уединенном лесу, вдали от всех, и выводить немногочисленное потомство. От магов слишком уж много шума и беспокойства.

А затем им на ум пришла еще одна мысль. Надо тебе сказать, что мысли у с'тарра всегда простые, но сильные и определенные. Так мыслят все животные. Сначала они видят добычу, потом выискивают способ напасть на нее, а когда определено и то, и другое — нападают, больше ни на что не отвлекаясь. Так же поступили и с'тарра. Они пожелали возвести вокруг своего леса большую стену и наложить на нее заклятие, чтобы никто не осмеливался пересечь эту границу. Для чего им необходимо было изгнать магов и завладеть теми волшебными предметами, которые наверняка имеются в четырех башнях.

И в одно страшное утро все четверо сыновей Мутэмэнет вместе с их прекрасной и ужасной матерью проснулись от странного звука. Все кругом шипело и шелестело, как будто вся листва опала со всех деревьев, какие только растут в Стигии, и прилетела шуршать под стены башен. Ради этой битвы все с'тарра расстались со своими плащами и явили солнечному свету свои тела, покрытые грубой сероватой чешуей. Они неустанно подкапывали башни, некоторые лезли наверх, вооруженные кинжалами и собственными острыми зубами.

— Как ты думаешь, они ядовитые? — спросил Конан, задумчиво ковыряя ножом в зубах.

— Зубы с'тарра? Почти наверняка! — убежденно отзывался молодой стигиец. — В общем, не

стану тебе пересказывать все мысли, которые посетили в эти часы головы нападающих, равно как и мозги пяти магов, засевших в башне...

— Да уж, избавь меня, пожалуйста, от этих рассуждений, — согласился Конан. — Что меня интересовало меньше всего на свете, так это сложные соображения, которые терзают извращенный ум какого-нибудь колдуна. По мне так, всем им место в преисподней Зандры. Лично я так и поступаю.

— Как? — не понял Гирадо.

— Отправляю их в преисподнюю, — объяснил Конан. — Говорю тебе, это самое лучшее местечко для всякого мага.

— Ну, я как человек, который видит свой долг в уничтожении монстров... — начал стигийский воин, однако киммериец перебил его:

— Я уже понял, что ты победил парочку монстров. Продолжай рассказ. Когда ты наконец перейдешь к самому главному?

— А что, по-твоему, самое главное?

— Ну, сокровища, разумеется! Ты ведь собираешься наложить лапу на какой-нибудь крупный красивый камешек? Или они закопали там монеты?

— Знаешь что, давай-ка все по порядку. Сперва я расскажу тебе все, что знаю, а потом уже будем решать, стоит ли вообще ввязываться в это дело, — рассудительно проговорил Гирадо.

— Сдается мне, ты уже в него ввязался, — заметил Конан.

— Может быть... Но у меня, возможно, есть на то свои причины, — не стал отпираться Гирадо.

— У меня тоже есть причины, — сказал Конан. — И главная из этих причин — я очень люблю деньги.

— А для чего тебе деньги? — полюбопытствовал молодой стигиец.

— Для всего! — отрезал киммериец. — Я люблю красивых женщин, люблю, чтобы они были красиво одеты, чтобы от них хорошо пахло, чтобы на пальцах у них блестели побрякушки и чтобы эти красивые женщины меня ласкали! Я люблю хорошую еду, добрых лошадей, мне нравится оружие... Да мало ли для чего могут потребоваться деньги! — рассердился он вдруг, собразив, что стигиец, слушая его, улыбается все шире. — Ты вздумал надо мной насмехаться, а? Ты полагаешь, что ты, такой цивилизованный, сумел бы распорядиться деньгами лучше?

— Возможно, — сказал Гирадо. — Но у меня другая причина. В этом рубине...

— Ага! — хищно возликовал Конан. — Итак, речь идет о рубине. Большом?

— Очень. В этом рубине Мутэмэнэт прячет душу моего брата.

— Ну надо же! А с рубином ничего не случится после того, как мы извлечем эту душу? — за-

беспокоился Конан. — Может быть, освободив душу твоего брата из заточения, мы испортим камень, и он не будет больше стоить ни гроша?

Однако увидев, какое лицо сделалось у его собеседника, Конан перестал смеяться. — Я тебя понял, — сказал он серьезно. — Тебе нужен рубин. Мне он тоже нужен. Когда мы покончим с Мутэмэнет, ее змеенышами и этими зверолюдьми, то заберем камень и поделим его поровну. Тебе — душу, мне — все остальное.

— Я расскажу тебе все по порядку, — опять проговорил стигиец. — И тогда уже будем решать, кому что достанется. Дело куда сложнее, чем тебе кажется, с'тарра были повсюду. Когда маги поняли, что дело плохо, было уже поздно. Кругом они видели оскаленные пасти и обнаженные кинжалы. Башни дрожали и шатались, с'тарра в силу своей полуумейной природы отлично умеют копать норы. Они вгрызались в землю, прорывали в ней сотни ходов. Все кругом тряслось и дребезжало. Не было никакого смысла сражаться с врагом магическими средствами — это только ускорило бы падение башен.

Поэтому маги поступили иначе.

Они заперлись каждый у себя и принялись призывать к себе на помощь духов своей стихии. Все вокруг башен пришло в движение — облака, деревья, поднятые в воздух ветки, огненные смерчи... Нам с тобой даже трудно себе представ-

вать, что там началось. Из Башни Воды под огромным напором вылетели, разламывая стены, водные духи. Мощные струи разрывали кладку, скреплявшую камни, как будто это была бумага, и устремлялись ввысь. На гребне этих фонтанов восседали странные полупрозрачные существа с перепончатыми лапами и выпученными глазами. Каждое из них вооружено трезубцем. Из их груди вырывалось странное, утробное пение, от которого — можешь мне поверить! — стынет кровь в жилах любого живого существа.

Башню Огня охватил столб пламени. Сперва он устремился ввысь, к небу, но затем изогнулся и опустился к подножию башни. Точно согнутый указательный палец, он преследовал и придавливал к земле расползающихся с'тарра. Там, где он прикасался к их плоти, оставалась только лужица черной дымящейся жидкости. Вся трава вокруг была выжжена, а среди облаков быстро понесся густой темный дым.

— Представляю себе, как там воняло! — сморщился Конан. — Ненавижу змей и всех их змеиных божков!

— Я бы на твоем месте не радовался, — остановил его стигиец. — Расправляясь с человеко-змеями, маги вызвали сюда, в наш мир, куда более отвратительных существ. Лучше бы уж все оставалось как есть. По крайней мере, тогда каждый сидел в своем лесу или замке и никого не-

трагал, а теперь все они свободно разгуливают по юго-восточной Стигии, и нет от них спасения.

Из Башни Воздуха с бешеною скоростью начали вылетать различные предметы. Как будто из огромной невидимой пращи кто-то запускал в нападающих подсвечниками, креслами, ложами для отдыха, табуретами, подголовниками, статуями — словом, всеми предметами обстановки, какие только попадались. Так сражались духи воздуха.

Что касается Башни Земли, то здесь тоже было на что посмотреть. Из-под невысокой скалы, на которой она стояла, вдруг послышался низкий угрожающий гул. Сразу вслед за тем в воздух взметнулись большие камни, куски слежавшейся земли и обломки скалы. Они поднялись наверх и начали кружиться, медленно складываясь в огромных великанов.

Эти великаны были медлительны и не слишком умны, но там, где их гигантская стопа опускалась на землю, оставалась глубокая вмятина, и немалое число нападающих размазаны были по траве.

— И снова — жуткий запах! — хмыкнул Конан. — Твой рассказ, дружище, явно нуждается в том, чтобы его спрыснули благовониями. Как насчет красавицы Мутэмэнэт, от которой, судя по твоему описанию, так чудесно пахло помадами и притираниями? Чем она занималась, пока

ее глупые сынки крушили все вокруг, призывая на помощь духов подвластных им стихий?

— Ты прав, древняя, но вечно юная мага не теряла времени даром. Хорошо зная нрав и способности своих сыновей, она заранее покинула башни. Естественно, прихватив с собой несколько важных предметов. Подозреваю, что рубин также до сих пор хранится у нее.

— Стоп, — сказал Конан. — Не так быстро. Давай-ка зайдем немного с другого бока. Кем был твой брат и каким образом его душа оказалась в рубине?

Молодой стигиец замолчал, прикусив губу. Казалось, он о чем-то напряженно размышляет. И Конан не ошибся, предположив, что главной темой раздумий его собеседника был он сам, киммериец. Стоит ли доверять случайному спутнику, с которым недурно было провести вечерок на постоянном дворе? То есть, конечно, Гирадо уже доверился ему — но не до конца... не до самого конца. Однако теперь, похоже, придется выкладывать ему все.

— Мой отец был женат несколько раз, — нехотя начал молодой охотник за монстрами. — Понимаешь, о чем я говорю?

— О женитьбе. Старикан был охоч до хорошенеких бабенок, — сказал Конан и рыгнул.

— В принципе, ты прав... Я — младший сын его самой последней жены, — сказал Гирадо.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно! — рассердился стигиец. — Что ты все время поддакиваешь?

— А разве не так принято у цивилизованных людей? — удивился Конан. — Ну хорошо, я буду молчать.

— Ты же видишь, что мне трудно рассказывать! — проговорил Гирадо. — История... не из самых красивых. Ты кажешься мне человеком надежным... если только ты не монстр, который прикидывается человеком ради того, чтобы выведать все мои тайны...

Тут лицо стигийца изменилось. Брови сдвинулись, глаза сощурились, губы сжались в тонкую линию. Он лихорадочно пробежался пальцами по своему поясу и наконец нашупал нужный амулет.

— Ну-ка, — пробормотал молодой человек. — Сейчас, сейчас...

— Что там у тебя? — удивился Конан. Поведение стигийца так его насмешило, что он даже не стал ничего говорить насчет «монстра».

— Знаешь, монстры бывают очень коварны. У меня уже был опыт общения с ними. Один из них обладал магической силой и умел отводить глаза. Притворится благожелательным человеком, женщиной или стариком, к которому ты чувствуешь расположение, выведает все твои тайны, а потом...

— Но ведь ты одолел его? — фыркнул киммериец. — Чего же тебе бояться?

— Я и не боюсь! — Гирадо показал Конану странный предмет, оправленный в серебро. — Это магический зуб дракона. Если бы ты не был тем, кем выглядишь, он засветился бы красным...

— Но я — тот, кем выгляжу? — поинтересовался киммериец. — Дело в том, что я давно не смотрелся в зеркало. Сам-то себе я кажусь довольно привлекательным. Добавлю, что несколько симпатичных женщин вполне разделяли мое мнение, но ты можешь с ними не согласиться.

— Ты — тот, кем выглядишь, — твердо сказал стигиец и убрал магический зуб (если только этот предмет действительно обладал магической силой). — То есть бродягой-варваром, любопытным, жадным и незлым.

Услышав эту характеристику из уст уроженца Стигии, Конан сжал зубы.

— Насчет «незлого» я бы не спешил, — предупредил он.

— Мой отец имел старшего сына от старшей жены, — вернувшись к прежнему повествовательному тону, заговорил опять Гирадо. — Этот брат старше меня почти на тридцать лет. Понимаешь?

— Такое случается, — сказал Конан. — Там, где я родился, жил один старикан, и вот однажды ему взбрело в голову жениться на старости

лет... — Он засмеялся. — В общем, не помню, что там вышло у него с женой, но история получилась забавная.

— Помнишь, я говорил тебе о конюхе? О том бравом парне, который сделал маге ее сыновей, а потом куда-то исчез?

— Да. Отчаянный человек этот конюх.

— Это и был мой старший брат, Гамбоа. Я знаю, куда он делся. Его тело лежит в подземелье, под Башней Огня, а душа заключена в большом рубине. Я должен вызволить моего брата! Должен любой ценой!

— Насколько я понимаю, — медленно произнес Конан, — вы с ним даже не были знакомы.

— Это неважно. Он мой брат, в наших жилах течет одна кровь... И через него мага может завладеть и мной, если пожелает, — упавшим голосом произнес стигиец.

Конан двинул бровями, пошевелил губами, заглянул в кувшин — вина там больше не оставалось, — и наконец сказал:

— Понятно. Что ж, решение принято. Я буду тебе помогать. А у тебя нет больше никаких тайн, которые имеют отношение к этому приключению?

— Нет, это последняя. Рассказывать дальше?

— Валяй.

Конан откинулся к стене, вытянул ноги к уга-сающему очагу и приготовился слушать дальше.

— Как ты понимаешь, наделать ошибок в состоянии, решительно все, даже могущественные и хитрые маги. Что уж говорить о Мутэмэнет, которая была всего-навсего женщиной, подверженной смене настроений и к тому же отчасти зависящей от сыновей? Она торопилась и вспыхах совершила немало промахов. Среди них были и очень существенные.

В результате активности магов четырех стихий на землю вырвалось множество монстров. Среди них — адские псы и саламандры, которые пожгли все деревни и леса на много миль вокруг. Я был там, на том самом месте, где стояли Башни стихий. Ничего. Выжженная голая земля. И лес Вио погиб. Не знаю, сохранились ли с'тарра — может быть, некоторые из них сумели уползти и скрыться; но старое их убежище уничтожено до последнего кустика, до самой малой травинки.

Останки четверых сыновей Мутэмэнет были найдены и погребены в хрустальном саркофаге. Его отвезли в Луксур — стараниями их матери. Красавица-мага даже не пыталась сделать вид, что сильно скорбит. Надо полагать, она считала своих сыновей не слишком удачным экспериментом. Поспешность, как известно, часто вредит. Так что теперь она намерена рожать себе новых детей, одного за другим, не дробя их на-туру. Более тщательно, так сказать.

Я подозреваю, что для этого ей опять понадобится мой брат, ее спящий супруг, чьей душой она владеет безраздельно.

— Как ты думаешь, — спросил вдруг Конан, задумчиво покусывая лезвие кинжала, — какие сны снятся — ему в этом магическом забытьи?

Его собеседник содрогнулся.

— Мне даже страшно представить себе это, — сознался он.

— А мне нет, — сказал варвар. — Если эта женщина, эта мага, такая красивая и сладострастная, хочет использовать его в качестве отца для своих детей, то наверняка она насыщает ему приятные, сладостные сны, в которых является ему как желанная супруга.

— Может быть. Все может быть, — нервно согласился стигиец. — Меня это сейчас мало занимает. Стигия охвачена бедствием. Местные землевладельцы воюют друг с другом из-за жалких клочков земли, мелкие маги повышимали из сундуков волшебные предметы и принимают сторону то одного, то другого соперника. Адские духи бродят по земле. Сет ликует — кровь льется ручьями, жертвы ему так и падают в пасть. Стигия — такая земля, где исстари прославляется зло, поэтому остановить войну здесь труднее, чем где бы то ни было. Но поверь мне, в Стигии живут не одни только маги!

— Да верю, верю, — согласился Конан. — Гля-

ая на тебя, дружище, я готов поверить во что угодно.

Стигийский воин вопросительно поднял бровь, не зная, как относиться к этой фразе. Во всяком случае, Конан явно не хотел его обидеть. В глубине души киммериец немного потешался над этим низкорослым и довольно щуплым человечком, который считал себя настоящим воином, чье призвание — сражаться против монстров. Как истинный стигиец, Гирадо был суеверен и ничто не могло поколебать его твердой веры в действенность различных талисманов и амулетов. И все же было в нем что-то симпатичное.

Конан сказал:

— Будет тебе обижаться и подозревать меня. Рассказывай дальше.

— По ночам толпы злобных существ бродят по земле. Полупрозрачные убийцы проникают в дома. Везде царит страх. Этих существ выпустили на волю злополучные маги, мои... мои племянники. — Последнее слово он выговорил не без труда, кривя рот и хмурясь.

Конан хлопнул его по плечу.

— Да, друг, тебе не позавидуешь.

— Существует способ загнать всех этих монстров обратно, туда, откуда они явились. Об этом позаботилась Мутэмэнэт. Мне понадобилось немало времени и денег, чтобы выведать это у разных магов. Слухи, сплетни, кто-то что-то ви-

дел... В основном, конечно, слуги — эти знают куда больше, чем принято думать. Некоторые из прислужников в Луксуре вполне могут преподавать в магической академии — если бы таковая существовала, так много известно им об искусстве повелевать стихиями, силами тьмы и света.

— Я тоже умею повелевать разными силами, — сказал Конан. От съеденного и выпитого, от теплого очага и покоя его постепенно начало развозить. — Например, силой моего меча, силой кулака... или силой... чего-нибудь еще.

— Идем спать, — с досадой проговорил Гирадо. — Ты уже не слушаешь. Завтра — в путь, если ты согласен.

— Конечно, я согласен, — пробормотал Конан, устраиваясь прямо на полу возле очага. — А куда мы отправляемся? Ты так и не сказал мне этого, маленький стигиец...

Спустя мгновение он уже хралел во всю мощь своей богатырской глотки.

В своем луксурском дворце расхаживала взад-вперед мага Мутэмэнет. Мрачные мысли не давали ей заснуть. Старый замысел рушился на глазах. Несколько сотен лет она потратила на изучение заклинаний, искусства составления зелий, способов заключения сущностей в непроницаемую оболочку — своего рода тюрьму, откуда они не в силах вырваться. Трудность состояла еще в том, что большинство формул были созда-

ны магами-мужчинами и использовали при своей реализации мужское естество; маге Мутэмэн нет предстояло проделать немалую работу по переводу этих заклинаний в женскую ипостась. Она совершила немало пробных работ и надела-ла кучу ошибок. Искалеченные, ни на что уже не годные духи, которых она вызывала из небытия, навеки были заключены ею в различные темницы — для этого использовались полудрагоценные камни. Из прозрачных граней хрусталя глядели на магу ненавидящие глаза пленников. Однако она обращала на них мало внимания.

Несколько десятков лет из трущоб Луксура пропадали люди. Обычно это были нищие, бродяжки, попрошайки или дамы весьма легкого поведения. Никто их не разыскивал, никто не интересовался их судьбой. А напрасно. Если бы стала известна участь хотя бы одного из этих несчастных, многие в Луксуре содрогнулись бы и, возможно, приняли меры — пока не стало слишком поздно.

Тела этих людей так и не нашли. Мудрено — мага самолично грузила их на телегу и увозила к реке, где благодарные крокодилы уже заранее разевали зубастые пасти. А души, извлеченные из тел при помощи дьявольских заклинаний, помещались в особые темницы. Если для духов достаточно было обычного хрусталя, то человеческая душа оказалась куда более сложной.

и сильной вещью. Хрусталь не мог удержать ее; лопалось и стекло. И даже железо и медь гнулись под ее напором. Для Мутэмэнет это было открытием, и она не преминула записать его в колдовскую книгу, где всегда оставалось несколько чистых страниц, чтобы каждый новый маг, ее владеющий, мог продолжать труды своих предшественников.

Даже души слабосильных калек, что выпрашивают монетку возле храмов Сета. Даже эти душонки оказались достаточно сильными, чтобы разорвать хрустальные путы и доставить пленившей их маге много неприятных минут. Поэтому она прибегла к драгоценным камням.

«За что ценят драгоценности? — размышляла она в те дни, выводя изящные письмена на чистых папирусных страницах, плотных и шероховатых, приятных для прикосновения пепра. — За красоту? Но это смешно! Что есть красота вне власти? Одно лишь дуновение ветра! Достаточно небольшого изъяна, чтобы погубить ее, настолько она мимолетна. Один крохотный скол на отшлифованной грани — и все, красота погублена.

Нет, драгоценные камни ценные именно тем, что они дают власть. Власть над людьми, которые превыше всего ставят деньги. Власть над душами, ибо только драгоценный камень достаточно прочен, чтобы удержать внутри себя челове-

ческую душу, изъятую из тела и не убитую, не отпущенную к богам на их вечное судилище...»

Первым, по-настоящему удачным опытом, стал для Мутэмэнет верзила-конюх, сильный и красивый мужчина, которому она доверила свое тело. Соблазнить его было легко. Прекрасная таинственная женщина, закутанная в черное покрывало, несколько раз прошлась мимо лошадей, которых чистил этот мощный человек, полюбовалась статями животных, а затем приподняла край покрывала и устремила на мужчину долгий взгляд больших, подведенных синей краской глаз.

— Какие изумительные кони! — проговорила она медовым голосом. — Хотела бы я покататься верхом на одном из них!

— Это кони моего отца, — похвастался конюх.

— Ты служишь своему отцу? — удивилась женщина. — Разве нет у него слуг?

— Слуг у него достаточно, моя госпожа, но этих лошадей он может доверить только своей плоти и крови, — отвечал мужчина.

— У меня тоже есть одна лошадка, которую я могу доверить лишь близкому человеку, — проговорила женщина. — Не хочешь ли взглянуть на нее?

И он оставил все — и отцовский дом, и отцовских лошадей, и пошел за нею следом, чтобы взглянуть на эту лошадку.

И пропал навсегда.

Много потребовалось времени и сил, чтобы узнать, что с ним стало. Расспрашивали на рынках и на улицах; подкупали стражников, давали деньги перепуганным нищим, которые старались обходить квартал, где стоял дворец Мутэмэнет, стороной. Прибегали даже к помощи ясновидцев. И лишь спустя много лет, когда стал взрослым последний из сыновей старика, семье стала известна участь старшего сына.

Он провел с красавицей немало времени. Они не покидали ее шелкового ароматного ложа ни днем, ни ночью. А потом однажды он пробудился и обнаружил, что не может пошевелиться. Вокруг колыхалась красноватая мгла. Время от времени ее пронизывали тонкие золотые лучи света. Если они попадали в глаза, то ослепляли его, и он жмурился, но отвести взгляда не мог.

Искаженная гранями, мелькала иной раз сама Мутэмэнет, но чаще всего он видел вазу с изображенным на ней змеем, пожирающим женщину, и край большого ложа с изголовьем в виде совокупляющихся грифонов.

Он был в плена. Мутэмэнет ничего не стала ему объяснять. Он не знал, куда она спрятала его тело. Тела у него больше не было. Только душа, бессонная и страдающая. Ему хотелось выбежать на улицу, вдохнуть полную грудь весеннего воздуха, полного запахов — пыли, жареного

мяса, зацветающих деревьев, гниловатой воды из старого пруда... Хотелось обхватить руками полный стан торговки овощами, которая всегда смеялась и отмахивалась, называя его проказником. Хотелось услышать голос отца, прикоснуться к лошадиной гриве. Но ничего этого больше не существовало для пленника. Он заточен в рубине. Сама мысль об этом казалась дикой и странной.

Мутэмэнет не разговаривала с ним, когда заходила в эту комнату. Он перестал для нее существовать.

Он забыл свое имя. Постепенно он забыл все.

* * *

Когда духи стихий вырвались на свободу, Мутэмэнет поняла, что ее дело плохо. Она готовила этот переворот не одно столетие. Она родила сыновей, обучила их власти над стихиями. Она собиралась захватить храм Сета и сделаться первой и единственной жрицей темного бога, чтобы вместе с ним установить господство над Стигиеей, а затем распространить его далее, на территории сопредельных государств. Давно следовало заставить черных людей чтить крокодила и змея так, как, чтут этих зверобогов стигийцы.

А теперь...

Она металась по комнатам. Из рубина наблюдал за ней пленник. У него был бесстрастный

вид, и неожиданно это рассердило Мутэмэнет. Приблизившись к рубину, она — впервые за все эти годы — заговорила с ним.

— Кажется, тебе все равно! — закричала мага. — Кажется, ты так и не узнал, какую роль сыграл в приближающейся гибели королевства!

Пленник молчал.

— Ты хоть помнишь, кто ты? Ты помнишь свое имя? Тебя зовут Уррутия! Помнишь? Помнишь, как называла тебя этим именем твоя мать, Уррутия? Она мертва! Твой отец взял себе другую жену, Уррутия! Ты слышишь меня?

Он ее слышал. Он молча смотрел на нее немигающими глазами и думал о чем-то своем, а вокруг колыхалась рубиновая мгла, где изредка вспыхивали золотистые искорки. Таким было необытие для любовника Мутэмэнет. Все, что происходило снаружи, не имело смысла.

А она кричала, топая ногами, так что полупрозрачные разноцветные одеяния развевались вокруг нее, как будто вся она была объята пестрым пламенем:

— У тебя было четверо сыновей, Уррутия! Я родила их от тебя, ты слышишь меня, ничтожный дурак? Я родила от тебя четырех прекрасных сыновей, и все они были магами, умевшими повелевать каждый своей стихией! Они мертвы, я потеряла их, мы потеряли их! Ты нужен мне, дурак, мне нужны новые сыновья. Теперь я не

совершу ошибки и произведу их на свет, как положено, одного за другим, а не всех разом.

Уррутия почти не слышал ее. Она говорила о каких-то сыновьях, но он ничего не знал об этом. Он их никогда не видел. Если они и существовали, то никогда не заходили в комнату, где Мутэмэнет прятала свой рубин.

В ярости мага плонула на драгоценный камень. Уррутия чуть подняла взгляд и молча смотрел, как она выбегает вон. Плевок расплзлся по граням, мешая пленнику видеть.

— Откуда ты все это знаешь — про четвертинки медальона, про то, о чём думала мага, когда разделяла их и раздавала на сохранение разным существам? — недовольно ворчал Конан, седлая коня.

Его спутник невозмутимо развесивал по сбруе своей лошадки амулеты и обереги.

— Если бы ты родился в Луксуре, — начал Гирадо торжественным тоном.

— Хвала Крому, моя родина находится вдали от этого адского гнезда! — взревел Конан, пугая лошадь.

— Не следует так кричать и горячиться, — поморщился Гирадо. Втайне он завидовал огромному киммерийцу. После вчерашней выпивки у маленького стигийца побаливала голова, а вот северянин-варвар выглядел так, словно никакой попойки вчера и в помине не было.

— Ладно тебе, — сказал ему Конан примириительно. — Рассказывай. Это я так — просто дивлюсь, как много может знать человек, с виду самый обыкновенный.

— Я ведь не просто воин, — пояснил Гирадо. — Я потратил почти всю жизнь на то, чтобы научиться понимать магов и монстров. Только так можно уничтожать их.

— А можно просто уничтожать, — себе под нос проговорил Конан. — Бац — и уничтожать. Без всякого там изучения.

Он уселся в седло, поправил меч за спиной.

— Ты готов ехать, Гирадо? Остальное расскажешь по дороге.

— Остальное? Да я даже не начал, — возмутился Гирадо, также садясь в седло. Они выехали с постоянного двора бок о бок, и трактирщик долго качал головой, глядя им вслед: больно уж не похожими казались эти два спутника, огромный северянин и маленький верткий южанин. И куда только они направляются?

— Сначала стоит посетить озеро Тоа, — говорил стигиец. — Поверь мне. Оно расположено в горах. Вода там ослепительно синяя. Очень красивое место. И немножко зловещее.

— Хм, — произнес Конан.

— Да, да, — горячился Гирадо. — Мага с самого начала знала, что сыновья ее ущербны. Она пошла на это, потому что утратила терпе-

ние. Терпение — главная добродетель всякого мага.

— У магов не бывает добродетелей, — проворчал Конан.

— Ты понимаешь, что я хотел сказать! — укоризненно молвил Гирадо. — Слушай и не перебивай. Мутэмэнэт завладела одним могущественным талисманом. Понятия не имею, где она его взяла.

— Хоть чего-то ты не знаешь.

— Ну ладно, открою тебе еще один секрет.

— А говорил, что больше секретов нет, — укорил приятеля Конан.

— Важных — нет. Этот — неважный... Я несколько лет обучался магии. Специально, чтобы лучше понимать магов.

— И монстров, — вставил Конан.

— Амулет, — повторил Гирадо, — обладает большим могуществом. В незапамятные времена его изготовили жрецы. Говорят, им помогал сам змей Апол. Этот амулет позволяет своему обладателю повелевать духами четырех стихий. Мутэмэнэт разделила его на четыре части и каждую из них спрятала в надежное место. Думаю, она опасалась, что если ее сыновья завладеют — каждый своей частью амулета, — то сладу с ними уже не будет. Маги никому не доверяют, когда речь заходит о сохранении их могущества и власти, даже собственным сыновьям.

— И правильно делают.

— Теперь сыновья Мутэмэнет мертвые, а духи свободно гуляют по стране и творят свои бесчинства. Сам Сет, как поговаривают, недоволен. Жрецы непрестанно приносят ему кровавые жертвы. Страна трясется от ужаса.

— Ты знаешь, дружище Гирадо, — задумчиво молвил Конан, — мне почему-то кажется, что Стигия постоянно трясется от ужаса. Как можно жить в стране, где поклоняются Злу?

— Я уже говорил тебе, что в Стигии живут не одни только злые маги, но и самые обыкновенные люди. Они родились на этой земле и принадлежат ей плотью и душой, — обидчиво возразил Гирадо. — Одна часть амулета находится в Луксуре — подозреваю, та, которая повелевает стихией земли. Она самая медлительная и с виду мирная, но когда разбушуется, то становится самой опасной. Поэтому Мутэмэнет не выпускала ее из рук. Воздушная часть хранится у Мемфиса.

— Это еще кто? — нахмурился Конан.

— Серебряный дракон, — невозмутимо ответствовал Гирадо. — Огненная часть — под землей, у маленького горного народа магмонов.

— Впервые слышу о таких.

— И не услышал бы, если бы мы не повстречались, — заверил Конана Гирадо. — Предками магмонов были лемурийцы. Когда в мире про-

изошли перемены, магмоны отделились от основной части своего народа и отправились сюда, в эти земли. Спустя сотни лет здесь образовалось королевство Стигия, а прежде земля была пуста. Магмоны невзлюбили все новое, что начало образовываться вокруг них после гибели Атлантиды и Лемурии и, чтобы не видеть света нового солнца, навсегда скрылись под землей. Сейчас это низкорослые смуглые люди, рудокопы. Они почти никогда не выходят на поверхность, и найти их селение почти невозможно.

— Но ты, конечно, знаешь, где оно, — предположил Конан.

— Во всяком случае, я — единственный, кто сумел бы отыскать к ним дорогу, — не стал спорить Гирадо. — Кроме Мутэмэнет, конечно.

— Ну ладно, — сказал Конан, — говори лучше, с чего мы начнем?

Озеро они увидели издалека. Оно лежало в ладонях гор, как драгоценный голубой камень. Свет переливался на его гранях, небо над ним казалось более синим, чем над горными пиками.

— Если поехать отсюда дальше на восток, то будет город Алкменон, — объяснил Гирадо. — А наш путь — дальше на север и потом на запад, к Луксуре.

Они повернули коней и начали подниматься по горной тропе. Местность нравилась Конану. Серо-коричневые скалы, овеваемые ветрами, бы-

ли почти лишены растительности, лишь низкие кусты с причудливо изогнутыми ветвями, да скучные пучки травы выживали здесь, под ветром и палящим солнцем.

На некоторых кустах Конан заметил ягоды, но рвать их поостерегся: в Стигии, как не без основания полагал киммериец, почти всякий плод может оказаться ядовитым.

Озеро то мелькало перед ними, яркое и желанное, то исчезало, скрытое за кулисами гор. Наконец тропа расширилась и вывела их на самый верх. Отсюда, с перевала, открывался величественный вид на горы и бескрайнее небо, усеянное облаками, такими густыми и плотными на вид, что они казались островами, плывущими над землей. Прищурив зоркие глаза, Конан высматривал между высокими пиками город Алкменон, последний большой город Кешана перед границей со Стигией. Иногда луч солнца падал так, что киммерийцу казалось, будто он различает — там, далеко впереди, — славные башни и купола над дворцами... Но потом солнце скрывалось за мимолетно пролетающим облаком, и видение пропадало.

— Нам сюда, — сказал Гирадо, указывая на озеро.

— Мы пришли, — отозвался киммериец, спешиваясь. — Где он живет, этот твой маг, у которого находится водная часть амулета?

— Да не амулета, а талисмана, — поправил Гирадо.

— Не вижу такой уж большой разницы! — фыркнул Конан.

— Поверь мне, разница есть, и существенная, — пустился было в объяснения Гирадо, но киммериец прервал его:

— Избавь меня от разговоров о колдовстве, дружище! Ты убиваешь монстров по науке, а я разделяюсь с ними по-свойски.

— В данном случае тебе придется положиться на мои знания, — возразил Гирадо и, порывшись в сумочках, висевших у него на поясе, извлек оттуда маленький пузырек. — Здесь содержится очень полезное зелье. Оно поможет нам с тобой дышать под водой. Нужно будет, правда, поторопиться, потому что действие зелья ограничено. Если мы не успеем выбраться на поверхность до того, как оно закончится, мы с тобой оба утонем.

— Мы? — спросил Конан. — Ты хочешь сказать, что мы сейчас наглотаемся этой штуки, а потом нырнем под воду и будем там дышать, как две проклятые рыбы?

— Приблизительно так, — улыбнулся Гирадо. — Поверь мне, я знаю, что делаю. Эта штука опробована.

— Именно эта или ей подобная? — уточнил Конан.

— Клянусь тебе, я плавал под водой и дышал. Нас учили этому в стигийской школе магии при святыище...

Гирадо запнулся.

— При каком святыище? — нахмурил брови киммериец.

— При святыище Сета! — с вызовом ответил маленький стигиец. — Насколько тебе известно, в Стигии нет другого святыища. А у твоего Крома вообще нет святыища.

— Ему и не нужно, — важно возразил киммериец. — Каждый уроженец Киммерии сам по себе святыище Крома. И если он умирает с оружием в руках, посреди славной битвы...

— Хватит! — оборвал Гирадо. — Я знаю основы твоей веры.

— Откуда? — поразился Конан.

— От тебя! — ответил молодой стигийский воин. — Хлебнув вчера доброго вина, ты довольно долго ревел боевые песни своего народа.

— Что-то я этого не помню, — с подозрением сказал Конан.

— Зато я помню. На вот, глотни. Только оставь мне, иначе я не смогу отправиться на дно вместе с тобой. Глотай осторожно.

Конан лизнул несколько раз горлышко пузырька, потом сморщился и сделал два маленьких глоточка.

— Гадость, — сказал он.

— Никто не говорил, что будет легко и приятно, — отозвался Гирадо и быстро допил зелье. — Теперь — за мной. Под воду. И дыши, не бойся. У тебя будет время привыкнуть. Нам нужно опуститься на самое дно и отыскать подводный город Оссу.

Поначалу Конан не мог даже заставить себя открыть глаза. Ему, конечно, доводилось плавать, но чтобы вот так, как рыба...

Наконец он решился и приподнял веки. Сквозь ресницы он видел рядом с собой извивающуюся темную тень — Гирадо. Стигиец плыл быстро и уверенно. Под водой, где было мало света, он напоминал змею. На мгновение Конан усомнился в своем новообретенном приятеле. Все-таки он родился в Стигии. Мало ли что он говорит о себе — воин, победитель монстров... Это любой может сказать. А сам учился магии. И в амулетах разбирается, и в зельях... Может быть, убить его, пока еще не поздно...

Но тут легкие Конана начали гореть, требуя кислорода. Несколько мгновений он еще терпел, боясь наполнить их водой и погибнуть, а затем не выдержал и сделал первый вдох. И... ничего. Зелье сработало. Кислород, содержащийся в воде, наполнил легкие, а смертоносная влага сама собою вышла через нос и рот. Конан увидел пузырьки, поднимающиеся энергичным столбом над его головой. «Чудеса!» — подумал киммери-

ец. Ему понравилось плыть под водой и дышать. Пузырьки смешно щекотали его уши и шею, когда он кувыркался.

— Не потеряй меч, — пробулькал рядом голос Гирадо.

Конан схватился за ножны рукой — и вовремя. Под водой все было не так. Ножны едва не соскочили с плеча. То, что на земле было тяжелым и надежным, здесь неожиданно обрело зыбкость.

— Туда, — Гирадо указал рукой на темную громаду, которая постепенно стала вырисовываться под ними на дне озера. Тонкие солнечные лучи, пронзая водную толщу, добирались даже до сюда. В их золотистых лезвиях можно было видеть, как танцует взвесь, как плавают маленькие водоросли, а то вдруг мелькала стайка потревоженных пестрых рыбок. Интересно, водятся ли здесь хищники — морские змеи или акулы, подумал Конан. Как будто прочитав мысли своего спутника, Гирадо булькнул над ухом Конана:

— Будь осторожен. Здесь есть змеи.

— Большие? — широко разевая рот и испуская гигантские пузыри, осведомился киммериец.

Гирадо развел руками, показывая что-то чудовищное.

— Тело? — спросил Конан.

Гирадо помотал головой. Его волосы извивались в воде.

— Пасть! — ответил он.

Как будто услышав, что говорят именно о нем, какое-то громадное существо закопошилось среди водорослей. Вскоре Конан заметил два сверкающих глаза, которые пристально наблюдали за плывущими.

Кто-то явно готовился к атаке. Хотелось бы знать, чем питается эта громадина? Неужели маленькими рыбками, вроде тех, что только что проплыли мимо? В таком случае, сколько же рыбок оно съедает в день?

На дальнейшие раздумья отвлеченного характера времени уже не осталось: чудовище испустило глухой вой, странно отздавшийся в водной толще, и бросилось в атаку. Вода тотчас помутнела, ил, взбитый могучим хвостом чудища, поднялся и завертелся вокруг сражающихся. Почти в полной темноте Конан наносил мечом ответные удары. Зубы лязгали, как казалось, сразу отовсюду. Смертельная опасность грозила со всех сторон.

Гирадо, плавая вокруг, произносил какие-то невнятные заклинания и сыпал порошки. Постепенно илистую мглу заволокло разноцветными нитями растворяющихся зелий. То зеленое, то красное, то желтое проплывало мимо, свиваясь в кольца и постепенно расходясь среди мельчайших частиц ила. Несколько раз Конан чувствовал, как его меч задевает живую плоть, и молил-

ся богине-воительнице Бэлит, которая столько раз помогала ему и его пиратам в морских сражениях, чтобы сейчас она уберегла Конана-Амру от неприятности убить по ошибке не монстра, а Гирадо. А это вполне могло произойти. Ослепленный, с замедленными движениями, Конан наносил удары наугад. Гирадо вертелся где-то совсем близко. И если под меч попадет он, то несладко ему придется. Конан разил со всей силы, надеясь покончить с монстром побыстрее — во всяком случае, прежде, чем закончится действие зелья, позволяющего ему дышать под водой.

Третий удар. Четвертый. Что-то острое царапнуло по руке, но боли Конан не почувствовал. Поднялась страшная вонь, и все заволокло бурым. Кровь, понял киммериец. А воняет потому, что рассечен кишечник.

Варвар испустил победный вопль и тотчас пожалел об этом — его рот заполнился отвратительной жидкостью. Отплевываясь и откашливаясь, он поскорее поплыл прочь. Вскоре вода вокруг снова стала прозрачной. Оглянувшись, Конан увидел, как вдали клубится что-то темное, неприятное. То и дело из этой бесформенной массы показывалось нечто длинное. Конан не мог разобрать, что это было, — хвост или лапы, а может быть, усы? Во всяком случае, там былся в агонии огромный морской монстр. Теперь, по крайней мере, рыбки вздохнут спокой-

но, подумал Конан и сам улыбнулся этой неуместной шутке.

Гирадо оказался цел и невредим. Он невозмутимо плыл рядом с варваром. На лице молодого стигийца бродила улыбка. Конан вдруг понял, что этот паренек на полном серьезе считает победителем морской твари себя. Что ж, оставим его в этом убеждении, подумал Конан. Какая разница! Когда их пути разойдутся, каждый будет рассказывать свою версию этой истории, и никто не будет внакладе.

Подводный город открылся им вскоре. Это было совсем небольшое поселение, но каждое здание в нем представляло собой истинное произведение искусства. Возведенные из тонких полупрозрачных камней разного цвета, — красных, синих, желтых, фиолетовых, — они обладали причудливой формой, какую можно иногда видеть у коралловых зарослей. Одни здания были похожи на актиний, цилиндрические, с тонкими башенками на крыше. Другие напоминали кораллы — круглые или древовидные. Комнаты-сфераe крепились к «веткам» этих подводных «деревьев», точно плоды, и внутри можно было разглядеть миниатюрную мебель, картины, светильники — эти были живыми и медленно плавали по всему помещению.

Обитатели подводного города, крошечные тритоны с человеческими лициками, даже не за-

метили пришельцев. Те были слишком велики для них, так что тритоны замечали только руку или прядь волос, но никак не целую фигуру проплывающих мимо Конана и Гирадо.

— Они не нападут? — спросил Конан, стараясь булькать потише. Ему не хотелось убивать этих крошек. Одно дело — свирепый морской змей с пастью, которая была больше размаха рук, совсем другое — малютки-тритоны, которых он мог передушить двумя пальцами.

— Нет, — ответил Гирадо. — Они нас даже не заметят. Если, конечно, мы не начнем крушить их дома. А нам придется это сделать.

Он показал на одно здание, которое было крупнее остальных. По форме оно напоминало многогранник. Внутри его что-то светилось голубым светом.

— Это их хранилище. Не знаю, много ли их живет здесь, но водная часть талисмана хранится именно здесь.

— Откуда ты знаешь?

— Посмотри. Она светится. Разве это непонятно? — Гирадо повернулся к Конану лицом, и киммериец увидел, что его спутник улыбается.

— Что тут смешного? — буркнул варвар.

— Я не смеюсь, — ответил Гирадо. — Я улыбаюсь. Здесь очень красиво. С тех пор, как я узнал о существовании Оссы, я мечтал побывать здесь и увидеть ее собственными глазами.

— Как будем добывать эту стекляшку? — грубо спросил варвар. — Своротим дом?

— Может быть, попробуем его приподнять? — предложил Гирадо. — Мне не хотелось бы разрушать здесь ничего.

— Мне тоже, — проворчал Конан. — Я приподниму дом, а ты бери талисман. Раз, два... Начали!

Они спустились еще ниже, и Конан почувствовал под ногами дно. Снова поднялся ил. Дно было мягким, упираясь в него оказалось неудобно.

Тем не менее Конан наклонился, обхватил обеими руками сферу и понял, что ранит ладони об острые края, хотя боли опять не почувствовал. Под водой все было иначе, чем на воздухе, и это сбивало с толку.

— Давай! — выдохнул Конан. Огромный воздушный пузырь вздулся у него над головой и лопнул.

Он приподнял здание. Но талисман поднялся вместе со сферой. Он находился внутри. Здание было цельным и замкнутым.

— Что будем делать? — спросил Конан.

— Заберем его наверх, — сказал Гирадо. — Разобьем на берегу. Ничего не попишешь. Они рисковали, когда брали на хранение этот талисман. Теперь кое-какие из их опасений сбудутся. Такие вот дела.

— Плыем, — сказал Конан. — Предчувствие у меня какое-то нехорошее. Надо бы нам поскорее выбираться отсюда.

Гирадо принял сферу из рук Конана — под водой она казалась совсем легкой. А киммериец обнажил меч и, озираясь по сторонам, поплыл сбоку. Ему постоянно казалось теперь, когда они прикоснулись к сфере с заточенным внутри талисманом, что за ними наблюдают. Он не мог бы сказать определенно, откуда взялось это чувство. Кто-нибудь более «цивилизованный» отнес бы его на счет варварского инстинкта и пустился бы в рассуждения о том, что северянин в своем развитии недалеко ушел от дикого животного. Что ж, возможно, он был бы прав, этот умник. Хорошо только, что его не было рядом с Конаном в этот миг.

Потому что почти сразу худшие опасения киммерийца оправдались. Сильный всплеск послышался у них за спиной, едва оба спутника покинули подводный город Оссу.

— Плыви! — крикнул Конан стигийцу. — Я разберусь с ними. Не вырони сферу, понял? Не вздумай тут колдовать. Мне кажется, скоро закончится воздух...

С этими словами он повернулся навстречу всплеску.

Несколько морских змеев, чуть меньше того, что до сих пор бился в агонии в клубке крови,

ила и разлитых магических зелий, настигали похитителей сферы. Конан сделал вдох поглубже, и тут его легкие наполнились водой. Он закашлялся и понял, что задыхается.

Гирадо неловко дернулся, как будто кто-то схватил его за горло. С выпущенными глазами, уже теряя сознание, он сдавил пальцами какой-то пузырек, болтавшийся у него на поясе...

И тут произошло нечто неожиданное. Вода с громом расступилась. Образовалась большая сфера, полная воздуха. На дне этой сферы извивались и стучали хвостами морские змеи — они задыхались, оказавшись в чуждой им воздушной стихии. А Конан и Гирадо с трудом переводили дыхание. За шаткими стенами воздушной сферы было видно, как проплывают мимо водоросли и изумленные рыбки. Внизу, под полом, исчезал подводный город.

Над головой сияло солнце. Оно становилось все ближе. Внутри делалось все жарче и светлее.

— Мы поднимаемся! — хрипло крикнул Гирадо. — Держись, сейчас нас выбросит на поверхность!

Но сфера лопнула прежде, чем они оказались над водой. Впрочем, сейчас это не имело никакого значения: Конан и Гирадо с хрустальным шаром в руках доплыли без труда до берега и вывалились на песок, глотая воздух. Трупы морских змеев, вяло извиваясь, ушли на глубину.

— Что это было? — спросил Конан.

— Видимо, у сферы имелось несколько охранников. Самого большого ты зарубил мечом, но прочие, поняв, что враг проник в Оссу и завладел талисманом, решили подкараулить нас на обратном пути, — пустился в объяснения Гирадо, но Конан прервал его, махнув рукой:

— Я не об этом. Что это была за воздушная сфера? Откуда она взялась?

— Это... — Гирадо помрачнел. — Это было мое заклинание для левитации.

— Левитации? — Конан нахмурился. — Боги, сколько же у тебя заклинаний?

— Много, — скромно отозвался молодой стигиец. — Впрочем, я никогда не пробовал левитировать. Купил эту штуку у странствующего мага в одном маленьком стигийском городке. Хотелось полетать, но вот все как-то не доводилось...

— Ловко ты придумал воспользоваться этой штукой под водой! — не мог не восхититься киммериец. — Откуда ты узнал, что левитация создает дополнительный воздух? Клянусь грудями Бэлит, иногда от твоей глупой площадной магии бывает толк.

Гирадо потупился и покраснел.

— На самом деле я понятия не имел, что все получится именно так, — признался он. — Я раздавил этот пузырек случайно. Когда уже зады-

хался под водой. Но все получилось как нельзя более удачно.

И Конан не мог с ним не согласиться.

Некоторое время они просто лежали на берегу и переводили дыхание. Их лошади спокойно паслись, выщипывая остатки травы с лужка. Небо над головой казалось особенно ярким и веселым, а облака, пронизанные светом, выглядели приветливыми, словно подушки.

— Человек не создан для подводной жизни, — изрек Конан. — Человек создан для твердой земли, добной женщины, звонкой стали и хмельного вина.

— И сытного хлеба, — добавил Гирадо. — У меня в суме лежит краюха... Только встать не могу. Ноги болят.

Они стали осматривать себя и обнаружили немало ран и ушибов, которых не почувствовали под водой. Кое-как перевязав ладонь, чтобы не кровоточила, Конан отправился к седельным сумкам. С фляжкой и краюхой он вернулся к своему спутнику. Они перекусили. И хлеб, и вода показались им особенно вкусными.

— Хорошо жить и дышать, — не уставал радоваться Гирадо.

— Гляжу я на тебя, Гирадо, — сказал киммериец, — и начинаю верить в твои слова.

— Какие? — Гирадо блаженно вытянулся на берегу, подставляя солнцу смуглое лицо.

— Насчет того, что в Стигии живут не одни только зловредные маги. Ты — совсем нормальный человек. Если не считать того, что свихнулся на заклинаниях и зельях.

— Мы сражаемся с монстрами, — строго молвил Гирадо. — Нам не обойтись без заклинаний. Давай попробуем вскрыть сферу.

На воздухе сфера сверкала и переливалась всеми цветами, от желтого до фиолетового. Она выглядела такой красивой, что Конан невольно прикинул ее цену на рынках Аренджуна или Ианты и даже застонал сквозь зубы.

Водный талисман болтался внутри. Там булькала вода и видно было перепуганное лицо маленького тритона, который, видимо, охранял талисман — а может быть, пришел ему помолиться.

Конан поднял хрустальную сферу над головой и с силой ударил ее о камень. Раздался звон, осколки разлетелись во все стороны.

Тритон выпал вместе с талисманом на песок и отчаянно забился там. Конан подхватил его в прыжке и положил на ладонь. Существо смотрело на него страдающими глазами. Распирив рот, оно глотало воздух. Конан осторожно положил его в воду.

Несколько секунд тритон лежал неподвижно, а потом вдруг забил перепончатыми лапами, испустил какой-то странный горловой звук и исчез в глубине.

Хмыкнув, Конан повернулся к талисману. Это был обломок широкого кольца с неровными краями, довольно безобразный, на взгляд киммерийца. У талисмана имелось только одно достоинство, он был совсем маленьким. Гирадо положил его в одну из своих многочисленных сумочек и подвесил к поясу.

— Давай проведем здесь остаток дня и переношуем, — предложил Конан. — Я чувствую себя усталым. Наверное, ты тоже.

Стигиец не стал ему возражать.

Дорога вела под уклон, но от этого не была более легкой. Кони то и дело оступались. В конце концов оба путника спешились и повели лошадей в поводу, опасаясь, как бы те не повредили себе ноги.

Оба молчали. Смуглый стигиец посерел и осунулся. Конан, отличавшийся железным здоровьем, но никогда не любивший болтать по пусту, не нарушал безмолвия.

Окружающие горы мало напоминали ему родную Киммерию, но все же были хороши — высокие, с острыми пирамидами. Кое-где вдалеке даже виден был вечный снег. Над головами, пронзительно и зловеще крича, кружил ястреб.

В конце концов Гирадо заговорил:

— Честно сказать, не знаю я, где обитает Мемфис. Я читал о нем в одной книге, но там не говорилось ничего конкретного.

— Иными словами, мы заблудились? — уточнил варвар.

— Не совсем, — возразил Гирадо. — Дракон где-то поблизости. Только непонятно, здесь или там.

— Я не верю в драконов, — сказал Конан. — Бывают, конечно, разные отвратительные твари, но чтобы дракон, да еще серебряный...

— Написано, что он приветливый и в принципе любит людей, — добавил Гирадо.

— Да. И поэтому хоронится от них в непроходимых горах, так, чтобы никто не мог его отыскать при всем желании..

— Может быть, он предпочитает одиночество. Многие мудрецы любят людей, но предпочитают одиночество, — заявил Гирадо.

Конан не нашел, что возразить.

После долгого дня утомительного пути они остановились было на ночлег под открытым небом, прямо на камнях, — ничего другого негостеприимные горы предоставить путникам не могли. И вдруг Гирадо, поднявшись на гору чуть выше, чтобы собрать там хворост для костра, воскликнул:

— Смотри, Конан!

— Что там? — Конан выронил охапку сухих веток, которую только что принес к месту стоянки, и выпрямился во весь свой внушительный рост. — Дракона увидел?

— Там кто-то есть, — сказал Гирадо. — Гляди, горит огонь.

Конан пригляделся.

Действительно, впереди мелькал огонек. Точнее, огонек стоял на месте — шевелилась под ветром ветка дерева, перегораживающая маленькое желтое пятнышко света.

— Похоже на окно, — сказал Конан. — Пойдем. Наверное, там дом. Живет там какой-нибудь мудрец, из тех, кому нравится сидеть сычом в одиночестве и размышлять о том, как бы сделать человечество счастливее.

— Стоит ли беспокоить его, в таком случае? — засомневался Гирадо.

— Если его не беспокоить, на нем вырастут бледные грибы, — сказал Конан. — Я одного такого видел. Кстати, в Стигии.

Гирадо сжал губы и промолчал. Иногда шутки варвара казались ему излишне грубыми, хотя сам Конан находил их вполне добродушными и забавными.

Домик оказался ближе, чем они думали. Перед единственным его окном действительно росло дерево с длинными тонкими мягкими колючками вместо листьев. Ветра и непогода как будто нарочно навязали узлов на длинных ветках, которые изгибались под самыми неожиданными углами, создавая причудливый узор. Гирадо предположил, что это дерево служит одиноко-

му мудрецу собеседником и предметом для размышлений.

Однако молодой стигиец ошибся. Обитателей уединенного домика в горах оказалось двое, причем оба мало походили на мудрецов-созерцателей: один — черноволосый, загорелый, вечно всклокоченный, с выпученными глазами; второй — сонный с виду, бледный и рыхлый, однако добросердечный и всегда готовый услужить. Черноволосый назвал свое имя — Бульнес; на сонного он только махнул рукой и сказал, чтобы не обращали на того много внимания.

Путники привязали лошадей и последовали приглашению хозяина разделить с ним небогатый ужин, состоявший из тушевых овощей и очень тощего копченого зайца.

Сонный прислуживал за столом, но видно было, что куда охотнее он свалился бы под лавку и там задремал.

За трапезой Гирадо завязал вежливую беседу с гостеприимным хозяином. Конан чувствовал себя усталым. Ему неинтересно было слушать, как Бульнес рассказывает о годах учебы в колдовских школах и еще о годах, проведенных в качестве подмастерья при видных магах Стигии. Этого мага — точнее, «недомага» — убивать не следовало; а любой маг — если он не являлся предполагаемой жертвой киммерийца, — был для Конана попросту скучен.

Между тем послушать рассказы Бульнеса стоило, и Гирадо, никогда не упускавший возможности поучиться чему-либо новому, жадно внимал каждому слову хозяина.

А тот, горестно ероша волосы и то и дело дергая их обеими руками от избытка чувств, повествовал о своей странной жизни, полной неудач.

— Я хотел стать некромантом, — рассказывал Бульнес. — Многие мои приятели по школе магии мечтали обрести власть над давно умершими людьми, чтобы те помогли им стать могущественными в нынешнем мире. Заклинания некромантии выглядят очень несложными, но пользоваться ими следует с очень большой осторожностью. Никогда не знаешь, кого вызовешь к жизни. Если это окажется, предположим, великий владыка былых времен или опытный жрец Сета, — все, можешь распрошаться со свободой. Вернувшись из небытия, такой сильный дух просто завладеет тобой. Словом, пока все наперебой экспериментировали, издеваясь над душами покойных своих родственников (один, я помню, пытался отомстить тетушке, которая в жизни страшно мучила его поцелуями, нотациями и нравоучительными примерами), я готовился к серьезному делу. Мне нужен был не слуга, не раб из потустороннего мира, но друг, союзник и помощник. Следовало очень тщательно обду-

мывать кандидатуру на оживление. Чем я и занимался.

— Поведай, Бульнес, — обратился к некроманту Гирадо с видом крайнего почтения, — каковы были твои конечные цели при оживлении мертвеца?

— Самые скромные, — твердо ответил Бульнес. — Ни завоевания царства, ни обретение власти над умами — ничего такого. Это было бы слишком опасно. Нет, я желал при помощи постороннего помощника предсказывать будущее, открывать прошлое и объяснять настояще. Слушай же, насколько мне это удалось.

Многие мои приятели, недоучившиеся маги, сделались тем временем шарлатанами. Они бойко предсказывали то, что произойдет через двести, триста лет, а также вешали о событиях тысячелетней давности. Естественно, никто не мог уличить их в обмане. Легковерные люди давали им деньги. Какое жалкое извращение магического искусства! Я и помыслить не мог, чтобы заняться чем-либо подобным.

Нет, я вознамерился завладеть телом одного из усопших мудрецов древности и вернуть его на землю. Большинство таких усопших в Стигии, как известно, служили в свое время Сету, божеству свирепому и любящему кровь. Не было смысла возвращать их на землю. Поэтому я обратился к усопшим мудрецам Дарфара. Мне

пришлось потратить немало средств и времени, чтобы свести знакомство с нужными людьми. Наконец несколько жуликоватых персон взялись выполнить мое опасное поручение.

Я продал дом, который достался мне от родителей, и расстался с большинством моих книг, чтобы оплатить услуги грабителей гробниц. В убогой лачуге, перебиваясь только водой и заплесневелым хлебом, я ждал... Прошло не менее месяца, когда оба негодяя вернулись из Дарфара и привезли мне желаемое в длинном грубом мешке. Они не пожелали даже взглянуть вместе со мной на мумию, такой ужас наводили на них древние гробницы. Не знаю, что они пережили там. Сами они ни словом об этом не обмолвились.

Я же, оставшись в одиночестве, снял мешок с мертвого тела и начал его разглядывать. Я знал, конечно, что некоторые дарфарские владыки, намереваясь воскреснуть в некоем отдаленном будущем для новой жизни, повелевали свои тела после смерти вымачивать в щелоках, потрошить, набивать смесью опилок и благовоний, — все это служило сохранности их бренных оболочек. Одно такое тело лежало сейчас передо мной.

Мне предстояло еще немало трудов, чтобы заставить мумию разговаривать и сделать ее своим другом. В одной из моих книг я читал о том, что древние жители Дарфара говорили языком,

ныне смолкнувшим, да еще при том не так, как мы, — сперва первое слово, потом второе и так далее, до конца всей речи, — а наоборот: с конца, то есть сперва последнее слово, потом предпоследнее — и так до самого начала. Кроме того, они даже писали в этом противоположном направлении...

Скажу больше. Самую жизнь свою они проживали с конца до начала, определяя при самом рождении весь будущий срок этой жизни. Таким образом, они говорили о младенце, что ему, к примеру, семьдесят восемь лет, разумея, что семьдесят восемь лет ему жить осталось; а о старце — что он достиг возраста одного года... Все это до крайней степени умудряло древних жителей Дарфара и делало их чрезвычайно ценными союзниками для умелого некроманта.

Моя мумия была велика ростом, бела — следовательно, хорошо вымочена в щелоке, — и почти без блеска на коже, что ясно указывало на высокое качество бальзамирования. Я приступил к заклинаниям. У меня были заготовлены различные снарябья, среди которых самыми простыми были мышиная моча, разведенная в уксусе, и кошачье сало, смешанное с амброй и толченой стружкой красного дерева. Я произнес положенные заклинания на семи мертвых языках.

И вот мои труды увенчались блестательным результатом. Скажу тебе правду, я едва не умер,

когда увидел, как моя мумия зашевелилась, разлепила губы и медленно открыла глаза. Наконец я собрался с духом и обратился к мертвецу на его родном языке, произнося слова от конца речи к ее началу:

— ! Мире нашем в сна вечного из восставшего тебя приветствовать я рад безмерно.

Услышав это, мумия некоторое время рассматривала меня как бы в изумлении. А затем спросила, так хрипло и невнятно, что я едва мог разобрать:

— Что тебе нужно?

От радости я не сразу осознал, что мумия разговаривает со мной на грубом, но вполне обыденном наречии. Однако это была настоящая мумия, пустое тело, чей мозг, желудок и прочие внутренности помещались отдельно, в алебастровых сосудах, и за ненадобностью хранились у меня в кладовой вместе с сухарями.

Я поблагодарил мумию за то, что она соблаговолила ожить, и принял задавать ей различные вопросы — о Дарфаре, о Стигии, о королях, ценах на рынке, о недавнем прошлом и о возможном будущем. На все это мумия давала вполне приемлемые и разумные ответы.

А я умащал ее тело, читал ей заклинания и рассказывал различные истории. Надо сознаться, что больше всего моя мумия полюбила скабрезные анекдоты, так что я, к великому удивлению

соседей, зачастил в веселое заведение одной госпожи, где этими историями меня потчевали весь вечер и добрую половину ночи.

Тем временем оживший мертвец вещал и прорицал. Многое из сказанного им сбывалось до мельчайших подробностей. Ко мне началиходить люди — за советом, за знаниями. Я не открывал им лица волшебного моего помощника, сохраняя его за занавесом, но несмотря на эту меру предосторожности, вскоре уже весь город знал, что я завладел мумией и сумел заручиться дружбой давно умершего человека.

Окончилась моя нищета. Я выкупил проданный было родительский дом, начал баловать себя яствами, а для мумии приобретал ценные благовония, которые она охотно обоняла. В конце концов мои бывшие товарищи, привыкшие презирать и жалеть меня как неудачника, преисполнились великой зависти и предприняли попытку ввергнуть меня в прежнее мое плачевное состояние. Особенно один из них выказывал сугубое упорство. Однажды он проник в мой дом, пока меня не было, и завел с мумией долгую беседу. Поначалу малословная, мумия отвечала назойливому гостю неохотно, но тот сумел ее раззадорить. Он курил для нее благовонные палочки, подносил к носу умершего бокал с вином, льстил, забыв о совести, и в конце концов моя мумия разговорилась и проболтала-

Никогда при жизни своей не был мудрец-вещун владыкой, ученым или жрецом какого-либо божества. Более того, эта мумия представляла собой настоящую фальшивку.

Предприимчивые торговцы, взявшие с меня такие большие деньги, подобрали по дороге в Дарфар труп умершего раба, сварили его в смоле, затем выбелили в щелоке и продали как нечто древнее.

Это разоблачение могло бы окончательно погубить меня, если бы не одно обстоятельство: все прорицания фальшивой мумии были абсолютно истинными. Бывший раб слишком хорошо знал людей, их слабости и побудительные мотивы, чтобы ошибаться, предрекая им то одно, то другое. Кроме того, он обладал завидным здравым смыслом и не утратил этого свойства и после своей смерти.

И все же оставаться в городе после этого разоблачения было для меня немыслимо. Поэтому я забрал с собой мумию, несколько книг, кое-какие инструменты для наблюдения за звездами и поселился здесь, в тиши и уединении.

— Кстати, меня звали Грес, — подал голос мертвец, заснувший было под лавкой.

Конан брезгливо подобрал ноги.

— Мне это все не нравится, — пробормотал он. — Пойду-ка я спать на свежий воздух. Благодарю тебя, Бульнес, за гостеприимство, но noche-

ваться под одной крышей с разговаривающим мертвецом мне почему-то не хочется.

С этими словами он забрал одеяло из верблюжьей шерсти, принадлежавшее Гирадо, и выбрался из хижины.

Бульнес проводил его глазами.

— Видишь, — обратился он к Гирадо, — как относятся ко мне все обыкновенные люди!

— Конан — не вполне обыкновенный человек, — возразил Гирадо. — Он великий воин и великий простец. Он из тех, кто разит, не раздумывая, и так же не раздумывая приходит на помощь. Но больше всего, как мне кажется, он любит свободу и деньги.

— Что ж, таких людей я тоже встречал, — задумчиво молвил Бульнес.

— Этот парень завоюет королевство, — подала голос мумия бывшего раба.

— Что? — обернулись к Гресу Бульнес и Гирадо.

— То, что я сказал. — Оживший мертвец зевнул и сел на полу, потирая глаза. — От него пахнет королевской властью. Он случайно не рожден королями?

— По-моему, нет, — сказал Гирадо. — В противном случае он бы об этом обмолвился.

— Говорю вам, этот парень еще станет владыкой, — упрямо повторила мумия. — Таково мое предсказание. Я редко ошибаюсь.

— Что ж, я передам ему твое мнение, — обещал Гирадо. И снова заговорил с Бульнесом: — В Стигии, пока ты пребывал в уединении, случилась беда. Точнее, она случится, если мы не остановим могущественную магу по имени Мутэмэнэт. Не встречалась ли тебе эта женщина в ту пору, когда ты изучал искусство некромантии?

— Лично я с ней никогда не виделся, — ответил Бульнес. — Но того, что я о ней слышал, оказалось довольно, чтобы отбить всякую охоту иметь с нею дело.

— Я не стану рассказывать тебе всего, — проговорил Гирадо. — Это долго и опасно. Возможно, у нее везде есть невидимые соглядатаи. Когда имеешь дело с магой, никогда не знаешь, чего ожидать.

— Говори основное, — сказал Бульнес. — Я постараюсь помочь тебе.

— Где-то здесь, в горах, обитает второй отшельник — дракон Мемфис.

— Я знаю его, — просто отозвался Бульнес. Мумия со вздохом растянулась на полу. Слышно было, как хрустят ее суставы.

— Чаще всего он бродит по горам, обернувшись дряхленьким старицом, — продолжал Бульнес. — Если ты не обладаешь магическим зрением, тебе ни за что не угадать в этом немощном старце могучего дракона с серебряным телом и

сверкающими клыками. Он умен, очень умен и обладает своеобразным чувством юмора.

— Совсем как Конан, — хмыкнул Гирадо. — Вот уж у кого крайне своеобразное представление о смешном.

Бульнес попытался пригладить непослушные вихры у себя на голове, однако это ему не удалось. Оставив всякую попытку привести в порядок волосы, он принялся теребить мочку уха.

— Если тебе повезет, ты встретишь его завтра. Недавно мы видели его гуляющим возле пещеры Хрустального бога.

— Это еще что? — нахмурился Гирадо.

— Одна пещера, — туманно пояснил Бульнес. — Идите дальше на север, до дерева, разбитого молнией. Вы увидите его издалека. Это огромный ствол, перекрученный и черный от давнего удара. Говорят, что на самом деле это вовсе не дерево, а древний великан, который поиздорил с громовержцем и за это был им наказан... Справа от убитого дерева будет вход в эту пещеру...

Голос Бульнеса звучал все тише и тише, и Гирадо почувствовал, как его клонит в сон. Не договорив фразу до середины, некромант задремал, свесив голову на грудь. Заснул и Гирадо. Тишина повисла над убогой хижиной, где долго еще мерцала одинокая лампада. Но наконец погасла и она.

Когда Конан проснулся, то не обнаружил ни хижины, ни стигийского некроманта, ни ожившей мумии, ни своего спутника. Оба коня, привязанные неподалеку к кустам, спокойно паслись и только время от времени дергали ушами. Небо над головой было ясным, коршун продолжал кружить и покрикивать тонким, тревожным голосом, но больше ничего живого поблизости не наблюдалось.

Конан сел, потер виски. Прокашлялся. Ничего. Вчера он совершенно не пил ничего спиртного, поэтому вряд ли ему почудился ночлег в странной хижине. Нет, хижина была. Киммериец считал себя человеком здравомыслящим, и сбить его с толку было не так-то просто.

— Магия, — прошипел он так, словно это слово было ругательством.

Он чувствовал себя отвратительно. Вчера следовало хватать Гирадо в охапку и бежать прочь из этого проклятого дома. Сразу, как только хозяин проговорился о том, что владеет ожившей мумией. С самого начала не понравился Конану этот Бульнес — если только того действительно так зовут.

Но ведь Гирадо мнит себя цивилизованным человеком! Как он мог обидеть гостеприимного хозяина, да еще стигийского мудреца? К тому же тот предлагал интересную беседу о магии, некромантии, предсказаниях и прочей чепухе, от

которой только одно лекарство — добрый удар дубиной по голове.

Сердясь на себя, как на лютого врага, Конан взял обеих лошадей и двинулся вперед. Может быть, Гирадо обнаружится вскоре — висящим на дереве, пришипленным к скале или еще в каком-нибудь неудобном и глупом положении, — и тогда его придется спасать.

Впереди показалось высокое дерево, давным-давно расщепленное молнией. Конан посмотрел на него, нахмурясь: что-то в этом дереве показалось ему подозрительным. Впрочем, в то утро любая вещь выглядела в его глазах гнусной и не заслуживающей доверия. Тем не менее в пещеру, вход в которую находился рядом с корнями погибшего дерева, варвар все-таки заглянул. Маги обожают подобные местечки, как он знал по своему опыту. Может быть, и здесь он отыщет какого-нибудь худосочного чародея, из которого можно будет вытрясти два-три полезных заклинания прежде, чем отрезать ему голову.

В пещере оказалось, против ожидания, светло. Стены ее были сложены полупрозрачным камнем сероватого оттенка, и солнечные лучи, рассеиваясь, проникали в подземелье. Казалось, здесь постоянно висит серебристая пыль. Тонкий звон сопровождал каждый шаг киммерийца — это отзывались на прикосновения подошв певучие камни. Впереди тихо капала вода.

По мере того, как Конан углублялся в пещеру, звук падения капель становился все звонче, все отчетливее. Наконец перед варваром открылся большой подземный зал. Конан остановился, изумленный представшим ему зрелищем.

Под тонким, почти совершенно прозрачным каменным куполом, находилось небольшое озерцо, заполненное черной водой. Из этой воды поднимался постамент в виде лотоса, а на постаменте находилась большая, выше человеческого роста, статуя какого-то божества. Этот бог, с огромными удлиненными ушами, полузакрытыми глазами и сложенными на груди руками, тихо дремал, скрестив ноги посреди большого каменного цветка.

Из потолка на темя статуе медленно падала вода. Каждая капля стекала по туловищу и омыvalа его. Божество зеркально отражалось в черной неподвижной воде озера. А на другом берегу, точно в такой же позе, сидел маленький дряхлый старичок и задумчиво созерцал статую.

При виде Конана старичок поднял голову и замотал длинными седыми усами.

— Человек! — прошамкал старик. — Зачем ты пришел в эту пещеру? Чего ты здесь ищешь? Ничего, кроме вечного покоя, тебе здесь не откроется, а ты не из тех, кому требуется покой.

— Ты прав, почтенный, — отозвался Конан. — Со мной случилась беда, вот я и пошел куда

глаза глядят в поисках человека, который мне бы помог.

— Беда? — удивился стариашка и затрясся от смеха. Его усы извивались, как живые. — Какая беда может случиться с таким, как ты? Ты молод, полон сил и шума! С такими никогда ничего не случается! У тебя нет дома, чтобы он сгорел! У тебя нет жены, чтобы она тебе изменила! У тебя нет детей, которые могли бы умереть! У тебя ничего нет, голодранец, кроме отменного здоровья и глупой башки!

— Ты прав, почтенный, — еще более вежливо ответил Конан бесноватому старцу. — Но у меня был спутник — и вот он-то пропал.

— Не очень похоже, чтобы ты страдал оттого, что пропал какой-то безмозглый глупец, с которым ты пустился в странствия! — заметил старишок и встал.

На нем были очень дорогие и чрезвычайно истрепанные одежды. Халат из золотой парчи порван в клочья, наборный пояс, украшенный бирюзой и рубинами, потерт и покрыт трещинами, обувь, сшитая из хорошо выделанной кожи, висела лохмотьями на тощих ногах. В таком же ужасном состоянии находились грязные всклоченные волосы старика, его тощая бородка и длинные, очень жидкие и неопрятные усы. Но небольшие темные глаза излучали мощную энергию, а беззубый рот шамкал властно.

— Тебе повезло, дурачина, — говорил старишок, показывая Конану на статую божества, — ты притащился сюда как раз в полнолуние, когда Амида достигает своего наибольшего роста.

— Как это? — не понял Конан.

— Эта статуя сформирована камнем и падающей водой, которая просачивается сюда сквозь трещины в потолке пещеры. Она прибывает и убывает вместе с луной. В полнолуние это природное изваяние достигает потолка пещеры, а к новолунию от него почти ничего не остается.

— Как это может быть? — поразился Конан. Старишок затрясся от смеха.

— Этого никто не знает! Мы ведь имеем дело с божеством! Оно захотело быть таким, оно стало таким, каким захотело, — вот и все, что мы можем знать об этом!

— Слишком сложно для меня, — проворчал варвар. — Могу я узнать твое имя, почтенный, или ты предпочесть, чтобы я терпел твои грубости, именуя тебе в ответ почтенным и не более того?

— Ах ты, маленький хитрец! — старишок по-грозил ему узловатым пальцем с длинным желтым ногтем. — Ах, плutiшка!

Прошло очень много лет с тех пор, как Конана называли «маленьким хитрецом». Разве что какая-нибудь девица, прикорнувшая на его гру-

ди... Но уж никак не взрослый мужчина. Тем не менее Конан повторил свой вопрос:

— Меня зовут Конан, почтенный, назови же теперь свое имя.

— Мемфис, — быстро ответил стариакашка. — Мое имя — Мемфис. Можешь называть меня также Большой Мемфис или Серебряный Мемфис. Понял, малыш?

Конан ничего не понял.

— Мемфис — это дракон, — сказал он. — Или глупый Гирадо опять все перепутал? Ты ведь старый человек, не так ли? Человек, а не дракон?

— Возможно, — смутно ответил стариик. — А возможно, и не совсем. Каждое полнолуние я прихожу сюда, чтобы полюбоваться на статую, которая возрастает до потолка пещеры. Дракону не проникнуть в это отверстие, не так ли? Приходится принимать меры. Да, приходится кое-что менять. Иначе я не могу увидеть статую. А мне хочется ее видеть. Понимаешь ли ты, малыш, что значит — хочется?

— Еще бы! — сказал Конан. — Например, мне хочется увидеть моего приятеля Гирадо.

— Неужели тебе дорог какой-то человечек? Судя по имени, он родом из Стигии, а ты не похож на стигийца. Стало быть, вы не родственники, — начал рассуждать старичик, назвавшийся Мемфисом. — А как тебя зовут, а?

— Меня зовут Конан, и этот стигиец мне вовсе не дорог. И уж тем более мы не родственники, — рассердился Конан. — Но мы вместе пустились в путь, и я хотел бы, чтобы этот путь мы и закончили вдвоем. Не привык я к такому, чтобы устроиться на ночлег вдвоем, проснуться в одиночку да так и уехать ни с чем.

— Погоди-ка, погоди... — Мемфис призадумался, закусив ус. — Где вы заночевали вдвоем? Не у Бульнеса ли, этого пройдохи-нероманта?

— Да, кажется, такое имя назвал хозяин довольно мерзкой хижины.

— Теперь понятно... — Мемфис хихикнул, перехнулся собственным усом и принял кашлять, содрогаясь всем телом. — Понятно, совершенно все понятно... Ты, наверное, ушел ночевать на двор, а твой дружок расположился под крышей.

— Да.

— Каждое полнолуние Бульнес со своей болтливой мумией проваливается под землю.

— Так принято? — уточнил Конан. — Или это какое-то проклятие?

— Откуда мне знать? — Мемфис выплюнул ус и громко фыркнул, почти как лошадь. — Мало ли что придет в голову этому человечьему отродью. Полная луна плохо действует на мумию. Она начинает зевать, говорить разную

чушь, а иногда делается злобной и кидается на своего спасителя. А чего он хотел, когда завладел трупом раба и превратил его в прорицателя? Окружил почетом, курит ему благовония — тьфу! Меня тошнит от всей этой глупости.

Старичок энергично плюнул себе под ноги и попал в черные воды озера. По глади побежали круги, возле каменного лотоса заколебались маленькие волны. По статуе пронесся долгий протяжный вздох, который зародился как будто в самых ее глубинах.

— Ой-ой, — сказал старичок. — Бежим-ка отсюда, малыш. Я случайно прогневал нашего бога, и он может пробудиться.

— И что тогда? — спросил Конан, не двигаясь с места.

— Если он никого не увидит, то заснет снова. А если заметит нас с тобой, то... мало ли что придет ему в голову спросонок! Этих богов разве разберешь!

И Мемфис мелко засеменил вокруг озера. Конан подхватил старичка на руки — тот оказался невероятно тяжелым — и бросился с ним бежать прочь из пещеры.

И вовремя — каменная статуя как раз начала приподнимать веки.

— Уф! — выговорил Мемфис, когда Конан поставил его на ноги. Они снова были возле входа в пещеру, рядом с разбитым деревом. — Быстро

же ты умеешь скакать, малыш. Как тебя зовут, говоришь?

— Конан.

— Забавное имя. Ты ведь северянин, а? Черный, как кашит, а глаза голубые. Пф! — Он снова фыркнул, так что усы испуганно разлетелись от его рта. — Где это тебя так сожгло солнцем? — Он поднял палец. — Только на море бывает такой загар! Только на море! Ты был гребцом на галере, а? Сознавайся, мерзавец, ведь ты бывший гребец на галере!

— Может быть, — сказал Конан. — Тебе-то какое дело, почтенный Мемфис, Серебряный и Большой, был я гребцом или не был?

— Да никакой, — сказал старичок. — От тебя воняет королями, а ты тратишь время, размахивая веслами на какой-то галере.

— Какими еще королями? — смущился Конан.

Наслаждаясь тем, что гигант-северянин наконец-то чувствует себя не в своей тарелке, старичок захохотал, широко разевая беззубый рот.

— Ты будешь королем или был им когда-то! — заявил он.

— Эка новость! — нашелся Конан. — Конечно, когда-нибудь я завоюю себе королевство.

Мемфис закивал головой, размахивая длинными серо-серыми волосами.

— Похвально, малыш, похвально. Ну что, ладим?

— Куда? — не понял Конан.

— Ты хочешь тащиться к хижине Бульнеса пешком? — поинтересовался старик ехидно. — Неужели не надоело бегать туда-сюда, туда-сюда? Летим! — прогремел его голос совершенно по-иному, и вдруг перед Конаном возник огромный змей с получеловеческим лицом на морде. Усы, каждый размером с большую змею, шевелились на камнях. На голове красовались острые загибающиеся рога. Тяжелый хвост расслабленно лежал среди кустов и булыжников. Серебряная чешуя сверкала на бледном солнце, и дракон казался металлическим.

И только темные глаза глядели по-прежнему, ехидно и весело. Это существо так и дышало жаром, жизненными силами, мощью.

— Садись между рогами, — прогремел голос, и усы расползлись в стороны, как бы в приглашающем жесте. — Полетим низко, но очень быстро.

Конан осторожно приблизился к голове дракона.

— Мемфис, — сказал он, и в его голосе не вольно прозвучало благоговение. — Как же ты красив!

— А... — вздохнул дракон. — Я всегда это знал!

Конан устроился на голове змея. Прикосновение чешуи оказалось прохладным и приятным.

Почти мгновенно змей чуть-чуть приподнялся над землей и заскользил, извиваясь, по воздуху. Мимо проносились, мелькая, кусты, низкие деревца, обломки скал. Прошло совсем немного времени, и дракон плавно опустился на землю.

— Здесь, кажется, стояла хижина этого дурака Бульнеса, — ворчливо прогремел он. — Ну-ка, слезай с моей головы. Будем копать.

Конан спустился на землю и отошел чуть в сторону. Дракон сложил свое длинное тело кольцами и уставился на него.

— Ну? — сказало древнее существо.

— Что? — не понял Конан.

— Будем копать! — сказал дракон.

— Хорошо, — согласился Конан.

— Что же ты стоишь? — прогневался дракон. Он взмахнул усами, как бичами, и хлопнул хвостом по земле, отчего опавшие листья, хворост и несколько неудачливых ящериц взлетели в воздух. — Копай!

— Я? — переспросил Конан.

Дракон склонил голову набок, как удивленная собака.

— А что, я, по-твоему? Это твой приятель! Копай! Я буду помогать тебе песней.

И он действительно завел монотонную песню, от которой неудержимо клонило в сон. Конан опустился на колени и принял ладонями раз-

гребать землю на том месте, где, как он помнил, была злополучная хижина.

Вскоре он увидел лицо, засыпанное землей. Это был Бульнес. Он спал мертвым сном и чуть похрапывал. На его бледных губах вздувались пузыри.

— Оставь его, — прервал на миг свое пение дракон. — Займись другим. Этот уже привык к погружениям, а вот твой приятель мог и задохнуться.

Конан послушно бросил Бульнеса (надо признать, сделал он это весьма охотно) и принялся копать дальше. Вскоре он отыскал Гирадо. Стигиец спал мучительным сном, он позеленел, губы его ввалились и стали почти черными, веки изо всех сил жмурились, как будто пытались избавить взор от страшных видений. Конан вытащил его и уложил на траву.

— Хорошо, — сказал дракон, продолжая тянуть бесконечную мелодию. — Буди его, пока он не привык к этому сну. Пока что ему снятся отвратительные вещи — видишь, как хмурится? — но когда он попривыкнет и втянется, видения станут более спокойными, а потом и приятными... В конце концов он не захочет просыпаться.

— Но почему Бульнес не предупредил его, что останавливаться на ночлег под крышей его дома опасно? — спросил Конан, хлопая Гирадо по щекам и тряся его за плечи.

— Потому что ему дела нет до пришлых остоловов, которые забрели к нему под кров, — промурлыкал дракон.

Гирадо со стоном распахнул глаза. Конан увидел ужас, мелькнувший во взгляде стигийца.

— Кто? Что? — выдохнул Гирадо.

— Это я, — сказал киммериец.

— Конан! — Гирадо с глубоким вздохом опустился на траву. — Мне показалось, что я умер, что меня опускают в чан с кипящей смолой и хотят сделать из меня мумию...

— Ну, что я говорил? — раздался громовой голос дракона. — Все это из-за некромантии. Возня с трупами никого еще не доводила до добра.

Гирадо подскочил, как ужаленный, и встретился взглядом с Мемфисом. Серебряный дракон шурялся, словно кошка, и откровенно потешался над перепуганным и растерянным человеком.

— Ты... ты... о, великий, почтенный, о могущественный... — залепетал стигиец, хватаясь то за один, то за другой амулет.

— Это я, — важно подтвердил дракон. — Я познакомился с твоим спутником, с этим верзилой, который был вежлив с хильм стариком и бесстрашен с могучим драконом. Хо, хо. Куда это вы, малыши, направляйтесь? Здесь не очень приветливые края, как вы успели убедиться.

— Мы ищем... нам нужно найти... — начал стигиец, но махнул рукой и вдруг заплакал. —

Мне трудно говорить, — сквозь слезы вымолвил он. — Столько всего произошло! Живая мумия, некромант, подводный город, а теперь еще ты — такой огромный, такой...

— Прекрасный, — самодовольным тоном подсказал дракон. — Ладно, пускай отвечает северянин. Как тебя, кстати, зовут, северянин? Кажется, в голове у тебя не совсем пусто.

— Нам нужна часть амулета, — сказал Конан, решив на этот раз не называть своего имени дракону. Будет с него.

— Талисмана, — поправил Гирадо.

Конан махнул рукой.

— Ну, талисмана. Такой кругляшок, разбитый на четыре части. По нашим сведениям, у тебя хранится та часть, что позволяет повелевать духами воздуха.

— Что, очень надо? — спросил дракон еще более насмешливо.

— Без этого не остановить Мутэмэнет, если ее имя тебе что-нибудь говорит.

— Помню такую женщину, — задумчиво протянул Мемфис. — Красивая, но очень злая. Она приносила мне воздушный талисман. Говорила что-то об опасностях, о магии, да я ничего не понял. — Он потянулся, развернув и снова свернув кольца своего огромного серебряного тела. — Я слишком стар, слишком могуч, слишком далек от мира людей... Если бы вы только знали,

какими жалкими кажетесь вы с той высоты, на которую я летаю! Вы живете так мало, что я не успеваю замечать, как сменяются поколения. Вы ходите так медленно, что я обгоняю вас, едва начав движение. Вы ничтожны... и все же есть что-то непобедимое в вашем неустанном продвижении вперед. Чего вы достигнете когда-нибудь? Я это увижу, я увижу... Да, я доживу до этого времени...

Дракон зевнул, ослепив двоих спутников блеском своих белоснежных клыков, в которых, казалось, отражались, искаженные, оба лица, Конана и Гирадо.

— Забирайте эту безделку, — сказал дракон, и из-под его перепончатой лапы выпал неровный кусочек металла. Гирадо схватил талисман так быстро, что Конан едва успел проследить за ним глазами. — И уходите... уходите, пока не случилось еще чего-нибудь.

— Погоди, — остановил дракона Конан. — Ты был так добр, так снисходителен... Окажи нам еще одну услугу.

Дракон широко раскрыл темные глаза, в которых так и плясали усмешливые огоньки.

— Я слушаю тебя, малыш.

— Нам нужно попасть в подземный город магминов.

— Сколько всего вам нужно, малыш! У меня просто голова идет кругом! — громовые раскаты

драконьего смеха разнеслись среди скал. — Идите в ту пещеру, где мы встретились. Лошадей тебе придется отпустить... Они, по-моему, убежали, едва я принял истинный облик. Впрочем, я не уверен. Проверь. В любом случае, в подземелье их не бери. Там они не пройдут. Вход — там, мимо статуи Амиды. Дождитесь, пока минет полнолуние. Нехорошее это время для вас, людей, — полнолуние...

Дракон чуть приподнялся над землей. Кончик его хвоста задрожал — древний зверь предвкушал предстоящий стремительный полет.

— Прощайте, малыши, — зазвенел, запел медный голос Мемфиса. — Прощайте!

Серебряная стрела чиркнула воздух, и спустя миг в ослепительно-синих небесах уже извивалось огромное, сияющее тело гигантского древнего змея.

Гирадо изо всех сил старался сохранять невозмутимый вид, но это у него не очень-то получалось. В подземелье он ехал и все время оглядывался по сторонам, как будто ожидал нападения страшного чудовища.

Ничего не происходило, и это, как с насмешкой подумал Конан, еще больше пугало маленького стигийца. Смуглые тонкие пальцы постоянно перебирали амулеты, ощупывали то один, то другой мешочек с колдовскими зельями. Губы то и дело принимались шевелиться, бормоча за-

клиниания, но ни одно из них стигиец не договорил до конца.

— А что, — обратился к нему Конан, — душно было тебе спать под землей?

Гирадо посмотрел на своего спутника большими темными глазами, расширенными от ужаса.

— Поначалу я вообще ничего не понял, — признался он. — Просто заснул. Земля забила мне рот и нос, но я не умирал. Тяжело и мучительно спал. Такое иногда случается, когда тебя давит тяжелое одеяло...

— Давит одеяло! — фыркнул Конан. — Чего только не услышишь, общаясь с цивилизованными людьми!

— Легко тебе говорить, верзила, — обиделся стигиец.

При виде могучей, бугрящейся мышцами фигуры варвара трудно себе было представить, что его могло «давить» одеяло. Однако хрупкий стигиец — другое дело. Какая-нибудь баранья шкура или набитый войлоком матрас вполне могли сжать его грудную клетку и вызвать кошмары.

— Ладно, не обижайся, — миролюбиво отозвался Конан. — Лучше продолжай. Интересно.

— Мне снились страшные вещи. Отрубленная голова моего брата, превращенная в рубин...

— А разве твоему брату отрубили голову? — удивился Конан.

- Это же сновидение! — объяснил стигиец.
- А разве оно не пророческое или что-то в этом роде?
- Нет, просто сновидение. Только страшное.
- Нет ничего страшного в отрубленной голове, — заявил Конан. — Я самолично отрубал головы и могу тебя заверить, что нет ничего более мирного, молчаливого и безопасного, чем...
- О боги! Я говорю о своем брате! — возопил стигиец.
- Ты ведь его даже ни разу не видел, насколько я понимаю.
- Неважно. Мы с ним одной плоти. Словом, я не буду тебе больше ничего рассказывать...
- Чуть помолчав, Гирадо добавил.
- И эта красная, полупрозрачная голова имела мое лицо. И она пыталась мне что-то сказать, но ее губы были скованы рубином.
- Как это? — заинтересовался Конан.
- Я хотел сказать: она была рубиновая и потому не могла шевелить губами.
- Красивый сон, — помолчав, оценил Конан. — А потом?
- Потом ты начал меня трясти. Рубиновые грэзы рассыпались, я увидел серенький свет и твою физиономию. Но этот дракон! Как ты сумел завоевать его уважение?
- Что-то я не заметил, чтобы старый Мемфис проявлял ко мне уважение! Просто мы с

ним поболтали. Точнее, я поболтал с неким сварливым старишкой, который бродил по этой пещере и случайно плонул в изображение бога... или в самого бога. А вот и он!

Они вошли в подземный зал с озером, посреди которого на каменном лотосе восседала прозрачная статуя божества.

Теперь, когда полнолуние миновало, капли с потолка падали реже, и статуя сделалась меньше. Конан предположил, что к новолунию изображение божества (или же само божество — этого он так до конца и не понял) становится совсем маленьким. Тем не менее глазам путников предстала довольно внушительная картина: почти совершенно прозрачный бог, застывший в спокойной, отрешенной позе, глядел на них из-под полуопущенных век равнодушно и слепо; на холодных, выпяченных губах застыла полуулыбка, которая в любое мгновение, казалось, может обернуться злобным оскалом или приветливым смешком.

Отраженная в неподвижной черной водной глади, статуя казалась двуглавой.

— Клянусь Бэлит! — шепнул стигиец. — Здесь жутко!

— Пока он не шевелится, все в порядке, — отозвался варвар, пожимая плечами. — По мне так, все статуи богов ничего не стоят, пока они остаются статуями.

В это мгновение прозрачный бог открыл глаза и осторожно шевельнул рукой. По озеру пробежали круги.

— Ты касался воды? — спросил киммериец у своего спутника.

— Нет... Тебе тоже показалось?

— Кром! Проклятье! Ничего не показалось! Он оживает, и одному только Нергалу известно, почему!

— Люди... — пронеслось эхом по подземной пещере, и это простое слово отзывалось от стен много раз, то глухо, то гулко, пока наконец не начало звучать зловеще, словно представляло собой какое-то древнее могущественное заклинание. — Люди...

— Да, мы люди! — выкрикнул Конан, желая разрушить очарование страха. — А ты — всего лишь ледяная статуя!

— Я бог... — загремело вокруг. — Я бог... Ничтожные, жалкие люди!

— Мы друзья Мемфиса, — бойко проговорил стигиец, размахивая амулетом причудливой формы. На коротком жезле сидело изображение дракона, раскрашенного красными и золотыми полосами. Чуть ниже дракона имелось синее кольцо, с которого свешивались цепочки, кисточки, причудливо завязанные узелками шелковые шнурки и колокольчики. Все это брякало и раз-

вевалось, однако на ожившего ледяного бога не производило ни малейшего впечатления.

— Я Амида, спящий здесь, во тьме, тысячи лет! — сказал он. — Дракон Мемфис превратил меня в крошечного карлу и оледенил мои члены. Много тысяч лет длилось наше противостояние. Мы видели, как пала Атлантида, но и это не остановило нашей вражды. Нам не было дела до страданий людышек, ведь мы были равными противниками и стоили друг друга. Только это нас и занимало. Но вот Мемфис заручился помощью людей, этих ничтожных созданий... Я ненавижу людей! — взревел вдруг Амида, и по его телу побежали струйки оттаявшей воды. — Это дьявольское отродье! Их жизнь коротка, но за эти считанные мгновения, что они проводят на земле, они успевают совершить столько добра и зла! Богам потребовались бы столетия, чтобы сравняться в счете с человеком.

Люди стали союзниками Мемфиса. Он научился принимать их облик. Этот облик был, с их точки зрения, весьма несовершенным и даже смешным, и поэтому они полюбили его. Вот загадка человека! Человек может полюбить уродливое и смешное. Человек может полюбить отталкивающего старикашку, который забывает половину из того, что ему только что рассказали. И Мемфис понял это, и научился этим пользоваться.

А я никогда не снисходил до людей. Меня не интересовали их убогие тайны. Мне не хотелось заключать с ними союз. Я предпочел бы, чтобы их никогда не было!

И однажды я поплатился за свою гордость. Мемфис со своими отвратительными союзниками подстерег меня и набросил на меня сеть из своих чар. Спустя короткое время я, побежденный, поверженный, униженный, был превращен им в крошечную уродливую статуэтку и помещен здесь, в этой пещере, посреди озера.

Мемфис приковал меня к каменному лотосу, так что он стал моей тюрьмой. Но день и ночь сверху падают на меня благодетельные капли воды. Чем полнее луна, тем гуще и чаще эти капли, тем быстрее расту я. Ледяной покров в точности повторяет форму статуэтки, только увеличивает ее в размерах. Но увы, каждый месяц луна начинает убывать, и лед тает, а прозрачная статуя делается все меньш...

Конан присмотрелся и увидел, что внутри ледяной глыбы мерцает что-то темное. И это что-то было статуэткой, как и говорил Амида. Статуэткой, полной жизни и ненависти. Но она не могла двинуться с места и только пыталась прожечь своих собеседников яростным взглядом больших, узких глаз.

А лед статуи все плавился. Озеро, окружающее пленного Амиду, вскипало, по черной воде

плыли пузыри, в которых причудливо отражалось пламя свечей. От лотоса, волнуясь, разбегались круги.

— Я могу разрубить его мечом, — сказал Конан своему спутнику. — Но не знаю, стоит ли это делать. Если дух Амиды заточен внутри этой статуэтки, то неразумно будет выпускать его на свободу.

— Ты делаешь большие успехи в деле изучения природы духов, — похвалил его стигиец.

Конан поглядел на Гирадо искоса, но ничего не ответил.

Вместо этого он обратился к божеству:

— Дракон Мемфис умен и добр, насколько я успел заметить.

— Как ты можешь судить, кто умен и кто добр! — заревела статуя. Теперь лед трясясь, как желе, наполовину расплавленный, и золотой свет внутри глыбы разгорался все ярче. — Ты ничтожный, жалкий...

— Дракон Мемфис поступил правильно! — крикнул Конан. — Ты останешься здесь, в темноте и безвестности, Амида, и не сможешь помешать нам продолжить наш путь!

Со страшным грохотом лед обвалился в озеро. Обезображеные куски статуи закачались на черных волнах. «Скорлупа», одевавшая изящные руки и толстые скрещенные ноги, обломки «маски», покрывавшей лицо, проплывали мимо Ко-

нана и Гирадо. Странно было видеть бесстрастный прозрачный лик, оторванный от головы и подпрыгивающий в воде. Как будто там тонул человек, равнодушный к собственной судьбе.

А на лотосе осталась только маленькая золотая статуэтка, раскаленная теперь докрасна. Она тщетно пыталась приподняться, взмахнуть руками. Только шипение слышалось теперь, многократно усиленное эхом, и в этом шипении спутники разобрали:

— Мемфис... проклятый дракон! Мемфис...

Не сказав больше ни слова, они припустились бежать и скоро скрылись в темных подземных переходах.

Поначалу ничего нового они не видели. Только низкие ходы, как будто прорытые огромными муравьями, обнаженные скальные породы, иногда сырость под ногами. Затем впереди мелькнул свет.

Конан остановился.

— Ты видишь? — спросил он своего спутника. Гирадо замер рядом с могучим киммерийцем.

— О чём ты? О том огоньке?

— Да. Это не просто светляк... Мне кажется, там есть кто-то живой, — сказал Конан.

— Ну да, — отозвался Гирадо, стараясь выглядеть уверенным, — светляк ведь живой.

— Я хотел сказать, там существа... Ну, какие-то разумные существа! — рассердился Ко-

нан. — Ты ведь прекрасно понял, что я имею в виду! Зачем прикидываться?

— Я понял тебя, — кивнул Гирадо, — только мне кажется, что там обычные колонии светляков.

— Что светлякам делать под землей?

— Мы очень мало знаем о живых существах, которые обитают под землей, — нравоучительным тоном проговорил Гирадо. — Например, некоторые эмей, лишенные глаз...

— Только избавь меня от болтовни о змеях, ты, уроженец земли Сета! — взревел киммериец. — Ненавижу змей!

— К ним стоит относиться с уважением, — заметил Гирадо. — Я тоже не большой поклонник Сета, но по крайней мере жизнь в Стигии приучила меня внимательно следить за змеями.

— Хвала богам, я не знаток жизни в Стигии! — разбушевался Конан. — И если я говорю, что впереди кто-то живой, то я говорю то, что говорю! То есть, что впереди кто-то живой! Опасный! Враг! Ты понял, что я говорю?

— Я понял, что ты злишься и немного напуган, — сказал Гирадо спокойно, что еще больше вывело Конана из себя. В наступившей тишине было слышно, как киммериец скрипит зубами.

От этого звука у Гирадо мурашки побежали по коже. К тому же он уже сообразил, что ким-

мериец прав: свет впереди означал, скорее всего, селение магминов.

Подземные жители, маленького роста, скорченные, с уродливыми лицами, были потомками лемурийцев, и в их сознании до сих пор жил образ их предков, красивых, с прямыми спинами и ясными глазами. У лемурийцев не было расширенных зрачков, приспособленных к тому, чтобы видеть в темноте. Они не напоминали горбатых карликов. Их руки не были мускулисты и узловаты.

Магмины тесно сроднились со стихиями подземного мира — прежде всего земли и огня. Огонь, который пылал в недрах земли, согревал их сердца, и каждый из них представлял собой как бы крошечный сгусток почвы с одушевленным пламенем в середине.

Они заметили пришельцев раньше, чем Конан углядел пламя их факелов. И скоро над головами путников начал сыпаться песок. Поначалу с потолка пещеры тихо струились песок и мелкие камешки. Но скоро это грозило превратиться в настоящий обвал.

Конан остановился.

— Эй! — крикнул он. — Мы никому не желаем зла!

Он прислушался. Гирадо так развелновался, что сам не заметил, как прижался боком к могучему боку киммерийца. Конан слышал его

дыхание и чувствовал, как дрожит маленький стигиец.

Поначалу никакого ответа не последовало. Только в темноте вдруг протопали крошечные ножки. Затем издалека донесся звон кирки. А после совсем рядом зазвучал голос. Говорил некто, с трудом выговаривая человеческие слова:

- Что вам надо?
- Мы пришли в страну магминов, — начал Гирадо, — с миром и нижайшей просьбой.
- Кто вы? — последовал вопрос.
- Два человека сверху.
- Мы знаем страны, которые лежат сверху, — высокомерно произнес голос. Он звучал так, словно исходил из статуи, хотя на самом деле говорило живое существо. Конан даже различал его дыхание, немного хриплое, как будто в легких у него осела каменная пыль. — Назовите эти страны.
- Стигия, — сказал Гирадо.
- Киммерия, — произнес Конан.
- Знаете ли вы Лемурию? — спросил голос.
- Она исчезла много тысячелетий назад, — отозвался Конан. — Но лемурийцы оставили на земле немало полезного...
- Вы уважаете Аемурию?
- Хоть эта страна и исчезла, она до сих пор заставляет с собой считаться, — быстро ответил

Гирадо. — Трудно не уважать такую страну, почтенный.

Посыпалось удовлетворенное шипение. Затем тот же голос заговорил опять:

— Кто ваши друзья?

— Дракон Мемфис, — назвал Конан и внутренне сжался, готовясь отразить атаку, с какой стороны бы она ни последовала. Он понятия не имел, кого поддерживали магмины в долгом противостоянии Мемфиса и Амиды. Вряд ли маленькие подземные человечки оставались в стороне, когда рядом кипела такая схватка: ведь они, считающие себя потомками славной Лемурии, полагали своим долгом вмешиваться в любые значительные конфликты, о каких только им удавалось узнать.

И если Конан назвал неправильное имя...

Гирадо нашупал несколько амулетов и одну бутылочку с порошком. Он не знал, какой это был порошок, ослепляющий или усыпляющий, но если придется действовать, он метнет зелье, не раздумывая, — а там уж как получится.

Но оказалось, что Конан не ошибся.

— Мемфис — наш друг, — сказал магмин и выступил на свет.

Это был крошечный согбенный старичик с длинной бородой, длинными редкими волосами серого цвета и уродливым лицом мандрагоры. Его руки почти касались земли, а глазки-бусян-

ки, состоявшие, казалось, из одного зрачка, глядели проницательно. Он смотрел на стоявших перед ним людей со странной смесью зависти и презрения.

— Мемфис никогда не презирал ни одно живое существо, — сказал магмин. — Он не презирал и нас. Он наблюдал за нами на всем протяжении нашей истории. Он видел, какими мы пришли из Лемурии. Он знал и о падении нашей страны, о погружении в волны материка... Он летал над тем местом, где некогда была Атлантида. Он рассказывал нам об этом. Он никогда не пренебрегал нами. А Амива был другим. Он презирал живые существа, если те были слабее его. Он совершил ошибки. Он попал в ловушку. Мы помогли Мемфису одержать верх. Вы видели Мемфиса?

— Да. Это он показал нам дорогу сюда, — сказал Гирадо и вежливо поклонился карлику. — У нас очень важное дело, почтенный. Если ты поверишь нам, то поможешь спасти царство от страшных чар.

— Колдовство людей! — карлик плонул себе под ноги. — Как это глупо! Ничтожные создания куют ничтожные заклинания ради ничтожных целей! В этом нет никакого сострадания к живым существам. Это непочтенно, это очень глупо. Это портит карму. Нельзя так поступать.

— Мы не хотим ковать заклинания, — быстро

проговорил Гирадо, чтобы не дать Конану вступить в беседу и присоединить свой могучий глас к мнению карлика о заклинаниях.

Гирадо достаточно уже наслушался рассуждений киммерийца на тему «хороший колдун — мертвый колдун» и не хотел, чтобы эту арию Конан с карликом исполнили дуэтом. Он справедливо опасался, что подобное исполнение займет не один час.

— Значит, не заклинания ваша цель? — повторил магмин.

— Ни в коем случае! — заверил Гирадо.

— Разве не амулеты у тебя на поясе, человек? — в третий раз спросил карлик.

Смутившись, Гирадо прикрыл пояс ладонью.

— Да, амулеты, но совсем слабенькие... Скорее, сувениры. Напоминания о некоторых... вещах. О встречах и странствиях. О том, что я должен почтить богов и духов. Не более того. Ну и пара сонных зелий — если вдруг не смогу заснуть. Иногда у меня бывают тревожные мысли, и я долго ворочаюсь без сна...

— Смешно! — Магмин затрясся от смеха. Смеялся он странно: втянув голову в плечи и чуть согнув в локтях руки, подпрыгивал на месте, испуская глухой звук: «ух, ух, ух!».

— Мне тоже, — встрял Конан. — Мне тоже смешно все это слушать. Вот что я расскажу тебе. Там, наверху, есть одна вздорная бабенка,

колдунья, которая хочет соединить все четырехстихии и таким образом завладеть душами всех живых существ, до каких только дотянется. Она попортит им карму, можешь мне поверить! В ней нет никакого... э... сострадания к живым существам. И карма у неё — хуже некуда, а будет — совсем кошмарная, уж ты мне поверь! Я в этом деле знаток, мне сам Мемфис рассказывал.

Карлик зашевелил сморщенным лицом, задвигал длинным извилистым носом, скривил рот сперва на одну сторону, потом на другую.

— Да? — проговорил он наконец. — Интересно то, что ты тут рассказывал. Какая это колдунья?

— Её зовут Мутэмэнэт, — опять вступил в разговор Гирадо. — Это могущественная стигийская заклинательница. Ей уже много лет, не одна сотня — точно. Она выглядит как юная красавица...

— Красавица? — Брови магмина полезли вверх. — О ком это ты говоришь? О долговязой бледнорожей уродине с синей краской на лягушачьих веках, которая пролезла к нам в подземелье и отдала на хранение часть талисмана?

— Огненную, — быстро сказал Гирадо.

— Огненную... — повторил магмин задумчиво и с испытующим видом глянул на молодого стигийца. — Да, эта колдунья настоящая уродка. Гладкая кожа, как будто смазанная слизью. Мясные красные губы. Отвратительно короткие руки. Да? Это она?

— Да, да. Она считает себя красавицей, но на самом деле — жаба жабой, — сказал Конан. — Уверен, что ты не ошибся, прозрев ее истинную сущность.

Магмин снова довольно закудахтал и наконец сказал:

— Идемте. Я проведу вас в наше селение и представлю старейшинам. Думаю, мы сможем доверить вам огненную часть талисмана, но только в том случае, если вы подробно расскажете нам свой план действий.

— А для чего вам знать наш план действий? — осведомился Конан, который и сам имел весьма смутные представления о том, в чем этот план может заключаться.

— Мы должны убедиться, что вы не намерены повредить ни одному живому существу, — объяснил карлик. — Если вы забудете о сострадании и нанесете ущерб созданиям мирового разума, то ухудшите тем самым нашу карму, поскольку мы стали вашими сообщниками.

— Странное у вас представление о карме, — брякнул Конан. Гирадо, предостерегающе взглянула на своего восхитительно невежественного в религиозных вопросах спутника, и Конан догадливо замолчал. К счастью, магмин был увлечен своими мыслями.

Поселение магминов находилось глубоко под землей. В глубоком мраке то и дело появлялся

дрожащий огонек, спрятанный внутри лампы со стенками из полупрозрачного камня — слюды или дымчатого хрусталя. Но эти лампы не столько разгоняли вечный сумрак, сколько подчеркивали его. Казалось, ничто не в состоянии залить эти подземные помещения торжествующим солнечным светом.

Но здешние обитатели в этом и не нуждались. Они давно привыкли к темноте и находили ее успокаивающей, способствующей глубоким раздумьям и погружению в самопознание. Их дома напоминали что угодно, только не человеческие жилища. В скалах, образующих стены бесчисленных коридоров и переходов, были вырезаны причудливые узоры. Тонкое каменное кружево переплеталось и, казалось, не ломалось только чудом. Здесь были и розы, и клубок змей, и сломанные ветки, перевязанные лентой, и фантастические существа, которые, возможно, обитают на дне самого глубокого из морей — того моря, что простиралось над землями погибшей Лемурии...

Посреди этой резьбы то и дело мелькали глаза. Огонь факела, который нес варвар, отражался в расширенных зрачках, и тогда всыхивало желтоватое или красноватое пламя. Множество подземных жителей следили за шествием, предпочитая, однако, оставаться у себя дома и не присоединяться к чужакам.

За этими ажурными «ставнями» или, лучше сказать, «воротами» находились сами жилища. Конан не мог разглядеть, имелась ли там какая-то мебель, но подозревал, что она тоже из камня. Одежда на магминах была кожаная, из выделанных шкурок каких-то существ, которые также обитали под землей. Про себя Конан надеялся, что это не крысы.

— Крысы? — переспросил Гирадо, и тут киммериец понял, что последнюю мысль высказал вслух. Он шепотом выругался: нельзя слишком погружаться в самопознание, иначе это выльется в процесс познания твоих мыслей посторонними — что, в свою очередь, плохо скажется на карме. Потому что если посторонние узнают что-либо лишнее, Конану придется отправить их в мир иной. А это плохо скажется на карме... И вообще, слишком много вещей плохо сказываются на карме!

Конан плонул себе под ноги, решив больше даже в шутку никогда не думать в подобных выражениях.

Киммериец не верил ни в какую карму. Человек рождается на земле и живет один раз. И если он достойно прожил и (что еще более важно) достойно умер, то свирепый бог Кром весело примет его в своих гостеприимных холодных чертогах, где идет богатырский пир. Вот и все. Вот и все.

— Какие крысы? — настойчиво повторил Гирадо, дернув Конана за рукав. — Почему ты говоришь о крысах?

— Я же говорю о крысах, — сказал Конан хмуро. — Мне просто интересно, из чьих шкурок они шьют себе одежду.

— Есть такие существа — подземные копатели, — сказал магмин. — Мы никогда не причиняем им вред. Мы не причиняем вреда живым существам...

— Шьете из дохлых? — поинтересовался Конан вежливо.

— О, да! — охотно подтвердил магмин. — Когда мы находим умершего копателя, мы совершаляем над ним погребальный ритуал, надеясь улучшить его и свою карму.

(Конан отчетливо скрипнул зубами).

— А затем мы снимаем с него его кожаную одежду, которая больше ему не нужна, иноссим ее нашим дубильщикам. Тело же предаем тлению.

— В смысле?

— Обливаем его горячей водой, чтобы ускорить процессы разложения, а когда оно окончательно сливаются с землей, которая его породила... — пустился в объяснения магмин.

Конан страшно сморщился в приступе брезгливости. Его красивое, хотя и грубо-ватое лицо превратилось на миг в отвратительную маску.

Гирадо поспешил перевести разговор на другую тему:

— Как ты думаешь, почтенный, хорошо ли отнесутся ваши старейшины к нашей просьбе?

— То, что вы хотите забрать, не принадлежит нам, — бесстрастно сказал магмин. — То, что вы хотите забрать, может ухудшить нашу карму. Думаю, старейшины отнесутся к вашей просьбе благосклонно.

Так и случилось. Большой зал совета, куда магмин доставил пришельцев, представлял собой еще одну просторную подземную пещеру с небольшим озером посередине.

Но здесь не было ни каменного лотоса, ни ледяной статуи. Одна стена пещеры была полностью изрезана все теми же причудливыми узорами. На сей раз они представляли собой переплетающиеся листья, длинные и узкие. Конан никогда не видел растения с такими листьями, однако подозревал, что подобные росли некогда в Ле-мурии.

Среди этих каменных листьев восседали магмыны. Их было великое множество. Повсюду к узорным решеткам приникали их сморщеные, коричневые личики, отовсюду свешивались разлохмаченные бороды и длинные, тонкие серые пряди нечесанных волос. Конан и Гирадо остановились на берегу озера, оглядываясь по сторонам. Они так и не поняли, являются ли все соб-

равшиеся здесь магмыны старейшинами или же решение принимают лишь немногие, а большинство — только зрители.

Подземный город не слишком нравился Конану. Здесь было тесно — не развернуться, не взмахнуть мечом. И темно — отовсюду мог напасть невидимый враг. Да и вообще, киммериец любил яркий свет, открытое пространство, свежий воздух. В его жизни нередко выпадали моменты, когда он был лишен всего этого, и Конан всегда неудержимо стремился к свободе, к простору.

А вот Гирадо, кажется, был потрясен представшей ему картиной. Как истинный сын Стигии — то, что Конан не без презрения именовал «цивилизованным человеком», — он чрезвычайно высоко ценил произведения искусства. Резьба по камню, в которой магмыны достигли такого совершенства, принадлежала, несомненно, к числу тех искусств, что завораживали ценителя.

— Итак, — зазвучал голос, тысячуекратно усиленный эхом, — перед нами два чужака. Говорите!

Гирадо не сразу понял, что обращаются к нему. Выждав немного — не желают ли заговорить магмыны, — он выступил вперед и начал:

— Мага из Стигии, Мутэмэнэт, отдала вам на сохранение огненный талисман. Мы пришли за ним.

— По поручению маги? — спросил гулкий голос.

— Нет. Мы — ее враги.

Гирадо отвечал определенно, без околичностей, поскольку успел немного изучить магминов по разговору с их провожатым. Здесь не требовалось лукавить, прибегая к пышным витиеватым оборотам речи. У магминов были союзники и соперники. Точнее, магмины воображали, что имели таковых. На самом деле почти никто на земной поверхности не имел об этом маленьком вымирающем народце никакого представления.

— Хорошо. Мага не понравилась народу магминов, — произнес голос с удовлетворением. — Ее поручение охранять огненный талисман было принято нашим народом только потому, что мы боялись отказом ухудшить нашу карму. Но если мы отдадим талисман пришельцам, то мы, несомненно, еще больше улучшим нашу карму. Вы можете забрать его.

Послышался мелодичный звон, как будто ветер осторожно ласкал десяток колокольчиков самых разных размеров, от толстого крепыша до тоненького малыша. Откуда-то сверху медленно начала спускаться цепочка. Вероятно, действовали некие скрытые в толщах скал механизмы, разработанные магминами, — но ни Конан, ни Гирадо наверняка ничего сказать не могли. Цепочка повисла перед резными листьями, на

уровне верхнего яруса, и остановилась. На нижнем ее конце находился небольшой предмет, плоский и бесформенный, — обломок талисмана, как справедливо предположил Конан.

Этот предмет тихо мерцал в полумраке.

— Надеюсь, он не горячий, — прошептал Конан на ухо своему спутнику.

— У меня есть каменный футляр, — ответил Гирадо очень тихо. — Я предвидел такую вероятность.

Он приблизился к талисману и протянул к нему руку.

— Будь осторожен! — вскрикнул один из магминов. — Эта вещь раскалена! Мы время от времени опускали ее в холодные воды нашего священного озера...

Остановленный вовремя, Гирадо принялся копаться в своем поясе и наконец вытащил небольшую каменную коробочку. Талисман был помещен туда с великими предосторожностями. Затем его обернули несколькими слоями выделанной замши (Гирадо предпочел не думать о том, кому прежде принадлежала эта «кожаная одежда» и каким образом с нею расстались прежние владельцы).

— Вы должны теперь покинуть наши владения, — торжественно молвил голос. — Идите вперед и вперед. Скоро дорога поведет вас на верх. Вы окажетесь на поверхности, под этими

страшными, отвратительными, обжигающими лучами, которые могут расплавить глаза, если их вовремя не закрыть. Прощайте.

— Прощайте! — закричал вдруг Конан во всю мощь своих легких и с удовольствием услышал, как где-то очень далеко отозвались ему потревоженные колокольчики.

Луксур открыл двум путникам великолепием пестрых витых башен, мощью ослепительно белых стен, скопой зеленью садов, стиснутых оградами... и, конечно, стражей. Стражники у ворот без интереса смотрели на странную пару путешественников, которых роднило, пожалуй, только одно: оба были пыльными, оборваными и уставшими.

Во всем остальном эти двое разнились. Один — рослый мускулистый северянин, вооруженный только мечом, рукоять которого выглядела из-за могучего загорелого плеча. Второй — маленький верткий стигиец, с головы до ног увешанный амулетами, талисманами и разными мешочками, где хранились снадобья, порошки, коренья и прочее.

Отбрав у путников последние несколько монет, стражники равнодушно пропустили их в город. Конан хмуро поглядел на алчных блестителей закона, но счел за благо промолчать. Его занимало другое: как попасть во дворец Мутэмэнет и как вынести оттуда сокровища. Нетрудно

догадаться, что пленный брат стигийца беспокоил его мало.

Нет, иная дума точила киммерийца. По своему опыту общения с магами и их сокровищницами он хорошо знал: далеко не все, что выглядит драгоценными камнями и золотом в подвалах какого-нибудь чудодея, является таковым на самом деле. Тратишь колоссальные усилия, сражаешься с демонами, побеждаешь, в конце концов, самого мага — и в результате становишься счастливым обладателем кучи сырой глины или... того хуже. У колдунов специфическое и довольно злобное чувство юмора.

Нет, нужно сперва хорошенько, как следует приглядеться...

Когда узкие, извилистые улицы Луксура поглотили их, Гирадо тихонько хмыкнул и вытащил откуда-то из своего богатого арсенала мешочек и потайных кармашков несколько серебряных монет. Конан присвистнул.

— Похоже, ты задался целью перещеголять меня, стигиец.

— Просто я предусмотрителен, — скромно отозвался Гирадо. Он был польщен похвалой киммерийца.

Недолго думая, оба приятеля завернули в ближайшую таверну. Она называлась «Разбитая ваза». В полном соответствии с этим названием все кувшины и вазы, стоявшие в нишах стен и

служившие для украшения помещения, были разбиты или со щербиной. Странно, но это выглядело даже красиво. Все целые кувшины, с точки зрения варвара, были на одно «лицо»; а вот разбитые представляли довольно живописную картинку. А что бесполезны... Что ж, были ведь другие кувшины, совершенно целые, и в них хозяин подавал гостям вино и воду.

Путники остановились у прилавка. Это был широкий массивный прилавок, сделанный из кирпича-сырца. Прямо в него был вмонтирован большой котел, а внизу, в широком очаге, горел огонь. В кotle что-то булькало. Чадный дым полз по улице, однако в самой таверне было прохладно и довольно свежо. Конан уже встречался с подобными тавернами: Это было типично южное изобретение, характерное для тех мест, где дорожили тенью и прохладой. На севере все обстояло наоборот: очаг помещался в глубине помещения, чтобы согревать его, а запахи съестного заполняли весь дом и сладко щекотали ноздри. Что ни страна, то свой обычай, философски подумал Конан.

Хозяин таверны, малопримечательный смуглый тип, предложил гостям по плошке каши с мясом (надо отдать ему должное, он не поскучился и положил с «горкой») и по кувшину кислого, сильно разбавленного вина. Нагруженные плошками и выпивкой, приятели зашли внутрь

и заняли место на вытертом ковре, среди разбитых сосудов, перед низким, сильно запачканым столом.

— Местечко не ахти, — признал Гирадо. — Когда я был помладше, здесь было почище.

— С тех пор прошло некоторое время, — сказал Конан, — и столы успели засалиться. Просто тогда они были новыми.

Гирадо фыркнул.

— На все у тебя найдется ответ, Конан.

Конан промолчал. Он прислушивался к разговорам, которые велись в тавернах. А послушать стоило. Здесь только о том и говорили, что Стигию захлестывает нашествие невиданных злобных тварей. Конечно, темному королевству не впервые было встречаться с демонами во плоти. Слишком много магов здесь жили, и среди этих магов всегда находился такой, который мечтал о господстве если не над всем обитаемым миром, то по крайней мере над Стигией и соседними царствами. А подземное божество мрака, Сет, которому поклонялись в этой стране, всегда был на стороне черной магии и усиливал любое заклинание.

Но то, что творилось сейчас, пугало даже привычных ко всему стигийцев. Поля опустошены. Стaii странных птиц с узким телом и железными клювами вытаскивают из земли любое зерно, любую травинку, а крестьян, которые пыта-

ются этому помешать, бьют по голове, по лицу, по рукам своими страшными крепкими клювами, пока люди не падают замертво, обливаясь кровью.

Реки кишат змеями. Сколько раз уже случалось, что человек пытается постирать одежду или набрать воды, а на него набрасывается целый клубок извивающихся холодных тварей. Они жалят человека, обвивают его длинными телами и утаскивают на дно, чтобы проглотить.

Нигде нет спасения от разбушевавшихся стихий. Реки выходят из берегов, то и дело начинаются ураганы или неведомо откуда прилетают смерчи. Потоки взбесившегося воздуха выдергивают из земли целые деревья или дома, а потом с силой бросают их вниз, с большой высоты. Число жертв все растет, и нет конца бедствию.

Причину называли шепотом: магия. Подозревали то одного, то другого известного мага, однако уверенности ни у кого не было. Да и потом, даже если бы обитатели Стигии узнали доподлинно, кто из великих мастеров Черного Искусства стал причиной нового бедствия, — разве посмели бы обыкновенные люди поднять руку на могущественного чародея? Им оставалось только страдать, тайно роптать — и погибать в катаклизмах...

Конан слушал очень внимательно. Его интересовали подробности. Пока что подтверждалось

все, о чем говорил ему Гирадо, — четыре стихии вышли из-под контроля богов. Они вырвались на волю благодаря заклинаниям маги Мутэмэнет и ее беспутных сыновей. Гирадо прав: долго так продолжаться не может. Мага предпримет свои меры. Вероятнее всего, она попытается остановить стихии, а затем возьмется за создание новых сыновей. Для чего ей понадобится новый супруг, потому что старый... кстати, может быть, она решит воспользоваться и прежним. Если только она сохранила его тело.

Здесь Конан вступил на зыбкую почву предположений и потому прекратил всякие раздумья на эту тему.

Доеv кашу, он обратился к своему спутнику:

— Что теперь?

— Я бы поспал... — признался Гирадо.

— Нет уж! Лично я не намерен оставаться в этом осином гнезде дольше, чем это необходимо! Пойдем к логову колдуны, осмотримся, а потом...

— Я хочу спать! — почти капризным тоном произнес Гирадо, и Конан вдруг вспомнил о том, что его приятель — младший сын от последнего брака. Конечно, едва оказавшись в родном городе, он снова почувствовал себя баловнем, которому все уступают просто потому, что он «маленький».

— Слушай, Гирадо, я ведь не твой папочка, — зашипел Конан. — Говорю тебе, спать будешь

потом, когда свернем шею этой ядовитой гадюке, Мут...

— Тс-с! — испуганно вскрикнул Гирадо. — Не называй ее имени! Зови лучше «гадюкой», если тебе нравится такое прозвище. Или гадиной. Как угодно, только не по имени, иначе она может нас услышать.

— Ой, ой, ой. Я испуган, — фыркнул Конан. — Ладно, будь по-твоему. Сперва покажи мне ее особняк, а потом, так и быть, ступай отдохнуть. А я хочу осмотреться.

В таверне нашлась свободная каморка прямо под крышей. Она стоила дешево, потому что ночью там было холодно, а днем — невыносимо жарко, но приятели согласились на эти условия. Выбирать им было некогда, да и денег, припрятанных Гирадо, хватит ненадолго.

Оставив там свои вещи, Гирадо спустился вниз, в общий зал, где Конан изумленно рассматривал разбитый им кувшин.

— Только что был целый... — пробормотал киммериец. — Случайно упал на пол. Не знаю сам, как это получилось...

— Наверное, он был с трещиной, — утешил Гирадо. — Поставь его в нишу, хозяин ничего не заметит.

Так Конан и поступил.

Хозяин таверны действительно ничего не заметил.

Шагая по луксурским улицам, Гирадо оживленно вертел головой, и было заметно, что он рад вернуться домой. Конан не понимал, как можно считать этот вонючий городишко «домом».

Здесь на улицах полно ослов и верблюдов, люди одеты по большей части в лохмотья, о мостовых, как правило, нет и речи — хотя центральная часть города все-таки вымощена деревянными брусками. Зато дворцы великолепны и зловещая красота храма Сета завораживает. Впрочем, для Конана это не имело значения. Его витыми башенками и острыми шпилями не проймешь. Он побывал уже во многих славных городах Хайбории, например, в Аренджуне, и навидался разных чудес.

Нет, киммериец по своей натуре — практик. Ему покажи горсть настоящих золотых монет или веселую красавицу — вот это производит впечатление. А все эти ухищрения, за которыми прячется зло, коварное и таинственное... Это не для Конана из Киммерии!

Дворец Мутэмэнет находился чуть в стороне от святилища, однако в опасной близости к нему. Это было большое здание, щедро украшенное башенками и причудливыми окнами. Конан презрительно присвистнул, прикинув, как просто опытному скалолазу взобраться по этому фасаду, однако Гирадо поспешил отступить от его пыл:

— Рано радуешься. То, что выглядит снаружи как окна, на самом деле — глухая стена. Окна находятся совсем в другом месте, и ты их не найдешь, разве что случайно. Мага заколдовала свой дом. Внешне он один, а на самом деле — абсолютно другой. И расположение комнат не такое, как представляется при первом взгляде. Более того, комнаты иногда меняются местами. Не знаю, как она это делает.

— Наверное, переставляет мебель, — предположил Конан.

— Нет, — Гирадо не поддержал шутку, — тут все гораздо серьезнее...

Они несколько раз обошли особняк кругом. Затем Конан отпустил своего приятеля отдохнуть. Усталый Гирадо мог и в самом деле наломать дров. Пусть лучше выспится и хорошо соображает. Терпеть его зевания над ухом Конан не желал.

А Конан остался. Закутавшись в плащ, он усился прямо на мостовую и задумался. По Стигии гуляют демоны, повелевающие стихиями. Это плохо, потому что демоны обычно не останавливаются в границах одного королевства и пытаются распространить свои безобразия на предельные страны. Мутэмэнэт лелеет новые замыслы относительно новых сыновей, которые помогут ей захватить власть. Еще одна головная боль. Гирадо хочет освободить душу своего бра-

та, которого никогда не видел. Очень похвально и благородно. А чего добивается Конан?

Ответ очевиден, сказал себе варвар. У чертовки наверняка имеется сокровищница. Добраться до золота и самоцветов, а потом уехать куда-нибудь в Аренджун и там пожить широко и весело.

Но как проникнуть в особняк, если он — мало того, что заколдован и наверняка хорошо охраняется, — да еще и не то, чем кажется?

Поразмыслив, Конан изобрел довольно дерзкий план.

— Нет! — закричал Гирадо, едва киммериец поделился с ним своей задумкой. — Нет, нет и нет! Ты сошел с ума! Ты еще не знаешь, на что она способна!

— А ты, похоже, не знаешь, на что способен я! — заявил северянин. — Иначе не стал бы так переживать. Я хочу познакомиться с этой бабой. Кто лучше меня подходит на роль отца ее будущих ублюдков? Посмотри на меня, Гирадо! Взгляни на это роскошное тело ты, жалкий стигийский заморыш!

Гирадо медленно краснел, а Конан тем временем скинулся плащ и вертелся перед своим собеседником, точно красующаяся модница.

— Оцени крепость этих мышц, статность этого торса, привлекательность этого честного лица!

Тут он скорчил такую ужасную рожу, что Гирадо не выдержал и расхохотался.

— Кто наговорил тебе этих красивых слов о тебе самом, киммериец? Вряд ли ты додумался до этого сам!

— Мне говорили об этом разные женщины, — важно ответил Конан. — Женщины, которые понимают толк в мужской красоте. Говорю тебе, ведьма не устоит передо мной. Она захочет заполучить Конана-киммерийца и нарожать от него красивых, крепких и умных сыновей. Я, конечно, мог бы дать ей их, но...

— Но? — переспросил Гирадо.

— Но ненавижу ведьм! — быстро ответил Конан. — Поэтому она будет ужасно разочарована, можешь мне поверить! Как ты считаешь, сумею я свернуть ей шею?

— Она заколдованы с головы до ног, — сказал Гирадо. — Заклятиями можно одеться не хуже, чем броней:

— У нее должно быть уязвимое место, — проговорил Конан. — Это закон. Ни один маг не может практиковать свое черное искусство, если у него нет уязвимого места. Иначе он превратился бы в бога, а боги такого не потерпят.

— Откуда ты все это знаешь? — поразился Гирадо. — Ты ведь не обучался магии.

— А, — небрежно отмахнулся Конан, — я разве тебе не говорил? Многие колдуны перед смер-

тью становятся дьявольски разговорчивыми. Рассказывают разную ерунду. А вот видишь — пригодилась и ерунда...

— Кто знает, — проговорил Гирадо задумчиво, — может, у тебя и получится...

И Конан отправился «ловить» Мутэмэнет. Плащ он оставил приятелю. Полуобнаженный, он небрежно прогуливался по улице перед домом маги. В руке — кувшин с вином, за поясом — стаканчик для игры в кости. Гуляка, который обдумывает, как бы получше провести время.

Мага наблюдала за ним из скрытого окна. Этот великолепный образчик мужской породы — как и предсказывал Конан — не оставил ее равнодушной. Обычно она мало интересовалась мужчинами. Разве что они требовались ей для магических опытов. И вот теперь как раз настало такое время — и боги послали ей этого пьяного северянина. Стоит залучить его в дом и посмотреть, на что он способен. Мага не сомневалась, что в случае необходимости она легко сумеет избавиться от нежелательного партнера. В конце концов, он всего лишь глупый мужчина, варвар, у которого в голове винный туман и смутные образы восточных красавиц.

Закутавшись в темно-синее покрывало, расписанное звездами и астрологическими знаками, мага выскользнула из своего особняка. Конан за-

метил ее почти сразу и радостно вздрогнул: попалась! Он намеренно широко зевнул и замурлыкал солдатскую песню. Женщина приближалась к нему соблазнительной походкой, плавно покачивая бедрами. В который раз уже Конан поражался тому, как умеют соблазнять здешние красотки: ни лица, ни фигуры не видно под просторным покрывалом, однако движения говорят порой красноречивей взглядов и жестов.

Оказавшись рядом с варварам, красавица чуть сдвинула покрывало с лица и одарила Конана долгим взглядом прекрасных глаз.

— Здравствуй, — прошептали невидимые губы. — Кто ты, удивительный мужчина, взволновавший мое сердце?

— Ух ты! — вымолвил варвар и рыгнул. — Ну да! Вот это номер!

И выпучил глаза, чтобы казаться еще глупее. Она снисходительно улыбнулась — он понял это по тому, как сощурились глаза.

— Как твое имя, красавец? — повторила она свой вопрос.

— Ну, это... меня звать Конан, — сказал Конан. — А ты?

— Зови меня Мут, — произнесла женщина голосом, прозвеневшим, как горный ручей.

— Ух ты! — сказал варвар. — Мут. Ну ты и красотка! А все остальное, что у тебя под покрывалом, ты мне покажешь?

Женщина засмеялась.

— Какой ты быстрый!

— А чего ждать? — поразился варвар. — Давай уж сразу. Ежели я тебе глянулся, так и ты, того... раздевайся и показывай, чего там у тебя. Глазки-то как горят! Глазки красивые.

— Все остальное — тоже, — сказала Мут. — А теперь сделай мне одолжение: помолчи. С виду ты хороши, а вот говоришь отвратительно.

И Конан вдруг понял, что действительно не может произнести ни звука. На мгновение страшная злоба захлестнула его.

Вот так дела! Едва он познакомился с проклятой ведьмой, как она сразу же его заколдовала. Но потом он подумал о другом. Как только он дознается, где у нее уязвимое место и убьет ее, заклятие будет снято. Так что и переживать особо не из-за чего.

Он глупо улыбнулся и позволил ей увести себя за собой.

Дворец действительно оказался совершенно не таким, каким выглядел снаружи. С улицы был виден приятный, немного легкомысленный особнячок, вычурный, выкрашенный в веселые цвета — розовый, голубой и желтый. Но стоило зайти за ограду, как все разительно менялось. Башенки превращались в остроконечные металлические штыри, нависавшие по всему фасаду и делавшие невозможным попадание на крышу.

Крыша щетинилась колючками и острыми шипами — пройти по ней было также немыслимо. Окна, расположенные совершенно не там, где представлялось поначалу, были мутными, закрытыми каким-то странным стеклом, отражавшим все что угодно, кроме реального мира. Конан видел, как в темных стеклах мелькали демонические лица, искаженные оскалом рожи, перепончатые крылья, когтистые лапы... иногда разверзлась пропасть, которая проглатывала эти образы, но тотчас извергала наружу другие, еще более жуткие. Варвар не мог понять, была ли то иллюзия, или же эти окна глядели в какой-то другой, демонический мир. Возможно, последнее ближе к истине, если учесть, какого рода магию практикует хозяйка особняка.

Невысокая дверь, обитая железом, отворилась бесшумно, едва только мага показала на нее пальцем. За дверью никого не оказалось, однако этому Конан как раз не удивился. Он не раз уже видел подобные штучки в обиталищах других волшебников.

Однако «простак»-Конан, которым прикидывался варвар, просто обязан был удивиться этому нехитрому трюку. Поэтому он немо промыштал что-то, что долженствовало выразить изумление. Мага метнула на своего добровольного пленника взгляд, в котором Конан прочитал недоверие и вместе с тем удовольствие. Про себя

варвар хмыкнул: какой бы изощренной и древней не была эта волшебница, ей не чуждо самое обыкновенное женское кокетство и желание нравиться. Она, небось, уж решила, будто насмерть поразила примитивное воображение незадачливого обожателя!

Внутри дворец был поистине огромным. Снаружи он казался довольно маленьким, но чары исказили пространство, замкнутое между этими стенами. Бесконечно тянулись анфилады роскошно убранных комнат, сменяясь извилистыми коридорами, переходами с лесенками, ведущими то вверх, то вниз, и прозрачными крытыми мостами, откуда можно было видеть внутренние дворики со статуями, деревцами и фонтанами. Однако ничто не остается безнаказанным, даже в мире магии. Искривленное пространство «мистило» за себя: многие вещи казались здесь искаженными, как будто смазанными или растянутыми. Стулья и столы с нарушенными пропорциями, позолоченные львиные головы и тела леопардов и пантер из эбенового дерева, инкрустированного слоновой костью, — в такой форме была создана здесь почти вся мебель, — казались изуродованными. Их как будто долго вытягивали на дыбе, прежде чем поставить здесь, в покоях маги, для ее услаждения. Морды животных из алебастра, резной кости, драгоценных пород деревьев навеки застыли в страдальческих оска-

лах. Лапы их в смертельной муке скребли паркетные полы и драгоценные пушистые ковры.

Хрустальные шары, служившие здесь для отражения и рассеивания света, горевшего внутри, — Конан так и не понял, каким образом устроены эти лампы, — выглядели приплюснутыми, хотя на ощупь они оказались идеально круглой формы. Варвар неустанно вертел головой, делая вид, что восхищается открывшейся ему роскошью, — в каждом покое был свой особенный стиль, не повторяющийся больше нигде.

На самом деле он изучал характер маги. И чем больше он смотрел, на вещи, которыми окружала себя Мутэмэнет, тем лучше понимал эту женщину.

Мутэмэнет любила, чтобы все вокруг служило ее удовольствию. Ради этого она не останавливалась ни перед чем. Она была готова перекроить весь мир по собственной мерке, лишь бы ей, колдунье, было здесь удобно. Комфорт — вот ее божество. И ради этого она много столетий изучала черные искусства, предала свою душу Сету, научилась управлять пространством и временем, завоевала себе бессмертное, прекрасное тело... Ради комфорта!

Конан едва сдержался, чтобы не плонуть на изумительные узорные полы. Комната, в которой они сейчас находились, представляла собой модель вселенной. Потолок ее был расписан

звездами и знаками зодиака — совершенно такими же, что и на плаще хозяйки особняка. Темно-синее небо с золотыми звездами и серебряными планетами и потоками космических энергий как будто накрывало присутствующих куполом. Все четыре стены — окна здесь не было — расписаны пальмами, кустами, различными растениями из далеких стран, от самых северных, где могут выжить только коренастые низкорослые кустарники, причудливо изогнутые в бесконечной борьбе против злых ледяных ветров, до самых южных, с мясистыми листьями и сочными водянистыми плодами, с ароматической смолой, от которой люди дуреют и впадают в странное полузабытье, полное волшебных и ужасающих грез.

А под ногами искусственная инкрустация из различных пород дерева изображала саму землю и прежде всего населявших ее гадов — самых разных змей, скорпионов, пауков, ядовитых тарантулов. Конан поражался тому, насколько тщательно изобразили неведомые мастера этих отвратительных ядовитых созданий. Казалось, будто ступаешь по кишащим внизу смертельно опасным тварям.

Вот такой должна быть вселенная, которой жаждет управлять Мутэмэнет, понял внезапно Конан. И еще эта вселенная будет искаженной — как искажен мир, втиснутый в стены ее

особняка. Этой же цели служат отвратительные демоны, вырвавшиеся на волю из неведомых пространств и миров вследствие оплошности, допущенной сыновьями маги. Мутэмэнет, поразмыслив, решила оставить их действовать на свободе. Ей необходимо внести хаос в упорядоченный мир людей.

У одной из стен находился хрустальный гроб. Конану не потребовалось заглядывать туда, чтобы знать, кто там похоронен: незадачливые сыновья Мут. Племяники Гирадо, подумал он со внезапным злорадством. Да, вот это родственнички!

А Мут по-прежнему улыбалась ему таинственно и призывно. Конана едва не стошило от этой улыбки.

«Вот ведь чертовка, — подумал он, — считает себя неотразимой. Тьфу! Обыкновенная ядовитая гадина... Интересно, умеет ли она читать чужие мысли? Дай-ка попробую... Дура! Нет, не реагирует. Надо подумать что-нибудь такое, на что среагирует любая женщина, даже самая умная. Ведь баба — она и есть баба, что ей всего дороже, будь она хоть царица, хоть богиня, хоть шлюха из придорожной харчевни? На свою драгоценную рожицу. У Мут — отвратная рожа. Вся раскрашенная. А вот если краску-то поскрассти — что под ней? Небось, дряблая кожа. И глаза припухшие. И бородавки... И прыщи... И стар-

ческие пятна... Нет, не реагирует. Ага, мысли читать не умеет. Очень хорошо».

Чрезвычайно довольный собой и результатами проведенного исследования, Конан послушно пошел за Мутэмэнет дальше, углубляясь в недра ее заколдованных дворца.

Тем временем Гирадо уже проснулся и занимался своим делом. Он не стал в свое время посвящать Конана в то, насколько глубоко он про ник в тайны магии, когда изучал некоторые ее дисциплины. Незачем варвару, который совершенно искренне считает, что «хороший маг — мертвый маг», знать некоторые вещи.

Например, то, что Гирадо умеет гораздо больше, чем может представить себе воин. Большинство его порошков, снадобий и чар — тьфу, ерунда, чтобы морочить голову легковерным крестьянам и путникам. Кое-что может отпугнуть разбойников, если те окажутся достаточно суеверными (а жизненный опыт научил Гирадо тому, что наиболее свирепые и жестокие грабители обычно больше всех подвержены самым грубым и примитивным суевериям и зачастую боятся обыкновенных призраков).

Но имелись в его арсенале и настоящие чары. И среди них — чары прозрачности стен.

Подобравшись поближе к особняку Мут, Гирадо осторожно насыпал вдоль улицы тонкой струйкой песок. Песок был самый обычный —

дело в том, какие слова при этом произносились. Каждое слово давалось молодому стигийцу с невероятным трудом. Оно словно оказывалось больше его рта, и выталкивать его наружу приходилось с усилием. К концу чтения заклятия губы Гирадо треснули, из угла рта текла струйка крови. Он посерел, покрылся каплями пота, но не мог даже поднять руки, чтобы вытереть его, и соленые струйки попадали ему в глаза.

Зато теперь он мог видеть. Пространство расступилось перед открывшимся внутренним взором Гирадо. Находясь на улице, он не мог попасть в само искаженное пространство дома Мутэмэнет, поэтому внутренний вид помещений открылся ему стиснутым, как бы сплюснутым, и все фигуры и предметы, находящиеся внутри, были искажены почти до неузнаваемости. Гирадо нашел Конана и хозяйку дома — тонких, как спицы, и сильно вытянутых вверх, словно в искажающем зеркале.

Мут что-то говорила варвару, а он кивал безмолвно, точно болванчик. «Или Конан действительно умеет ловко притворяться, — подумал Гирадо, — или она его закодировала, и тогда дело плохо». Он лихорадочно обшаривал взглядом покой за покоем в поисках крупного рубина. Однако обнаружить камень среди такого множества вещей, да еще сильно измененных магией, оказалось делом очень непростым.

«Прекрасная и грозная Бэлит! — взмолился про себя стигиец. — Помоги мне! Пусть Мутэмэнэт сделает что-нибудь такое, что откроет мне ее тайну!»

Но Бэлит, если и слышала эту горячую мольбу, не спешила прийти на помощь Гирадо, так что в конце концов молодому стигийцу пришлось полагаться только на свою смекалку и магические умения.

Тем временем Мут усадила Конана на мягкое ложе и принялась угождать разными напитками и фруктами. Он послушно ел и пил, а сам все оглядывался по сторонам, размышая, как бы ему ловчее одолеть колдунью. Пока что ничего не подсказывало ему ответа. Кругом висели драпировки, такие тонкие, что поначалу они показались Конану просто паутиной. Многие имели прорехи, и Конан так и не понял, что это было — настоящие дыры, следы времени, или же какая-то особенная мода, установленная чародейкой для самой себя. Судя по всему, Мутэмэнэт любила тлен и разложение. Ей нравилась пыль, скопившаяся на тонких тканях, повсюду свисавших с потолка в комнате, которую она избрала для наслаждений. Широкое ложе было застлано шкурами диких животных. Мутэмэнэт сохранила морды убитых зверей, и все они скалились в предсмертной агонии. Клыки их блестели в свете масляных ламп, сделанных в виде скор-

пионов, терзающих собственную плоть высоко задранными ядовитыми хвостами.

Конан лениво растянулся на шкурах. Он и сам казался диким зверем, пойманным в ловушку и все же смертельно опасным. Мутэмэнэт улеглась рядом с ним, поигрывая длинной черной прядью спутанных волос варвара. Внутренне Конан ухмылялся. Кем она себя воображает, эта заколдованная старуха? Неотразимой чаровницей? Ни на мгновение Конан не поддался чарам ее красоты... Ну, разве что на одно мгновение — когда она взглянула на него поверх покрывающей там, на улице. А потом киммерийца так запросто не проведешь. Он ведь знает, кто она такая.

Мут потянулась, выгибая тело. Конан не мог не отметить, какой красивой формы была ее полная белая грудь. Покрывала в виде звездного неба, скомканное, валялось в ногах женщины. Мут как будто попирает небосвод, подумалось Конану. В этом вся ее сущность. Завладеть и растоптать. Завладеть...

Он протянул загорелую крепкую руку и погладил прохладное тело Мутэмэнэт. На ощупь оно было шелковистым и податливым. Бедра так и льнули к мужской ладони. Мут откинула назад голову, открывая белое нежное горло, и затрепетала. Давно уже Конан не видел рядом с собой в постели женщину, которая так трепетала бы в его объятиях.

Зарычав, точно дикий зверь, он стиснул Мут и прижал ее к себе.

— Что ты делаешь? — безмолвно кричал Гирадо, беснуясь по другую сторону прозрачной стены. — Конан! Опомнись! Конан! Приди в себя! Ты поддался ее чарам! О, боги! О, Бэлит! Образумьте этого варвара! Пошлите хотя бы немного здравого ума в его тупую голову! Конан! Ты погубишь себя и всех нас!

Конан, естественно, его не слышал. Он ласкал Мут и наслаждался запахом ее волос. Это был сладковатый запах, немного похожий на дурман, и точно так же он опьянял, погружая в волшебные сны.

В рубиновой темнице бесстрастно наблюдала за любовниками душа пленного Уррутиа. В нем пробуждались смутные воспоминания. Воспоминания о том, как некогда он сам — в те далекие времена, когда еще обладал плотью, крепким мужским телом, пахнущим потом и лошадьми, — ласкал эту красивую женщину. Как она извивалась в его объятиях, как... танцевала — другого слова он не мог подобрать, — когда они занимались любовью.

Она была восхитительна. Она была лучше всех других. Ни одна женщина не могла сравниться с Мут на ложе утех. Наверное, стоило отдать свое тело на растерзание крокодилам, а душу — на вечное пленение в рубиновой темнице.

Цена немалая, но купленное этой ценой стоило затрат.

Любовь Мутэмэнет. Любовь? Разве мага знает, что такое любовь? Нет, страсть, плотская, низменная, но такая пылкая, такая... волшебная. Да, волшебная.

Душа Уррутии шелохнулась внутри рубина, и вокруг нее опять заколыхалась красноватая тьма, пронизанная золотыми искорками.

Интересно, какая судьба ждет нового возлюбленного Мут, неистового варвара? «Интересно», — подумал Уррутия. Но на самом деле ему было совершенно неинтересно. Он дремал внутри своей вечной тюрьмы. Он старался забыть о боли — и он забыл о ней. И теперь, когда боль грозила вот-вот пробудиться и вновь начать терзать свою жертву, он пытался подавить ее.

Сделанное — сделано. Прошлого не вернуть. Цена заплачена. Дело стоило того. Дремать. Спать. Небытие. Рубиновая мгла...

Пронзительный вопль Мутэмэнет разнесся по покоям. Вопль торжества, боли, ликования, счастья. Вслед за тем раздалось победоносное рычание варвара. Они разомкнули объятия и, тяжело дыша, раскинулись на звериных шкурах, лоснящихся от пота. Мут хватала воздух ртом.

— Негодяй, — нежным голосом произнесла она, — ты едва меня не раздавил!

Ответом ей было невнятное урчание, похожее

на те звуки, — которые издает насытившийся леопард.

— Я же заколдовала тебя, глупенький! — тихонько засмеялась Мут. — Ах я, дурочка! И забыла об этом. Ты не можешь мне ничего сказать.. Ну, бедняжка, бедняжка. Ничего, я тебя приласкаю...

Конан фыркнул, как конь, и замотал длинными черными волосами.

— Ах ты мой хороший! — продолжала сюсюкать Мут. — Ну ладно, ладно...

Она задумчиво водила ладонью по его крепкому телу, но глядела теперь в другую сторону. Казалось, удалец-варвар совершенно покинул ее мысли, блуждавшие теперь совсем далеко. На самом деле Мут размышляла о том, как ей поступить с пленником. Для того, чтобы родить новых сыновей, ей понадобится держать Конана у себя почти четыре года. Сумеет ли она укротить его настолько, чтобы он не поднял бунт и не попытался сбежать за такой долгий срок? Мут сомневалась. Заколдовать его, превратить в полоумного идиота? Но захочется ли ей, маге, отдавать свое тело безмозглому куску мяса?

Проблемы, одни проблемы... Она вздохнула.

— Одни проблемы с вами, мужчинами, — говорила она вслух.

Конан радостно замычал, соглашаясь с ее словами.

Мут снова потянулась и перевернулась на живот. Взяла со столика несколько виноградин, вложила в рот себе — затем Конану. Одна из ламп-скорпионов вдруг ярко вспыхнула, выбросила в воздух дымное облачко и погасла. Мут настороженно подняла голову.

— Это еще что такое? — произнесла она. — Почему?..

Но тут послышался громкий хлопок, и в воздухе, разрывая пространство, появилась человеческая фигура. Она вся была покрыта красными каплями.

Конан присмотрелся, и когда колыхания мутти рассеялись и воздух вновь стал прозрачным, разглядел своего спутника — Гирадо. Одежда молодого стигийца была порвана в мелкие клочки и держалась на теле каким-то чудом. Множество крошечных, но глубоких ранок покрывало его кожу. Из этих ранок непрерывно текла кровь. Лицо, залитое кровью и распухшее, превратилось в страшную маску.

Гирадо скалился, и его красные зубы неприятно сверкали в свете оставшихся масляных ламп.

Одной рукой он размахивал перед собой, другой непрерывносыпал какие-то разноцветные порошки. Пол под ним то и дело взрывался пестрыми огоньками, и тогда Гирадо подскакивал в воздухе.

Пылая яростью, Мут поднялась на ложе и простерла руки навстречу незваному гостю. Губы ее исказились, она изогнулась всем телом, готовясь произнести заклятие, но тут Конан схватил ее поперек живота и опрокинул обратно на ложе. Весело мыча, он раздвинул ее ноги и навалился сверху.

— Отпусти меня! Животное! — зашипела Мут. Конан чувствовал, как она бьется об его поистине железный живот, но вырваться не может. Как муха, накрытая ладонью на столе, подумал варвар и хмыкнул.

— Я больше не хочу тебя! — визжала Мут. Злые слезы брызгали из ее глаз, смывая синюю и золотую краску. По щекам поползли некрасивые потеки. Мага плакала от бессилия и ярости. Она пыталась произносить заклинания, но Конан закрывал ее рот поцелуем. А когда она начала двигать пальцами, чтобы вызвать себе на помощь невидимых слуг, Конан схватил ее за руки и с силой прижал к подушкам. Мут зарычала не хуже киммерийца, однако было поздно: варвар навалился сверху всей тяжестью и снова овладел ею.

И теперь, подчиненная воле мужчины, мага ничего не могла поделать. Она даже дышала с трудом — об этом Конан позабылся тоже.

— Быстрее! — крикнул варвар своему сообщнику, и тут с удивлением и радостью понял, что

дар речи к нему вернулся. Видимо, мага ослабела. — Я не смогу делать это слишком долго!

— Понял! — откликнулся Гирадо.

Он попытался опуститься на пол, но заклинание левитации оказалось слишком сильным, поэтому молодой стигиец продолжал плавать по воздуху, время от времени выбрасывая вспышки пламени. Наконец он завопил:

— Нашел!

И схватил большой красный рубин. Душа посмотрела на него изнутри.

— Брат! — надрывался Гирадо, в то время как Конан начал уже рычать и вскрикивать, лежа на распятой маге. — Брат, ты меня слышишь? Я освобожу тебя!

— У меня... нет... тела, — донеслось из кристалла. Голос звучал глухо, но отчетливо. — Я... только... душа.

В панике Гирадо начал оглядываться по сторонам, и неожиданная мысль осенила его.

— У тебя нет тела? — закричал он. — Очень хорошо! А кое у кого совсем нет души! Я изгоню эту душу! Я заточу ее в кристалл! А тебя освобожу, брат!

— Быстрее! — надрывался Конан. — Я больше не могу!

И он закричал так, как кричат в чаще дикие звери по весне. Гирадо схватил рубин и изо всех сил ударил его об пол. Одновременно с этим он

вывернул несколько мешочеков, висевших у него на поясе, и их содержимое просыпалось на пол. Гирадо принадлежал к той школе магов, которая называется «интуитивной». Эти маги, как считалось, знали свое ремесло настолько хорошо, что могли действовать интуитивно. Рука сама нашупывала нужные снаряжения, на ум сами собой приходили нужные заклинания. На самом деле истинных мастеров «интуитивной» магии почти не существовало. Большинство «интуитивистов» были попросту недоучками, а свое невежество они прятали за научными терминами.

И Гирадо, конечно же, иринадлежал к их числу. Поэтому он и сыпал то, что подвернулось ему под руку, а после зажмурился и стал ждать результатов.

И результаты превзошли все его ожидания!

Раздался страшный взрыв. С грохотом разлетелись в стороны камни. Обвалился — как почучилось магу-неудачнику — не потолок, а само небо. Пространство, доселе стиснутое и укрученное, освободилось и расширилось во все стороны. Поднялся страшный ветер. Он подхватил людей и предметы.

В последнюю минуту Гирадо успел ухватиться за какое-то дерево, а Конан и Мут, вцепившись друг в друга, полетели прочь и сильно ударились о железную ограду. Мут вдруг обмякla, как будто жизнь покинула ее. Конан с отвра-

щением оттолкнул ее от себя. Мягко, как тряпка, мага повалилась на траву.

А вокруг бушевала настоящая буря. Небо над головами потемнело. Жители Луксуря в панике бежали по улицам. Ветром срывало черепицу и бросало ее на мостовую. Один человек был уже ранен — он проскакал мимо Конана, держась за рану на голове и явно никого не замечая. Из улиц и переулков доносились треск, стук, жалобные крики, мольбы о помощи.

Над храмом Сета гуще заклубился дым, как будто жрецы, перепуганные невиданным явлением, решили удвоить рвение и начали приносить жертвы раньше установленного времени. «Вряд ли Сет будет настолько любезен и поможет своим приверженцам», — подумал Конан. Сет никогда не славился любовью к людям. Он рассматривал их, скорее, как пищу.

Облака, густые и черные, низко неслись над городом, задевая башни и шпили. В общем грохоте и крике слышался протяжный тонкий вой, как будто рыдал кто-то запертый в другом мире.

— Талисманы! — над ухом Конана задыхался знакомый голос Гирадо. — Давай!

— Они у тебя, — напомнил варвар, сам удивляясь собственному спокойствию. — Что ты наворотил, Гирадо?

— А? — переспросил стигиец, нашупывая на

поясе мешочки с талисманами. — Сам не знаю... Как-то само собой вышло... интуитивно...

— Хотел бы я знать, что там у тебя вышло, — проворчал Конан. — Давай, работай дальше. Будь что будет. В крайнем случае просто унесем отсюда ноги. А эта Мут — знаешь, она очень хороша... Даже если она ведьма и старуха.

— Ты — жуткий тип, — сказал Гирадо, лихорадочно вытряхивая на землю обломки талисмана. — Так, вода, воздух... огонь... А где же земля?

— Ты же сам говорил, что земная часть талисмана хранится в Луксуре. И что она, вероятно, в особняке Мут. Мол, она самая сильная и все такое... Забыл?

— Может быть, это рубин? — предположил Гирадо.

— А может быть, это сам особняк? — в тон ему ответил Конан. — Простофиля! Что мы теперь будем делать? И что с магой? Она умерла?

— Нет, просто ее душа покинула тело, — сказал Гирадо, приложив на несколько секунд ухо к груди Мутэмэнет.

— А разве это не одно и то же? — фыркнул Конан.

— Для магов — нет, — ответил Гирадо твердо. И насторожился: — А что, тебя тревожит ее участь?

— Она могущественна и сильна. Еще бы меня не тревожило, на что она еще способна! —

ответил Конан. — По-моему, мы сильно ее разозлили.

Тут тело Мут зашевелилось на земле. Губы с трудом разлепились, глаза распахнулись, и мгновение в них читался панический ужас. Деревья гнулись на ураганном ветру, тучи проносились теперь так низко, что грозили зацепить лежащего на земле за нос.

— Боги! — хрипло произнесла Мут. — Где рубин?

— Здесь, — ответил Гирадо и подтолкнул ногой камень.

— А я где?

— Ты в саду, мага.

— Мага? Мага? — Мут засмеялась еще более хрипло и безумно.

Конан и Гирадо переглянулись. Потом безумная мысль посетила Гирадо, и он вкрадчиво спросил:

— Как тебя зовут?

— Уррутиа... Она сказала, что мое имя — Уррутиа... Что она скормила мое тело речным ящерам...

— Вероятно, так она и поступила, — кивнул Гирадо.

Уррутиа провел руками по бокам, затем вдруг замер и в ужасе схватил себя за грудь.

— Что это? — вскрикнул он и зарыдал.

— Это — тело Мут, — сказал Гирадо. — Добро-

пожаловать обратно, в мир людей, дорогой брат. То есть, сестра.

— Я теперь женщина? — изумлялся Уррутиа. — Что ты со мной сделал, брат?

— Освободил из рубиновой темницы. Я сделал это, как умел, уж прости меня. Ты теперь — очень красивая женщина. Будущее покажет: может быть, ты еще и бессмертная женщина.

— А как же мои мечты... — забормотал Уррутиа невнятно. — Выпивка, лошади, бабы... Все это потеряно, потеряно безвозвратно!

И он отчаянно, в голос зарыдал.

Конан смотрел на эту сцену, широко открыв глаза от изумления. Затем он сделал над собой усилие и взял себя в руки. Прежде всего — не думать о том, что произошло, когда он сжимал Мутэмэнет в объятиях. Слишком уж противно. Брат, сестра... Ерунда какая-то!

И потом, куда подевалась душа Мут? И где этот проклятый талисман земли?

Катализм приближался. В темном воздухе видны были уже кожистые крылья и оскаленные пасти. Конан узнал этих демонов — их он видел в окнах особняка Мут. Теперь они летали над Луксуром, свободные, жаждущие крови, яростные.

Конан схватил рубин и тотчас встретился взглядом с ненавидящими глазами Мут. Душа маги оказалась там, в темнице, и не узнать ее

взгляда Конан не мог. Уррутиа, унаследовав тело маги, не унаследовал ее жизненной силы.

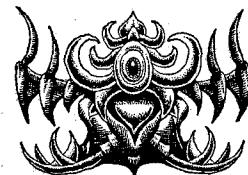
— Земной талисман — это ты сама, Мут! — сказал Конан. — Теперь-то я знаю твоё уязвимое место.

Он схватил рассыпанные по земле обломки талисмана и бросил их на рубин. Раздалось странное шипение. Рубин как будто расплавился от прикосновения частей талисмана, а затем поглотил их. Мгновение еще Конан слышал пронзительный, отчаянный, полный неизбывной злобы крик женщины, заточенной в рубине, а затем все стихло.

Конан взял камень в руки и наклонился над ним. В темно-красной мгле он увидел, как демоны обступили магу и терзают ее когтистыми лапами, а она обороняется от них заклинаниями. Что ж, Мутэмэнэт обрела свою собственную вселенную. И что за беда, если эта вселенная, полная злых, темных сил, вселенная, где Мут является единственной и полновластной госпожой, так мала, что помещается внутри одного рубина!

Серая птица

от уже несколько колоколов кряду шел моросящий дождь. Было еще холодно, но ветер нес с собой совершенно весенние запахи, а грязный снег на обочинах раскис и потек. Город утопал в грязи. Постоялый двор называлась «Ключ и меч». Прежде Конану не раз случалось останавливаться в ней, и порядки были хорошо ему знакомы. Не дожидаясь появления хозяина и вечно заспанного конюха, варвар сам провел свою лошадь в конюшню, стукнувшись, как обычно, о потолочную балку и ругнувшись.

— С постояльцами не густо, — отметил он себе под нос. Кроме хозяйской пузатой лошадки, в конюшне находился всего один жеребец — правда, дорогой, очень породистый, гладко-серой масти. В его яслях лежало не сено и даже не ячмень — первосортная пшеница, вымоченная в вине. Рядом, на загородке висело богатое седло, сушился потник из чистейшего хлопка, а чепрак

вообще был шелковый, двухцветный, с гербом. На гербе значился изумрудно-зеленый барс, как бы прыгающий на смотрящего с золотого поля.

— Ясно, — пробормотал Конан. — Какая-то важная птица возжелала одиночества и распугала остальных посетителей. Скверно! А я так рассчитывал узнать свежие новости и, может быть, разжиться парой монет, обыграв кого-нибудь в кости...

По соседству с рыцарским конем стоял задумчивый мул, холеный и гладкий. По всему было видно, что это животное принадлежало оруженосцу, тоже холеному и гладкому.

Расседлав своего коня и отсыпав ему две полновесных мерки овса, Конан закинул на плечо седельную сумку и вышел из конюшни. Обойдя крыло гостиницы, он поднялся на крыльце и толкнул дверь.

Однако та оказалась запертой.

К двери был приkleен клочок грубо выделанного пергамента. Даже если бы варвар умел читать, он не сумел бы разобрать написанного на нем — значки расплылись от воды.

Конан постучался, и тотчас за дверью кто-то закопошился.

Засов звякнул, загремела цепочка, послышалось также сопение и тихая брань. Наконец дверь открылась, и из проема на Конана уставился ладный коротышка, смуглый, со шрамом

на подбородке и яростными зелеными глазами. На коротышке была двухцветная шелковая туника и двухцветные штаны.

Он вздернул голову, стриженную скобкой, оглядел варвара высокомерно и спросил:

— Ты ищешь работу?

— Что? — не понял Конан.

— Ты — следопыт?

— Конечно, — ответил варвар, теряя терпение. — При этом я — мокрый, усталый и голодащий следопыт. Опытный глаз подсказывает мне, что здесь — таверна...

— Ты совсем не похож на следопыта, — объявил коротышка и попытался захлопнуть дверь, но Конан успел придержать ее ногой.

— Я могу доказать, что я следопыт, — сказал он. — Ты оруженосец не из знатных. Твое имя оканчивается на «-мунд». Служишь своему рыцарю больше десяти лет. Ходил с ним на Запорожку усмирять Козаков. Колокол назад ты вернулся сюда из дома свиданий, где провел время с девкой по имени Аманта.

Коротышка побагровел и напыжился, но Конан решил не тратить на него времени. Он отодвинул оруженосца в сторону и вошел в зал. Там он уселся на лавку спиной к жаркому очагу, бросил мокрый плащ на стол, стряхнул дождевые капли с волос и сладчайше зевнул. Ему очень хотелось спать.

Прямо перед ним, в глубине зала, сидел за столом человек средних лет, сухощавый, бледный и прямой, как палка. Он поглядывал на варвара с умеренным любопытством, которое только может позволить себе отпрыск аристократического рода.

— Что это за странный постоянный двор, куда пускают только следопытов? — развязно осведомился Конан. — Хозяина вы тоже выставили? Здесь подают вино? Может быть, вы — новые хозяева?

Сухощавый кисло улыбнулся и приподнял бровь. Коротышка же подскочил, как ужаленный, и заверещал:

— Ты разговариваешь с герцогом Мировалем, мужлан! Встать! Или я раздеваю тебя под орех, верзила!

— Давай пожалеем мебель, — миролюбиво предложил Конан, а названный герцогом негромко сказал:

— Помолчи, Гизмунд. Если этот человек действительно такой хороший следопыт, имеет смысл дать ему согреться и отдохнуть. — Помолчав миг, он добавил, адресуясь к варвару: — Я хочу предложить тебе работу.

Конан зевнул еще шире.

— Вообще-то я солгал. Я не следопыт. Я — вор.

Герцог Мироваль снова вздернул бровь.

— Интересный поворот событий, — молвил он. — Впрочем, украденное одним вором можно найти при помощи другого вора. А как ты узнал имя моего оруженосца? Балуешься магией?

— Тьфу! — Конан фыркнул. — Вот еще. Это было совсем просто. У него на запястье висит амулет в виде мужского органа. На языке многих народов эта штука называется «мунд». Носят такой талисман, как правило, мужчины, чье имя оканчивается на «мунд».

— А про запорожцев как догадался?

— Видишь шрам на его подбородке? Такой остается только после удара кистенем особой формы. Его используют козаки.

— Он называется «охлопец», — мрачно добавил оруженосец, поглаживая подбородок.

— А про... дом свиданий? — поинтересовался герцог.

— Гизмунд... — Варвар ухмыльнулся. — Гизмунд запачкал себе щеку жемчужными белилами. Эти белила использует только Аманта. Я не большой знаток всех этих женских игрушек, по мне — проку от них нет. Красивой девке они ни к чему, а уродливой не помогут. К тому же вечно вымажешься...

Герцог Мироваль коротко хохотнул, что обозначало у него степень крайней веселости.

— Разбуди кухарку, Гизмунд, и вели приготовить ужин этому молодцу, — приказал он.

— Начало мне нравится. — Конан устроился поудобнее. — Перейдем пока к делу. Как я понял, у вас что-то украли. Что именно?

Усмешка застыла на лице герцога, и варвар неожиданно понял, что этот человек очень страдает.

— У меня украли женщину, — сказал он. — И я сделаю все, чтобы ее вернуть.

Неторопливо он выпил полный кубок вина, деликатно промокнул губы краем скатерти и придилично осмотрел кружевной манжет на своем правом рукаве.

Движения его были спокойны и даже ленивы, только в глазах то и дело вспыхивали огоньки гнева и страсти.

— Две зимы назад, — начал он, — я охотился на вепря в лесах неподалеку отсюда. Хозяин тех земель пригласил меня в гости, но в его замке меня настигла непроходимая скука. Он — мой родственник, и я не могу обсуждать его при посторонних. Скажу только, что женился он на сестре богатого купца, которая вместе с грандиозным приданым втащила в родовой замок затхлый душок менятьной лавки. Словом, я остался в гостях только ради того, чтобы не обидеть троюродного брата. Охота была моим единственным утешением.

В то утро доезжание подняли прекрасного зверя, но он, в отличие от меня, был старожи-

лом этих лесов и отлично знал все его тропинки и чащобы. Я гнался за ним, оставив свиту далеко позади — и заблудился. Давно перевалило за полдень, и мой верный Снежок нуждался в отдыхе. Поводив его кругом поляны, чтобы он остыл, я ослабил подпругу и пустил коня попастись, а сам улегся на плащ и под тихое журчание ручья задремал.

Меня разбудил Снежок — он хрюпал и обеспокоенно бил передними копытами. Что-то испугало его, и это что-то теперь следило за мной из чащи. Я кожей почувствовал изучающий и грозный взгляд.

Я далеко не трус, господин вор, но в то мгновение и мне сделалось страшно. Схватив копье, я поднялся, чтобы встретить опасность стоя. И тогда гуша ветвей раздвинулась, и на поляну вышел скавр — человекоподобное существо с гривой льва. Он недолго выбирал между двумя жертвами: конь быстрее человека, его тяжелее поймать. Поэтому он решил полакомиться мною. Когда скавр бросился на меня, я успел нанести ему рану копьем в плечо. От боли и ярости человека-зверь обезумел, и это решило исход битвы. Копье он сломал, словно тростинку, и слепо кинулся в атаку. Меча со мною не было, но я ухитрился всадить ему под лопатку охотничий кинжал. Испустив громкий рев, чудовище вытянулось в агонии и скоро утихло навсегда.

Я был очень горд собой. Но моя победа вот-вот грозила обернуться поражением — скавр своими страшными когтями разорвал мне бедро. Кровь лилась рекой, и остановить ее я не мог. Вместе с кровью я лишился и сил. Кое-как я сумел взобраться на коня. Перед глазами все плыло, а в ушах раздавался назойливый гул. Я потерял сознание.

В зыбком, колыхающемся бреду передо мной возникало очаровательное девичье лицо, иногда даже я слышал голос — удивительный, нежный голос...

Виденье было так прекрасно, что я решил, будто умираю. Это сложно понять, но... Впрочем, неважно.

Лесник нашел меня вовремя. Еще немного — и спасти мою жизнь не удалось бы. А видением оказалась Ремина — племянница лесника, сирота. Она ухаживала за мной четырнадцать дней.

Ее бессонные заботы, здоровая пища, свежий лесной воздух и доброе аквиленское вино поставили меня на ноги.

Брату доложили обо мне, и он прислал за мной крытые носилки, чтобы доставить меня в замок. К ужасу лесника, я притворился умирающим и внушил всем, что переносить меня опасно. Как только присланые удалились восвояси, я чудесным образом выздоровел. Лесник разгадал мою хитрость и пришел в беспокойство, но

золотая застежка с моего плаща примирila его с действительностью.

Прекрасная Ремина была рада, что я остался. Несмотря на простое происхождение, она каким-то чудом усвоила природное, скромное благородство, словно к нему обязывала ее красота. Грязь житейская и внутренняя, присущая мужланскому роду, не пачкала ее, так же, как и земля не пачкала ее босых ног, когда Ремина гуляла со мною по лесу или собирала хворост. Ей скучно и пусто было среди людей, составлявших ее окружение. Разве можно с мужланом, озабоченным только вопросами пропитания, разговаривать о звездах или полевых цветах? Со мною ей было хорошо, а я забывал, что передо мной — босоногая крестьянка. Душою она была мне ровней.

Видишь ли, господин вор, я женат. Супруга моя — одного со мною происхождения, и мы уважаем друг друга, как хорошие приятели. Она родила мне наследника, за что я ей очень признателен. Но меж нами никогда не было любви. Разводиться с нею я не собираюсь и позволяю ей держать подле себя одного-двух трубадуров из небогатого рыцарства. Она, в свою очередь, также не стесняет моих свобод. Я вполне мог бы поселить Ремину в своем замке на правах служанки, и мы были бы счастливы. Почему я не сделал этого сразу?

— А в самом деле, почему? — высказался Конан. — Мужчина должен решать, а женщина — покоряться. Вряд ли она нашла бы лучшую долю.

Герцог помрачнел еще больше. На щеках его пыпал румянец лихорадочного возбуждения.

— Я свалял дурака и первый признаю это, — продолжал он. — Да что толку? Итак, мы полюбили друг друга. Я зачастил в гости к своему брату, мерзкая жена которого признала, в чем дело. Ее насмешки были грязны и совершенно неостроумны... Я все терпел и ни разу не ответил ей грубостью — меня переполняло счастье, которого никогда не понять торговескому отродью. Во время последнего нашего с Реминой свидания я подарил моей возлюбленной платок из редкого ванахеймского кружева, выдав его за простую ремесленную поделку,— она не принимала дорогих подарков, хотя мы были достаточно близки... Как любили мы друг друга в ту ночь...

Вернувшись домой, я принял окончательное решение и даже обсудил его с женой. Она дала полное согласие, оговорив только одно: Ремина должна знать свое место и не покушаться на звание госпожи замка. Я уже отдал распоряжение приготовить ей комнату, как вдруг на следующий же день один из моих соседей захотел пересмотреть границы своих земель. Словом, на-

чалась война. Глукая, длинная и кровопролитная. Сначала сосед осадил меня, потом у него кончился провиант, и я осадил его. Поливая мое войско кипятком со стены, он так увлекся, что не успел увернуться от стрелы. На том дело и кончилось.

Наскоро поправив свои обстоятельства, я прискакал во владения своего братца. Что же я обнаружил? Пустую лачугу лесника и свежую могилу на задах его убогого двора! Лесник помер. Стены и кровля ничего не могли поведать о судьбе моей Ремины. Пришлось мне объявляться у братца. Сам он ничего не знал, а его законная гадюка, приторно улыбаясь, рассказала мне о своем человеколюбии. Исключительно из заботы об осиротевшей девушке, она продала ее своему жирному братцу, который обитает в этом городе. «Ничего, — проквакала эта мерзкая жаба, — мой великодушный брат даст этой дикой красотке хорошее воспитание и устроит на хорошее место». Я был в ярости.

Великодушного брата зовут Дорсети. У него огромный дом, выстроенный без всякого вкуса, куча денег и манеры лошадиного барышника, хоть он и рядится в парчу и бархат. Сынок его, Дорсети-младший, — похотливый гаденьш, нечистый на руку. К тому же о нем ходят жуткие слухи. Деньги и связи позволили этим людям развернуться во всей красе. Если бы они жили

на моей земле, их давно бы повесили. Но увы — они свободолюбивые горожане, опора общества, гордость цеха растовщиков. Я и пальцем не могу их тронуть. К тому же Дорсети держат в доме целую армию наемных головорезов, а я не имею права ввести в этот городишко своей дружины. У Дорсети, как я уже говорил, очень серьезные связи, а я не могу воевать против всего королевства.

У меня оставалась надежда решить дело «цивилизованным образом». Собрав хорошую сумму, я приезжаю сюда, без свиты и лишнего шума. Гизмунд не захотел отпускать меня одного и увязался следом. Два дня назад мы прибыли сюда и сразу же явились в дом Дорсети. При входе меня заставили разоружиться... Какая низость! Но я и это стерпел.

Оба Дорсети встретили меня недоумевающими взглядами.

— О какой рабыне он говорит, папа? — спросил сынок.

Дорсети старший воздел руки к небу:

— Здесь недоразумение, — пропищал он. — Я точно переправлял пятнадцать золотых за рабыню, но увы — так ее и не получил. Моя дражайшая сестра не позаботилась отослать ее с обозом. Вероятно, снабдила ее провожатым из слуг. Скорее всего, обоих схватили разбойники. Какая жальство! Она правда была красавица, эта Ремина?

Мне оставалось только плонуть и откланяться. Какое-то время я стоял под стеной их дома и предавался размышлениям. А если быть до конца честным, то попросту проклинал себя за глупую свою нерешительность. Как вдруг из окна угловой башни медленно падает к моим ногам свернутый платок из ванахеймских кружев! Конечно, я узнал его — другого такого не существует на свете. Узоры кружева неповторимы. Именно этот платок я подарил племяннице лесника. Кровь вскипела в моей голове. Человек благородного воспитания не должен позволять себе так явно обнаруживать свою ярость, ругаясь с торгашом. Однако я ворвался в дом Дорсети, по дороге отдубасив пару-тройку его телохранителей.

— Она здесь! — вскричал я, размахивая уликой перед глазами ростовщика. — Она в угловой башне! Ты смел мне соврать, хамская морда?

Тут наемники, числом не менее десятка, обступили меня.

— Нарушение границ собственности, — перечислял Дорсети-младший. — Оскорблениe достоинства, угрозы... Вяжите его. Мы на веревке отведем этого зазнайку в городской магистрат.

— Не нужно, мальчик мой. — Дорсети-старший поморщился. — Давай простим его на первый раз. Все-таки он нам — хе-хе — родственник...

Тут уж я просто света не взвидел, потянул меч из ножен, но меня сбили с ног и выбросили за ворота.

Ценою нечеловеческих усилий я смирил уязвленную гордость и обратился в магистрат с жалобой. Чиновник, принявший меня, пожал плечами.

— Для обыска особняка Дорсети уластей нет основания, — изрек он. — Если Дорсети не желает продавать вам свою рабыню — так это его дело, и помочь вам я ничем не могу. Она является его полной собственностью. Если же вы попытаетесь силой ворваться в дом, вас просто убют или посадят в тюрьму. Возвращайтесь-ка вы, откуда приехали.

Вот и вся история. Остается добавить, что я заплатил за объявление, в котором говорится о работе для опытного следопыта. Но за два дня ты — первый, кто пришел. Если у тебя получится выследить, где Дорсети прячет Ремину, я дам тебе двести золотых. А если ты украдешь ее для меня — получишь тысячу.

Конан присвистнул.

— Даже не знаю, — произнес он задумчиво. — Дельце не из простых. Что ж, завтра посмотрим, что я смогу сделать. Но есть одна заминка...

Герцог и его оруженосец с удивлением посмотрели на варвара, который продолжал говорить ничего не значащую чепуху и при этом

знаками приказывал молчать. Поднявшись, он на цыпочках прошел через зал и очутился возле окна, закрытого деревянными ставнями. Затаившись, как барс перед прыжком, Конан внимательно вслушался в шум дождя, а затем неуловимым глазу движением распахнул ставни и обеими руками ухватил за горло человека, стоявшего за окном.

Тот попытался разжать его хватку, но глаза его выкатились, язык высунулся и язык свесился набок.

— Готов! — воскликнул Гизмунд.

Конан втащил убитого через окно в зал и бросил на пол.

— Разумеется, за вами следили, — сказал он.

— Ты услышал его дыхание? — удивился герцог.

— Нет. Я услышал, как он перестал дышать, когда ты назначил цену, — усмехнулся варвар. — Все-таки это большие деньги.

Носком сапога Конан поддел неподвижное тело и перевернул его лицом вверх.

— Держу пари, что этого парня вы не видели в доме Дорсети, — сказал он.

— Ты его знаешь? — поинтересовался Мироль, брезгливо морщась.

— Я знаю десятки таких, как он. Это — грязные людишки. У них грязные руки, грязная совесть и грязные мысли в головах. — Конан

сплюнул. — Таких — целая орава в любом крупном городе. Лично они никогда не встречаются с тем, кто нуждается в грязных услугах, — обычно их опекает владелец какого-либо борделя. Заказчик платит хозяину, а тот, в свою очередь, направляет на дело подобную дешевку. Они готовы на все что угодно — соглядатайство, убийство под видом грабежа...

— Неужели ты осуждаешь убийство? — с усмешкой проговорил Гизмунд. — Никогда бы не подумал.

— Когда мне нужно убить — я убиваю, — мрачно ответил варвар. — В честном бою и без всяких фокусов. Тем более, не использую таких гнусных штуковин!

С этими словами он вынул из-под одежды мертвеца короткую, полую тростинку, вставил в зубы ее кончик, повернул голову к стене и коротко дунул.

Таракан, бежавший по своим тараканым делам, застыл, пришиленный к стене маленьким дротиком, оперением которому служил пучок разноцветной щетины.

— Знатное оружие, — рассмеялся Гизмунд. — А как оно супротив крыс? Действует?

— Такой колючки достаточно, чтобы убить быка, — сказал Конан. — Почти мгновенно. Очень сильный яд. Этот тип мог перебить нас так, что мы бы и не почувствовали.

Герцог Мироваль поднялся из-за стола.

— Я полагаю, вы советуете нам держаться по-осторожнее? — спросил он.

— Еще бы! — воскликнул Конан. — Было бы глупо выполнить работу, но лишиться работодателя.

Пристав Гаттерн был в крайнем раздражении. Волосы на его черепе росли редкими клочьями, причем разной длины и цвета — одна прядь успела поседеть целиком, другая — только наполовину, а третья все еще оставалась медно-рыжей, и так — по всей голове! По этой причине пристав редко снимал свою кожаную шапку с наушниками, усыпанную стальными бляхами. Теперь он все-таки сдернул ее и отирая вспотевший лоб застиранным полотняным платком, а это служило верным признаком его скверного настроения.

Труп, пролежавший в зале до утра, двое солдат сволокли во двор и бросили на телегу.

Конан завтракал.

— Добрые люди свинину с капустой запивают непременно пивом! — изрек он, обращаясь к приставу. — А у вас в Аквилонии даже мамалыгу запивают вином. Брось дуться, Гаттерн, — ты не можешь задержать меня по обвинению в убийстве. Я всего лишь защищался.

— По прошлой зиме у меня уже были из-за тебя большие неприятности, — напомнил Гаттерн. — Уезжай.

— На этот раз все обойдется, — заверил его киммериец.

— Не верю. Ты не умеешь жить в городах. Как вышло, что этот парень напал на тебя? Он ведь не из этого района. Он — один из людей Сохо. Вывод — твой труп нужен Сохо. А это значит, что по моему участку начнут шляться чужие головорезы. Пойми, северянин, я этого не хочу.

— Я не ссорился с Сохо, — согнал Конан.

— Значит, кто-то другой заплатил ему за твою голову.

— Чушь! — Варвар разыграл благородное негодование. — Твой долг — защитить меня силой закона, а ты гонишь меня из города.

— Я все равно найду повод вышвырнуть тебя! — упрямо гнул свое пристав.

Конан не боялся его ничуть, но все же питал к Гаттерну искреннее уважение. Гаттерн был, что называется, честным стражником. Конечно, он не мог искоренить в Галпаране преступность и, оказался вынужден уживаться с существующим положением вещей. Однако Гаттерн редко отступал от своих принципов и всегда держал слово.

— Ладно! — сказал Конан. — Дай мне два дня, потом я уеду.

Поразмыслив несколько мгновений, пристав кивнул.

— Кстати, — произнес он, — до вчерашнего дня здесь проживал некий герцог Мироваль. Неведомо ли тебе, куда он исчез?

Варвар рассеянно пожал плечами и сосредоточился на свинине с капустой.

Герцог и его оруженосец покинули Галпаран еще затемно. Они будут ждать Конана в заброшенной таверне без названия на восточной дороге. Мужланы там смирные и приветливые, разбойников почти не водится. Да если и найдутся таковые — для бывалого рыцаря вместе с оруженосцем они не составят серьезной угрозы. Другое дело — бледные городские наемники, бьющие исподтишка, шныряющие, подобно крысам, по подворотням и запутанным переулкам. Перед отъездом коротышка Гизмунд с великой неохотой отвязал от пояса кошель — средней тугости колбаску, фаршированную серебром.

— Это на расходы, — сказал герцог. — Если нужно больше — скажите.

Конан решил, что этого хватит, и Снежок унес Мировала в черноту городских улиц. Мул, пыхтя и подбрасывая Гизмунда на своей широкой спине, затрусил следом.

Хозяин таверны, хоронившийся где-то в постайной комнатке, явился и очень распереживался по поводу мертвого тела. Он и вызвал стражу. Визит пристава позволил Конану выяснить, кто из крупных городских подонков явля-

ется «подрядчиком» Дорсети. Аэрон Сохо начал свою карьеру обыкновенным уличным во-ришкой. Было это в незапамятные времена, за-долго до рождения Конана на свет. Потом юного карманника нанял для мелких услуг один чаро-дай, деятельность которого противоречила зако-ну. Чародей этот умел превращать любой съе-добный предмет в сильнейшее «снародье грез», причем внешне предмет оставался таким же, ка-ким был до превращения. У чародея собралась обширная клиентура, а также образовались и конкуренты. Ночная война длилась почти зи-му — неприметные, серые люди выскакивали из темноты и плевались друг в друга отравленны-ми иглами. Так вышло, что Аэрон Сохо победил. Конкуренты чародея либо погибли жутким об-разом, либо поспешно сменили род занятий.

— Я вполне могу заняться самостоятельным делом, — сказал Сохо чародею. Тот согласился. А что ему оставалось делать? Полая камышинка смотрела ему в лицо. Сохо основал «Вагрун» — самый большой дом увеселений в городе. В «Вагруне» работали самые аппетитные крошки, шла самая крупная игра, а к столу подавались изысканные вина и многое другое. Теперь об этом смешно вспоминать, но некогда Конан и сам подрабатывал там в качестве наемного гла-диатора. Благопристойные господа горожане очень любили смотреть на гладиаторские бои.

Одно время варвар был доволен местом и весь-ма — популярность приносила хороший доход.

Но однажды четверо хорошо одетых господ с грязными лицами вошли в раздевалку и от имет-ни самого Сохо выразили полную уверенность в том, что он, Конан, сегодняшний бой проиграет. Варвар счел себя оскорблением и удалился, ос-тавив четверых плавать в мраморном бассейне вместе с живыми миногами.

Теперь существовала большая вероятность, что Сохо лично заинтересуется этим делом. Если вчерашний шпион был не один, владелец «Ваг-руны» уже знает, кто представляет интересы Мировала.

Но Конан меньше всего думал об этом.

Столовым ножом он соскреб засохшую грязь со своих сапог и штанов, встряхнул высохший плащ и решил, что его внешний вид вполне сой-дет для городской прогулки. Час был еще ран-ний, солнце светило свежо и ярко, и Галпаран тщательно прятал в темных закоулках свою мрачную изнанку. Подмастерья и молодые мас-тера давно уже были за работой, мастера постар-ше только-только появлялись на улицах — ша-гали степенно и чинно. Отворялись лавки, с первым визитом спешил медик, торопясь умо-рить очередную жертву. На рынках между при-лавков уже мелькали широкие зады кухарок. Труппы молодого ювелира, заколотого своим нерв-

ным конкурентом, уже убрали с площади, а место, где он лежал, давно присыпали чистым речным песком.

Дом Дорсети запирал собою улицу Менял. Он и в самом деле был аляповат и напоминал примятый торт с подтаявшей глазурью. Конану показалось даже, что он слышит назойливое журчание мух, облепивших фасад.

Воротами решетка ограды вызвали у варвара усмешку.

— Через это уродливое нагромождение глупого железа перелезет даже увечный, — пробормотал он себе под нос. — А вот и угловая башня... На стене столько выступов, завитушек и дурацких украшений, что я без труда заберусь по ней хоть до самой крыши. Да я просто обязан навестить этот милый особнячок. Устраивать дом таким образом — значит вешать на нем табличку: «Дорогие воры, заходите пожалуйста!» Хм... Уж там есть чем поживиться. Само собой, прихватив пару безделушек на память, я не забуду и о зазнобе герцога...

Увлеченный этими мыслями, варвар обошел дом кругом, наметил себе удобный маршрут для ночного визита и направился отыскивать какое-нибудь питейное заведение. Обычно он всегда действовал так: в день серьезного предприятия застревал в таверне, где преувеличенно пил, щипал служанок и затевал потасовки. К ве-

черу он надоедал всем безмерно. Потом, погрузившись в опьянение, затихал, а прислуha с облегчением вздохала. Убедившись, что за ним не следят, лже-пьяный потихоньку покидал заведение, более или менее удачно присваивал чужую собственность, потом так же незаметно возвращался обратно, где просыпался и вновь начинал буйнить и пить, уже по-настоящему. Таким образом и прислуha, и сбутыльники оставались в уверенности, что несносный варвар торчал в кабаке безвылазно и, следовательно, не мог совершить ничего предосудительного за его порогом.

Сегодня Конан решил воспользоваться гостеприимством «Седой Соры» — местечка уютного, не слишком дорогого и известного тем, что вино в нем не очень разбавлено. Выбрав себе наиболее удобный стол — и от входа недалеко, и до стойки рукой подать — Конан изгнал из-за него взъерошенного школьника с подбитым глазом и заказал себе первый кувшин вина.

— Здесь занято! — зарычал он, не поднимая головы, когда увидел перед собой ноги в ботфортах и края дорожной одежды.

Пришелец не испугался, сел как ни в чем не бывало, напротив Конана, звякнул кольцами на ножнах узкого клинка и произнес женским голосом:

— Я рада, что ты занял этот столик для нас двоих.

— Зонара! — воскликнул Конан, вскинув голову. — Кром великий! Тебя же казнили в Луксуре!

— Жаль тебя разочаровывать, — промурлыкала женщина в мужском дорожном костюме. — Но я успела уйти, обчистив пирамиду. Казнили другую, менее удачливую. Это скучно. Скажи лучше, что ты делал сегодня возле дома Дорсети?

— Гулял, — отрезал Конан мрачно.

— Собираешься пошуровать там? Забудь, это слишком опасно.

— Опаснее, чем в пирамидах?

— В какой-то степени. — Зонара потянулась. Варвар не доверял ей, однако грациозное и сильное тело этой женщины, готовое выскочить из одежды, волновало его.

Еще он недолюбливал таких женщин за то, что они знают о своих почти колдовских способностях и широко пользуются ими.

— Хорошо, что ты еще не пьян, — сказала она, и в ее карих глазах запрыгали огненные змейки.

— Скоро буду, — пообещал Конан.

— Мне тебя не отговорить?

— В смысле выпивки?

— В смысле Дорсети, тупый.

— А что тебе-то за интерес? — прямо спросил он. — Сама присмотрела себе этот домик? Скажи честно!

— Честно? — Зонара улыбнулась, показав острые зубы. — Там нет ничего интересного.

Поглядев на него серьезно, Зонара сказала:

— Я ведь знаю, что тебе нужна Ремина, рабыня Дорсети. Ты работаешь на одного сумасшедшего герцога. Он ничего, но скорбен главой, по-моему.

— Откуда тебе известно?

— Я обратила внимание на его объявление. Но его слуга не принял меня всерьез. «Дамочка-следопыт! Умора!» — так сказал этот мерзкий недомерок. Тогда я стала за герцогом следить... и не я одна, но ты об этом уже знаешь. Я слышала ваши разговоры этой ночью. Послушай, мне большая нужда в деньгах... Давай сделаем все вдвоем? Один ты не справишься.

— Почему ты так считаешь?

— Ты ведь не знаешь, в чем там дело.

— А в чем может быть дело? — не понял ее Конан.

Зонара поглядела на него с сомнением.

— Все-таки ты дубина, — заявила она. — Пораскинь умником! Почему Дорсети не продал Ремину герцогу? Ведь титулованный сумасброд мог заплатить хорошую сумму, совершенно не торгуясь.

— Может быть, — предположил варвар, смущаясь, — он тоже... того... влюбился...

Зонара вскинула голову и рассмеялась так громко, что на нее обернулись остальные посетители.

— Для того, чтобы влюбиться, надообно сердце, глупый мой северянин, — сказала она. — А у Дорсети нет сердца, причем — у обоих, и у папаши, и у сыночка. Это у них фамильное. Ты пьешь красное? Спроси мне мускатного и фруктов. Выпью с тобой за старые денечки...

В «Седую Сову» вошли двое — стариик с разбитой, неладно склеенной виолой и девчушка лет семнадцати. Одеты они были чудно — в пеструю, живописную рванину, тщательно выстиранную. Косматая седая шевелюра стариика была чисто вымыта и пахла душистым мылом. Даже его подбородок, покрытый серебристой щетиной, обладал неким горделивым достоинством.

Девочка быстро расстелила на полу лоскучный коврик, освободилась от тяжелых деревянных башмаков и легко вскочила на мозаичный мягкий квадрат. Смычком, похожим на лук кочевника, стариик провел по струнам виолы, родив неожиданно сильный и чистый звук, и заиграл быструю плясовую мелодию. В такт он притоптывал правой ногой, и привязанные к ней круглые бубенцы переговаривались озорными голосами. Лицом музыкант оставался серьезен, только пышные его брови шевелились, словно тоже плясали. Танцорка исполняла свой но-

мер очень старательно — она была тонка, жилиста и слишком точна в движениях. У посетителей она вызывала интерес, но не похотливый, а напротив — даже трогательный. Ей сопереживали и хотели, чтобы она нигде не ошиблась. Подавали, впрочем, немного.

Выпив, Зонара смотрела на танцорку с грустной задумчивой улыбкой. Не то чтобы Конан хорошо разбирался в женщинах, но с ней он был давно знаком и знал, чем вызвана эта улыбка.

Десять лет назад Зонара такой же тонкой и жилистой девочкой танцевала в недорогих тавернах. Другой судьбы она себе не представляла — с трех зим ее готовили к этой участи, причем учили не только танцам, но и ремеслу акробата.

У дяди Гинко была особого рода школа, куда приводили своих детей уставшие от нищеты родители. Приводили и оставляли навсегда, чтобы не думать о прокорме лишнего рта.

По-своему очень неплохой человек, дядя Гинко был суровый учитель. Прежде всего он калечил некрепкое детское тело — растягивал мышцы, вывишивал суставы и жестокими упражнениями приучал воспитанников к выносливости. Затем растянутые мышцы наливались силой, суставы приобретали невероятную гибкость, а все тело становилось эластичным, ловким и очень послушным.

Под присмотром дяди Гинко выросло четыре или пять поколений танцоров и акробатов, многие из которых не только имели верный кусок хлеба, но и сделались очень богаты.

Зонара выдержала эту многолетнюю пытку, к тому же, как она сама уверяла, у нее был талант. Но дядя Гинко не успел выпустить ее в жизнь. Однажды он поскользнулся на мокрой мостовой, упал и разбился насмерть.

Его подопечные разошлись, кто куда. Зонара примкнула к одному бродячему театрику, который был очень плох — состоял из спившихся жалких неудачников обоего пола. Кто-то из них, на постоялом дворе, где давали представление, снянул у горожанина кошелек. Горожанин поднял шум. У него были лоснящиеся висящие щеки и косое пузо. Актеров, конечно, заподозрили сразу. Вор, чтобы не быть уличенным, подбросил кошелек в сумку Зонары. Когда похищенное обнаружилось, Зонару схватили.

Главный неудачник уговаривал горожанина:

— Зачем арестовывать бедняжку, губить ей жизнь? Если она виновата, отведи ее в комнату и потешься. А так ее повесят, и у нее не будет возможности исправиться.

Но горожанин тряс щеками и не соглашался.

Пьяная актерка — вероятно, истинная воровка, — механически гладила Зонару по волосам и ревела:

— Он — не человек! Он не человек!

Зонара несколько раз повторила:

— Это не я!

Но ее не слушали, и она поняла, что доказывать что-либо бесполезно.

В виду юных лет ей сохранили жизнь — только высекли под виселицей на глазах у утренней площадной рвани, а затем заперли в исправительный дом. Исправление заключалось в глупом бессмысленном занятии — трепле пеньки. Это было гораздо хуже порки — ее Зонара вынесла почти без слез после уроков дяди Гинко. Тупея от тоски и скуки, Зонара играла в свободные часы в воровские игры и слушала байки о ловких и хитрых людях, никогда не попадающихся, изобретательных, словом — удачливых и потому достойных восхищения. Таким образом исправительный дом сделал из танцовки воровку. А потом она убежала.

Горожанин с отвисшими щеками однажды нанял себе в дом молоденькую служанку. Он был очень рачителен и осторожен, перед выходом слуг из дома всегда лично обыскивал их на предмет серебряных ложек, а по ночам запирал всех домочадцев в их спальнях, размещенных по верхним этажам. Но вскоре после появления новой горничной его стали обкрадывать — нагло, методично, и на солидные суммы. Горожанин потихоньку сходил с ума.

Сторожа и днем и ночью ходили с дозором вокруг дома, всякий раз проверяя окна первого этажа и входные двери. Прислуга теперь не просто запиралась в комнате, а еще и приковывалась цепью к ножке кровати. Но кражи не прекращались. Все тайники, все уловки домовладельца оказывались раскрыты. В конце концов, доведенный до безумия, горожанин удавился.

Горничная была Зонарой. С ловкостью акробатки — спасибо дяде Гинко — она выбиралась из своего окна и по карнизу попадала в любое другое, по своему желанию. Снять с ноги кованый обруч, соединенный с цепью, тоже не составляло труда. Украденное Зонара прятала на чердаке, проникая в него через крышу.

После похорон жена домовладельца, похожая на яблоко, высущенное в темной каморке, сказала слугам:

— Я нищая и платить вам мне нечем. Те, кому некуда идти, могут остаться, пока дом еще не продали за долги.

Зонара не осталась, но, тронутая словами вдовы, подбросила почти все похищенное к дверям ее спальни.

Неизвестно, был ли у нее на самом деле талант к актерству, а вот к воровству — определенно был, и немалый. Слухи о нем скоро распространились далеко за пределы Аквилонии. Зонара путешествовала под видом скучающей

молодой аристократки. Попадая в новый город, она в считанные дни обзаводилась поклонниками, входила в общество, присматривалась, а затем совершала дерзкую кражу, выполненную с эффектом.

Несколько раз ее ловили, но смерти Зонара всегда благополучно избегала. В целом новая жизнь ей нравилась, и она принимала ее целиком. Правда, изредка на нее накатывала тоска, ей становилось жаль себя почти до слез. От этого помогало только одно лекарство.

— Пойдем-ка, снимем здесь комнату колокола на три, — обратилась она к Конану. — Все равно до вечера нужно чем-то себя занять.

— В прошлый раз это закончилось скорой, — напомнил варвар. — Ты разбила об меня табурет, помнишь?

— Это потому, что мы слишком затянули отношения, — ответила Зонара без тени смущения. — Сейчас мы только побудем вместе и все. Мне это очень нужно. Пойдем же! Последним мужчиной, перед которым я раздевалась, был палач в Кор-даве. Он — миляга, но слишком увлекается своей работой.

Конан ухмыльнулся, покачал головой, поднялся и подал ей руку.

— От тебя откажется только евнух, — произнес он, и вдвоем они поднялись из залы. Старик-виолычик даже не покосился им вслед.

Комната оказалась маленькой — кровать занимала ее более чем на три четверти. Резные деревянные ставни, сработанные не слишком аккуратным подмастерьем, были прикрыты — из-за этого солнечные пятна и тени лежали поперек покрывала причудливым узором.

— Не угодно ли господам серенады за отдельную плату? — спросил слуга из-за двери.

— Проваливай к Нергалу! — рявкнул варвар. Зонара рассмеялась. Она мгновенно избавилась от одежды и легла, глядя на мускулистую фигуру Конана, разоблаченную еще только до половины. Солнечный узор покрыл ее кожу.

— Сначала — поцелуй по-аквиilonски, — требовательно сказала она, когда варвар подошел к кровати, и горячими губами принял ее плоть.

В искусстве телесной любви Зонара также была талантлива. К тому же ее тело, гибкое и сильное — спасибо дяде Гинко — словно само изобретало прихотливые позы, усиливающие страсть и наслаждение.

Кровать, как Конан и опасался, немилосердно скрипела и, подпрыгивая, стучала об пол толстыми ножками. Скоро, не выдержав яростного напора, она и вовсе развалилась, и любовники, громко смеясь, забарахтались в простынях уже на полу.

Через три поворота клепсидры оба утомились. Обернувшись покрывалом, Конан высунул-

ся за дверь и громовым голосом потребовал холодного вина. Вероятно, трохот, учиненный любовниками, был слышен и в зале, во всяком случае слуга, принесший кувшин и чашу, поглядел на варвара с большим уважением.

— Значит, мы договорились? — спросила Зонара мурлыкающим голосом, проводя шелковистой подошвой по ноге Конана.

— О чём? — удивился варвар, блаженно щурясь.

— Идем на дело вместе. Деньги пополам.

— Очень этого не люблю, — произнес он, мрачнея.

— Чего — «этого»?

— Сначала ты отдаешься мне, потому что тебе это «необходимо», а потом оказывается, что за эту услугу я должен чем-то платить. Может, сразу возьмешь деньги? У меня есть десять серебряных монет — более чем щедрая плата за ласку.

Зонара вскинулась и хлестнула Конана по щеке, отбив ладонь.

— Скотина! — закричала она. — Принимаешь меня за шлюху? Мне нужно пятьсот золотых, а свое серебро можешь смело...

— Особа с такими аппетитами, конечно, не шлюха, а деловая женщина, — перебил ее варвар, широко ухмыляясь. — Мне ведь денег не жалко. Я, если ты хочешь, и так с тобой подел-

люсь. Просто я привык работать один. Мне нет охоты отвечать за подручного.

— Отвечать? Перед кем? Мне не нужно, чтобы кто-то за меня отвечал, — злилась Зонара. — Если я вляпаюсь, отвечу за все сама. Опыт у меня есть. Боишься, что я тебя выдам?

— А если тебя убьют?

— Рано или поздно это произойдет. — Она пожала плечами. — К такому исходу я давно уже готова. Возьми меня в сообщницы, Конан. Клянусь поцелуем по-аквилонски, я очень тебе пригожусь. Ты ведь не знаешь того, что знаю я.

— Долго думать — не в моих привычках, — объявил варвар, надевая рубаху. — Хорошо. Только прежде скажи, что же тебе известно.

— Не обманешь?

— Когда я тебя обманывал?

— Дважды обманул. Один раз — с рыжей Анной, а другой...

— Ладно, неважно. Даю слово!

Зонара довольно потянулась. Процесс одевания занимал у нее считанные мгновения, но она никогда с этим не спешила — ей нравилось состояние наготы, нравилось, что на нее смотрят.

— Слушай же, мой неотесанный друг, — начала она. — Но сначала ответь: что ты знаешь о Дорсести?

— Он — богатый меняла, — сказал Конан. — С ним все ясно.

Зонара усмехнулась.

— Отец нынешнего Дорсети-старшего был золотарь.

— Ювелир?

— Нет, дерымовоз. Он разбогател только под конец жизни.

— Нашел клад в деръме?

— Не думаю. В любом случае, богатство свалилось на него вдруг. Он купил дом, перестроил его по собственному желанию и завел себе слуг. С большим успехом участвовал в нескольких торговых сделках и за зиму обогатился более чем в пять раз. Об этом есть сведения в архиве городского магистрата.

— Что ты делала в архиве?

— Наводила справки. Там есть много интересного про достопочтенных жителей этого города. Ну так вот, в эту же зиму без вести пропала молодая женщина, сирота по имени Амбрис. Она находилась на попечении городского совета, который прикармнил деньги ее умерших родителей. Я видела ее портрет — так себе, ничего особенного: зеленые глаза, темные волосы, родинка на щеке.

— При чем здесь это? — снова перебил ее Конан.

— Следствие решило, что ни при чем. Слушай дальше. Разбогатевший золотарь умер. Его сын долго пытался продолжить обогащение фа-

милии. В этом ему помогала сестра, впоследствии вышедшая замуж за одного провинциального графа, что тебе уже известно со слов герцога Мироваля. По первости Дорсети терпел большие убытки. Но вот однажды удача вернулась в их дом. Бывший уже на грани разорения, он не только вернул отцовские денежки, но и приумножил их в пять раз. Это было пятнадцать лет назад. В эту же зиму в Галпаране исчезла без следа юная Домина, дочь ювелира, погибшего за три зимы перед тем. По описаниям, у нее были зеленые глаза и маленькая родинка на шее.

— Пустое совпадение, — сказал Конан.

— Как бы не так! С тех пор трижды, по одной в пять лет, пропадали девушки или женщины-сироты, и у каждой были глаза зеленого цвета и темные волосы. И родинка. И каждый раз, в зиму исчезновения, Дорсети обогащался...

— Позволь-ка догадаюсь... в пять раз, правильно?

— Да! Это совпадение? Ты веришь, что это случайность?

Конан потер кулаком лоб.

— Или ты больна на голову, или здесь пахнет магией, — процедил он. — А может, и хуже.

— Гораздо хуже! Сестра Дорсети послала Ремину к нему в лапы. И это тоже не случайно.

Зонара ликовала, видя недоумевающую физиономию северянина.

— Проклятье, почему я не догадался узнать у герцога внешность Ремины? — прорычал он.

— Потому что ты осел, — улыбнулась его собеседница. — Смотри-ка!

С этими словами она протянула ему небольшой медальон, оправленный в черненое серебро. Внутри него помещался овальный миниатюрный портрет — женская головка на синей эмали.

— Кром! — вскричал варвар. — Глаза зеленые, родинка на месте... Это Ремина!

— Ну конечно, на нем же написано.

— Да? Интересно. Откуда он у тебя?

— Вчера, в толчее, я украла его с герцогской шеи.

— Вот это ловко! — восхитился Конан. — Мне бы и в голову никогда не пришло красть такую мелочь.

— В нашем деле мелочей не бывает.

— Но зачем Дорсети женщины с одинаковыми приметами? Он иносит их в жертву?

— Ты догадлив, — кивнула Зонара. — Да. Это цена обогащения. У него договор с кем-то из низших божеств. Судя по тому, что я знаю об их вкусах, бедняжки погибали ужасной и долгой смертью. Ремине угрожает та же участь.

— Как бы не так! — варвар оскалил зубы и потряс кулаками. — Дому Дорсети конец! Хорошо, что мы встретились вовремя!

— И я так думаю, милый.

В обычном состоянии Конана бы передернуло от этого «милого», но сейчас он пропустил его мимо ушей.

Дорсети-старший и Дорсети-младший нервничали. Они не были похожи внешне, особенно на первый взгляд, да и нервничали по-разному, на свой лад каждый. Старший, апатично моргая, зевал, и в горле его при этом что-то хрюпало и булькало. Младший поглядывал на него с омерзением, лихорадочно и без цели дефилировал по комнате, сплетал и расплетал пальцы рук и время от времени, вздернув кверху узкий, склоненный подбородок, визгливо захохотал. Глаза у него то подергивались дымкой какого-то отупения, то вдруг вспыхивали остро и яростно.

Между ними находился шахматный столик, инкрустированный обсидианом. Фигуры на доске пребывали в патовой ситуации — платиновый дракон запутался в окружающих элефантусах. Магистр в золотых доспехах запер его, а с боков два золотых же рыцаря-конника не оставляли возможности пройти.

— Я ненавижу юношей, — вдруг проговорил Дорсети-старший. — Ненавижу их петушки голоса, их глупую дерзость, развинченные телодвижения, прыщи, их пустые головы, болтающиеся взад-вперед на верблюжьих шеях...

Дорсети-младший, по своему обыкновению, захохотал.

— Как хорошо, что в Галпаране разрешены поединки, — продолжал отец. — Как хорошо, что подростки могут вволю тыкать друг в друга своими железяками. За неделю один-два погибают. Это прекрасно! Я бы даже велел им драться, в приказном порядке. Хорошо бы еще завести в город постыдную — смертельную болезнь. Тогда молокососы перемрут почти все.

Отсмеявшись, его сын вдруг резким, порывистым движением уселся на стул напротив, смахнув локтем с доски несколько фигур — те упали с тяжелым стуком, калеча лакировку красного паркета. Он вперил горящие глаза прямо в обрюзгшее лицо своего родителя и сказал:

— Если бы ты послушал меня, старый дурень, Мироваль давно был бы мертв. Я не верю, что он отступил и уехал!

— Ты закажешь перстень у сапожника? Или новую тунику у пекаря? — возразил Дорсети-старший с ленивым брюзжанием. — Ведь нет? Каждый должен заниматься своим ремеслом, собразно цеховой принадлежности. На этом стоит опора благопристойности, и...

— «Стоит опора», — передразнил отца молодой негодяй. — Изящный оборотец! Ты полагаешь, этот Сохо удовлетворился твоими объяснениями?

— Я ничего ему не объяснял. Просто сказал, что мне нужно знать о каждом шаге герцога, и

заплатил. В этом — основное достоинство ремесленного подхода к делу. Ты же не объясняешь сапожнику, к чему тебе новые сапоги.

— А вдруг он случайно пронюхает о... — Дорсети-младший осекся и вдруг, качнув головой, вонзил пальцы в свою причесанную шевелюру, словно пытался отсудить жжение, поселившееся под черепной коробкой. — Почему он опаздывает? Почему люди все делают медленно — медленно ходят, медленно говорят, медленно думают?

Это мучительно. Я приставила бы к каждому конюха с розгой, чтобы тот его подгонял.

С этим он вскочил и метнулся было к окну, покрытому фисташковым бархатным полегом, однако по пути остановился, развернулся на каблуках и застыл, склонив голову на сторону.

— «Пронюхает, пронюхает»... Ты похож на новейшую гадательную книгу, — фыркнул отец. — Ну и что, если пронюхает? Он не станет болтать.

— Зато станет шантажировать, — угрюмо высказал сын.

— Шантажируют родовитые шлюхи и торговцы зельем. Такие, как Сохо, берут под опеку.

— Его опека будет дорого стоить.

— Мне она ничего не будет стоить. Я заключу с ним соглашение. Пусть он находит подходящих девок и жертвует их от своего имени. Пусть богатеет.

— Но ведь тогда он рано или поздно станет богаче нас! — мысль об этом показалась Дорсети-младшему невыносимой.

— Ради Маммония! — оттопыренные сизые губы Дорсети-старшего сложились в улыбку, похожую на болотную орхидею. — Всех денег не получить.

— Ты не понимаешь, — со злобой прошипел его сын. — Не понимаешь! Ты, зачатый под бочкой с дермом! Для тебя то, что мы делаем, — пустяк, обыкновенная процедура. Ты затыкаешь уши ватными тампонами, чтобы не слышать вопли этих глупых тварей, когда они варятся заживо. Ты деловито хлопочешь, совершая ритуал. А ведь это — вершина человеческого могущества...

— О чём ты говоришь?

— О величии избранных! О нашем величии. Мы — необычные люди, мы сами — почти боги. Крик жертвы должен быть для нас музыкой. И этим ты собираешься поделиться с каким-то подонком, содержателем дорогого борделя! Я поимел в его заведении почти всех девок и мальчиков! Его прислуга, давясь, собирала золото, подброшенное мною к потолку. Его приказчик за десять монет вымазался острым соусом для моей забавы... С ничтожеством, с продажным убожеством ты хочешь разделить блаженство сверхличности!

— А ведь ты болен, мой бедный мальчик, — молвил Дорсети-старший почти злорадно. — Скоро лихоманка сожжет твой мозг, ты будешь гнить заживо, бормотать безумные речи, пускать слюни и пачкать под себя. Какой конец для сверхличности!

Сын опять вздернул подбородок и рассмеялся. Глядя на него, Дорсети-старший неожиданно повторил его жест и сначала негромко пискнул горлом, потом закудахтал, а после — густо, утробно заржал, трясясь рыхлым туловищем. По щекам его побежали крупные, в три карата, слезы. Он хлопал себя по животу левой рукой, а ноги, обтянутые черными штанами, выбивали дробь по паркету.

Дорсети-младший оборвал свой смех, на цыпочках шагнул к отцу, взял со стола фигуру — золотого магистра — и ею ударил сидящего в висок. Сразу после этого наступила тишина. Отцеубийца поставил магистра точно на место, а платинового султана положил набок. Тот откатился чуть в сторону и застрял под копытами конника.

— Это — мат, — послышался отчетливый голос от входной двери.

Дорсети-младший подпрыгнул, повернувшись в воздухе.

В дверях стоял невысокий лысоватый мужчина с аккуратной бородкой, одетый в жемчуж-

но-серую городскую одежду из плотного бархата. Такой носят прижимистые рачительные люди, потому что ему не бывает сноса.

— А? — спросил Дорсети-младший.

— Насколько я понимаю, твой отец только что скончался, — проговорил мужчина вкрадчивым голосом. — Мои соболезнования. Ему нездоровилось?

— Да, да... — глухо сказал Дорсети-младший и отныне — единственный. — Хм, он умер, видишь ли... А ты кто?

— Вопрос вполне разумный. — Мужчина приспустился и крайне сдержанно поклонился. — Я зовусь Аэрон Сохо. У меня были дела с усопшим. Теперь, как мне кажется, ты занимаешься семейными делами?

— С этой терпии. — Дорсети кисло улыбнулся, взъерошил челку и, стараясь не глядеть на мертвого, повернул свободный стул к посетителю, чтобы усесться на него.

— Мне жаль беспокоить тебя пустяками в момент тяжелой утраты, — молвил Сохо и ханжески закатил глаза, — но впереди — погребение. Лучше уж не мешкая покончить с более мелкими вопросами.

— Что ты узнал о герцоге Мировале?

— Он искал следопыта, уж зачем — не ведаю. Нашел или нет — тоже неясно. Мой шпион погиб. Теперь герцог уехал.

Повисла пауза. Дорсети выеждал несколько мучительных терций и посмотрел на Сохо непонимающим взором.

— Герцог уехал, — повторил визитер.

— Ну и славно. Ты тоже можешь идти, — выдавил Дорсети.

— А гонорар? — Сохо поднял брови.

— Отец заплатил тебе, я знаю.

— Заплатил отец, заплатит и сын, — сказал Сохо и подошел к нему вплотную.

— За что?

— За удар. У твоего отца был удар, он упал и ударился головой о тумбу. Я сам видел. Никто не бил его шахматными фигурами.

Дорсети покачнулся на стуле:

— Сколько? — спросил он.

— Две тысячи золотом. С-спокойно! — зашипел Сохо, когда его собеседник потянулся к поясному кинжалу. Пальцы хозяина «Вагруны» сомкнулись на запястье Дорсети, и тот охнул.

— Ты меня не понял, — Сохо по-прежнему говорил мягко и тихо, при этом все сильнее сжимая свою хватку. — Я — Аэрон Сохо, и если я лично прихожу за деньгами, то уж получаю их сполна, будь уверен.

— В доме нет наличных, — обмороочным голосом произнес Дорсети.

— Я знаю, идиот. Ты напишешь расписку. Веди меня в комнату... отца.

Потирая запястье и поскрипывая, Дорсети на негнущихся ногах подошел к двери. До этого ему пришлось касаться мертвого — ключи висели связкой у того на поясе.

Невзрачный, серенький Аэрон Сохо, едва доходивший ему до плеча, совершенно парализовал Дорсети. От страха перед ним его стошило.

В комнате, едва были зажжены светильники и тени запрыгали по стенам, Сохо сел в кресло и велел:

— Возьми пергамент в столе. Но прежде найди завещание старшего.

— Зачем?

— Чтобы не тратить зря чернила. Убедимся, что ты — наследник.

— А кто же еще? — взвизгнул Дорсети. — Больше некому.

— Никогда не пренебрегай заверенными свитками, — ухмыльнулся Сохо. — Особенно если сам нечист на руку. Ищи завещание, олух.

Через какое-то время, довольно продолжительное, Дорсети наконец увидел свиток особого, синеватого пергамента с характерной печатью. Он лежал на самом видном месте.

Аэрон Сохо выхватил документ из его рук, аккуратно снял печать, развернул свиток и присвистнул, пробежав глазами содержание.

— Да ты, оказывается, голодранец! — сказал он насмешливо. — Понимаешь, что это значит?

Дорсети облился ледяным потом.

— Как? — спросил он. — Кто?..

— Твоя тетя. От родственников — одни не- приятности! Ее ты тоже убьешь шахматами? Или на сей раз выберешь игру попроще?

— Подожди, подожди... — сбиваясь, забормотал Дорсети, шаря глазами вокруг себя. — Я умею подделывать его подпись. Тело мы спрячем. Ты получишь свое золото.

— Как бы не так! Твой отец был хитер. У менялы, кроме векселя, спросят еще и заветное слово, который покойник менял раз в три дня.

— Я знаю, знаю! «Мандрагора».

— «Мандрагора» была три дня назад. Все, мне пора. — Сухо поднялся. — Тебя четвертуют, я думаю. Прощай.

Дорсети догнал его в коридоре.

— Зачем тебе доносить на меня? Какая выгода? Сухо с нескрываемой скукой оглядел его с ног до головы.

— Все знают, что я — преступник, — проговорил он. — Но в глазах закона я — добropорядочный горожанин.. Время от времени репутацию нужно поддерживать. Если я выдам коварного отцеубийцу, мне простится многое. И потом — ты мне неприятен. Твой папаша был делец, а ты — помешанный.

Вызвав удивление Аэромна Сухо, Дорсети хотнул.

— Почему, ну почему вы все мне об этом говорите? — спросил он.

Кинжал с его пояса еще в кабинете перекочевал в рукав туники. Сухо слишком поздно заметил пустые ножны — холодная сталь уже перerezала ему глотку.

Угасающим взором он видел, как его убийца прохаживается возле, жестикулируя, словно актер перед публикой, и слышал сквозь шум приближающейся смерти следующий короткий монолог:

— Судьба непредсказуема! Только что ты был страшным, почти всесильным и крайне самоуверенным — и вот лежишь на полу, хрюшишь, из тебя течет кровь на дорогой ковер, а через терцию ты вообще превратишься в кусок падали. Не правда ли, странно устроена наша жизнь?..

Потом Дорсети выронил кинжал, нашарил под туникой серебряный свисток, висевший на цепочке через шею, и пронзительно засвистел. Личная гвардия дома сбежалась, бряцая оружием. Увидев зарезанного, наемники переглянулись в немом изумлении.

— Этот человек убил моего отца! — произнес Дорсети. — Я настиг его и отомстил своею рукой.

— Послать за городской стражей? — спросил старший охранник.

— Утром. Пока перенесите ублюдка в комна-

ту для игры в шахматы. Там — отец... Я хочу, чтобы он знал — я отомстил.

Старший охранник поклонился с глубоким почтением. Аэрома Сохо уволосили за ноги. В блеске масляных ламп кровавые следы были похожи на капли сургуча.

— А ведь я нищий! — объявил себе Дорсети. — Не значит ли это, что мне пора действовать? Право, это так непривычно, так неожиданно...

Тетка тоже не вечная, рано или поздно я верну отцовские деньги. А до тех пор обзаведусь своими. Тра-ла-ла! — запел он и, приплясывая, направился к винтовой лестнице.

Спустившись по ней в подвал, Дорсети отпер отцовскими ключами толстую свинцовую дверь, поменял лампу на яркий факел и шагнул в темную духоту.

— Ремина, пора вставать! — заорал он. — Тра-ла-ла! Пришел конец твоему заточению. Что есть жизнь, — как не заточение в убогой клетке тела?

Девушка в одной рубахе из мешковины, спавшая в колодках у стены, проснулась. Испуг и недоумение отражались в ее лице, она всхлипывала, глядя, как Дорсети пляшет с факелом в руке и зажигает большие настенные светильники. Огонь сильно ранил ее глаза, привыкшие к темноте.

В центре подвала возвышался алтарь, грубо вылепленный из глины-сырца, весь усыпанный золотыми слитками и драгоценными камнями. На нем стояла необыкновенно уродливая статуя, изображавшая толстого гладкого карлика, сидящего, скрестив вывернутые ноги. Статуя была золотая, но благородный металл весь покрылся черной липкой грязью. Только глаза и пасть блестели, отчего карлик вглядывал еще гаже. В стороне от него стояла огромная печь с трубой, уходящей в потолок подвала. В печь был встроен большой котел, наполненный зеленоватой жидкостью. К его краям были припаяны два раздвижных кольца с зажимами.

Дорсети, весело ругаясь и бормоча, растапливал печь. Когда в трубе загудело, он выпрямился, вытер сажу на лице и подошел к пленнице. Сняв колодки с ее ног, он рывком поднял Ремину и, держа ее за руки, повел к печи.

— Ничего не говори! — шептал он ей в ухо. — Береги силы.

Она ничего не понимала, только страх все сильнее сжимал ее сердце.

К котлу вели каменные ступени. Ноги не слушались Ремину, и Дорсети втащил ее наверх почти волоком, заставил сесть внутри котла, погрузившись в зеленую жидкость по плечи. Жидкость оказалась тягучей и остро пахла.

Ремина сидела на самом дне, упираясь пятка-

ми в противоположную стенку. Дорсети зажал кисти ее рук в кольца, соскочил вниз и проговорил, кривляясь:

— Подожди чуть-чуть. Сейчас начнется самое интересное.

Жидкость была еще очень холодной, но стеки и дно котла быстро нагрелись и задрожали.

Ремина вскрикнула и рванулась, но не смогла даже вскинуться.

— За что? Что я сделала! — простонала она.

— Ты виновата только в том, что у Маммона всегда хороший аппетит, — сказал Дорсети.

— Кричи, если хочешь. Говорят, это облегчает страдания.

И Ремина закричала — но не от боли, а от ужаса. Она увидела статуэтку, которая больше

не сидела на алтаре, а приплясывала вокруг котла, то и дело заглядывая внутрь.

Зонара прижалась к стене и затаила дыхание.

Тень полностью скрывала ее.

Дом Дорсети, ярко освещенный со стороны фасада, осталыми тремя сторонами вдавался в непроглядный мрак. Сразу за ним заканчивалась улица Менял и начинался пустырь Проклятых Судей. Прежде там была рыночная площадь, на которой время от времени сжигали магов, уличенных в преступлениях. Такой способ казни по применению к колдунам и колдуньям считался самым эффективным. Однажды, по приговору

магистрата, там сожгли некую Оливию, которая, как говорили, никогда не занималась колдовством. На свое горе она понравилась человеку, служившему в городском суде, но отказалась его притязаниям. Судейский не оставил ее в покое, всячески преследовал, предлагал дорогие подарки, а то и просто запугивал. Жених Оливии, тележный мастер, имени которого народная память не сохранила, здорово отдубасил ухажера.

На следующий день Оливию схватили. Ее обвинили в наведении на город демонов и после долгих пыток сожгли.

А через неделю после казни, в куче гнилых овощей нашли судейского. Он был на последнем издыхании, его распоротое брюхо, неизвестный мститель набил червивой брюквой. Затем погибли все, причастные к смерти Оливии. Всех их — каждого в свое время — обнаружили поутру на площади. Умерли они разнообразно: кто был зарезан, кто удавлен, кто выжжен изнутри посредством раскаленного железного лома... Тележного мастера, конечно, приволокли в суд.

— Я этого не делал, — сказал обвиняемый. — Вы, разумеется, уверены в обратном. Что ж, казните меня. Но если прав я, а не вы, то вас постигнет участь ваших предшественников, участь проклятых судей. Подумайте об этом.

Тележного мастера отпустили, и он уехал из Галпарана. Вероятно, мстителем был все-таки

он, потому что на площади больше не находили мертвецов, хоть суды и не всегда выносили справедливые приговоры.

Эту историю Зонара слышала в исправительном доме, и теперь с любопытством пялилась в темноту пустыря. С тех пор рынок перенесли, а пустырь почему-то пока не застроили. Он весь порос бурьяном.

По пустырю перемещались три человеческие тени, словно прохаживались, ожидая кого-то. Зонара решила подобраться поближе к ним.

Сама неслышная и легкая, как тень, она приблизилась настолько, чтобы слышать их голоса. Троє на пустыре шепотом переговаривались.

— Здесь сквозняк, как в преисподней Зандры, — сказал один.

— Откуда ты знаешь, какая там погода? — спросил другой.

— Я родился в преисподней. Думаешь, это где-то далеко? Это здесь, в Галпаране, в пяти кварталах отсюда...

Третий захихикал.

— Долго он еще там? — опять подал голос второй, но ему не ответили.

Зонара под прикрытием темноты скользнула обратно. Одетую в черную одежду, ее мудрено было заметить.

У стены уже ждал Конан. Меч он перевесил с пояса за спину, чтобы тот не мешал двигаться, а

волосы стянул на затылке в пучок узким ремешком. На этом его приготовления к делу и закончились. Он не взял с собой ни веревки с «кошкой», ни отмычек, полагаясь только на свою ловкость и силу.

— Прекрати улыбаться, — шепнула Зонара. — Твои зубы видны в темноте. На пустыре — люди Сохо. Что им тут понадобилось?

— Не имею понятия, — буркнул варвар.

— Пойди и убей их! Они меня раздражают.

— Давай договоримся раз и навсегда, — в голосе Конана послышались жесткие ноты, отрицающие всякого возражение. — Деньги мы делим пополам, но решают, что делать, я. Один.

Зонара разозлилась.

— Не дави на меня, — зашипела она. — Я этого не люблю! Зачем я вообще связалась с тобой?

— В самом деле, зачем? — Варвар спокойно обошел ее и всмотрелся в стену дома. Огни горели только на первом этаже, где, очевидно, размещались прислуга и охрана. За забором прошли часовые, вооруженные алебарами. У одного из них качался в руках масляный фонарь.

— Эти глупцы всегда ходят с огнем, чтобы воры заранее знали об их приближении, — усмехнулся Конан. — Я заметил время обхода стражей. Мужчине моих лет нужно в пять раз мельче времени, чтобы отдыщаться между двумя любовными атаками.

— Но это все равно — очень мало! — подсчитала в уме Зонара.

— Пустяки. Мы успеем добраться по стене балкона на третьем этаже.

— Влезем через балкон?

— Нет. Там, скорее всего, спальни. На балконах мы затаимся и переждем следующий обход, а потом поднимемся выше — под самую крышу. Окошки там узкие, но ты сможешь пройти и откроешь мне чердачный люк.

— А почему нам сразу не попасть в башню? — с сомнением спросила Зонара.

— Пленницы там нет, — уверенно возразил варвар. — Это яснее ясного. После того, как она привлекла внимание герцога, выбросив платок, ее, я думаю, перевели в другое место. Помнишь, ты говорила, что Дорсети перестроил дом по своему вкусу? Если он действительно поклоняется одному из низших божеств, ему нужно было устроить где-то домашнее капище. Удобнее подвала места не найти.

Зонара поморщилась.

— Подвал — это слишком вульгарно.

— Что?

— Слишком... обычно. Нет, я думаю, что у них в самом центре дома есть потайной зал.

— Эти Дорсети — обычные гнусные скоты, значит, и делишки свои они обстряпывают обычным способом... вруль... гарным, — произнес Конан.

Конан, раздражаясь. — По-моему, все-таки это подвал.

— Ты просто удивительно действуешь мне на нервы. — Зонара решила не уступать. — У тебя — каменный лоб! Неудивительно, что об него ломаются табуретки.

— Давай поссоримся потом, — предложил варвар примирительно. — После того, как получим награду.

— Если мы сделаем по-твоему, мы не получим и трех медных грошей! У меня другая идея.

— Какая? — насторожился Конан.

— Мы с тобой оба — мастера своего дела. Давай устроим состязание. Влезем, как условились, — вместе, помогая друг другу. А потом будем искать Ремину по отдельности, каждый — своим методом. Кто найдет ее первым — тот и получает весь герцогский приз целиком. Идет?

— Мне это не нравится, — произнес Конан, хмурясь. — Но и ты мне тоже надоела. Ладно. Т-сс... Вот идет дозор. Начинаем, как только стражники завернут за угол.

Едва лишь только шаги сторожей стихли в отдалении, оба мгновенно преодолели кованую решетку забора. Двор был засыпан колючим, розоватым гравием, который буквально визжал под ногами. Сообщники разулись и бесшумно подбежали к стене дома. Обувь, чтобы не мешала, перебросили через забор.

Зонара полезла первой. Для того, чтобы удержаться на стене, ей требовались почти неприметные выступы. Конану помогала сила — он мог подтягиваться на одной руке, пока другая искала опору.

На балкон они попали как раз вовремя — гравий захрустел под сапогами наемников. Зонара стояла, прислонившись спиной к стене, а Конан, пользуясь своим умением видеть в темноте, заглядывал в окно. Оно было завешено плотной тканью, но оставалась довольно широкая щель.

— Ты когда-нибудь видела, чтобы человек играл сам с собою в шахматы, сидя в кромешной тьме? — спросил он.

— Может, он спит?

— Да, спит. Сном глубоким и вечным.

— Ты хочешь сказать... в комнате мертвец?

Конан кивнул.

— У него разбита голова, он весь в крови.

— Лезем отсюда, — сказала Зонара. — Дозор прошел.

— Подожди... В доме происходит неладное. Это может иметь отношение к нашему делу.

С этими словами Конан извлек меч из ножен, вогнал его острие между дверью и боковой филенкой, после чего слегка нажал. С тихим скрежетом щеколда отошла. Дверь немного перекосило, и оконное стекло в свинцовом переплете треснуло в четырех местах.

— Грубо, — поморщилась Зонара.

— Но быстро, — ответил варвар и вошел первым.

— Да это не комната, а склад мертвецов, — усмехнулся он. — Гляди, вот еще один. Ого! Я его знаю.

Глаза Зонары немного привыкли к потемкам. Она шагнула вперед, сразу наступив во что-то липкое, выругалась и подошла ближе к варвару.

Рассмотрев искаженные смертью черты второго покойника, она вздохнула.

— Это... Аэрон Сохо! Теперь понятно — на пустыре его телохранители ждут, когда он выйдет, — шепнула она.

— Ждать им придется долго. — Конан осмотрелся. — Кто же его зарезал? И кто этот шахматист?

— Дорсети-старший. Может, они убили друг друга?

— Непохоже. Сохо принесли сюда уже мертвым. Вон, возле двери — пятна крови. Идем дальше, делать тут нечего.

Конан отворил дверь в коридор. Зонара вышла за ним.

— Тут наши пути расходятся, — проговорила она. — Я уже почти у цели, а тебе еще нужно искать вход в подвал. Только зачем? Там никого не окажется.

Конан повел плечом.

— По северной дороге есть заброшенная таверна. Там дожидается Мироваль. Если ты права, направляйся вместе с Реминой прямо туда, меня не дожидайся. Промедление может все погубить.

И он ушел, ступая неслышно. Зонара фыркнула ему вслед.

Ей совсем не хотелось ссориться с ним — это вышло как-то само собой. Но теперь уже поздно было мириться.

Она пошла по коридору, считая повороты. О существовании потайной комнаты ей было известно наверняка, как и о том, что комната эта находится на третьем этаже. Дело в том, что план перестройки дома, пылился в архиве городского магистрата. Конечно, тайник не был на нем обозначен прямо — на то он и тайник — но по странному расположению комнат на третьем этаже Зонара легко сделала нужный вывод.

Оставалось найти вход. Он явно замаскирован дубовой панелью, которыми обшиты стены коридора. Как же отыскать нужную панель?

Зонара соображала быстро. Для страшного ритуала жертвоприношения почти всегда необходим огонь.

Однако разводить огонь в глухой комнате — значит, задохнуться в дыму. Следовательно, нужна вентиляция, что-то вроде трубы очага. Если есть очаг, значит, есть и сквозняк. Пальцами бо-

сих ног Зонара принялась ощупывать стыки панелей с полом, пока не почувствовала легкое дуновение холодного воздуха.

— Есть! — Теперь осталось отворить дверь.

В это время Конан боролся на лестнице со старшим охранником. Тот наткнулся на варвара случайно, и Конану ничего не оставалось, кроме как ухватить его за горло.

Наемник был крепкий и отбивался отчаянно, пока варвар с легким сожалением не сломал ему шею. Нужно было спешить — убитого быстро хватятся. Конан сел на перила винтовой лестницы и съехал по ним до самого подвального этажа.

Тяжелая толстая дверь оказалась запертой на засов изнутри. Значит, за ней кто-то прячется. Но как сломать крепкий засов, не наделав много шума? Хорошо Зонаре — она мастерица на всякие выдумки... Убедившись в том, что ничего изобрести он не в состоянии, Конан проворчал под нос:

— Придется ломать. А охрану перебить, если сунется. Сказав так, варвар ухватился обеими руками за дверную ручку, уперся плечом и рванул на себя. Дверь даже не шелохнулась.

— Попробуем в другую сторону, — хмыкнул Конан, отошел на несколько шагов, разбежался с неожиданным ревом и ударил в дверь плечом. Та загудела и медленно отворилась.

Сломался не толстый засов из мореного дуба — скоба, державшая его у стены, оторвалась и отлетела. Из-за раскрытой двери сразу послышался женский крик, протяжный, захлебывающийся. А по лестнице уже топотала охрана.

Конан вбежал в потайное капище, на ходу обнажая клинок, который сразу засверкал при свете факелов.

Жидкость, в которой оказалась Ремина, стала теперь теплой, но стенки и дно котла уже обжигали. Дорсети, осталбеневший от неожиданности, уронил факел. А маленький лоснящийся уродец, бегавший вокруг котла, заверещал и принялся подпрыгивать на одном месте.

— Чужой! Чужой! Чужой! — выкрикивал он. — Чужой хочет съесть мою еду!

— Стой! — вскричал Дорсети. — Я все объясню. Стражники не должны видеть его!

Он обежал варвара, высунулся за дверь и зарыдал:

— Все в порядке! Идите спать! Убирайтесь, кому говорю!

Конан, которому некогда было размышлять о сути происходящего, взбежал по ступеням, чтобы освободить пленницу.

— Чужой! Чужой! — продолжал надрываться уродец. — Мое! Мое!

— Брысь! — прикрикнул на уродца Конан и пнул его ногой, после чего сам взвыл от неожи-

данной боли. Уродец оказался твердый и удивительно тяжелый.

— Ты ударил маленького хорошего меня? — Истошно заголосил он. — Такого сладкого, такого золотого?

— Он — статуя! — крикнула Ремина. — Золотая статуя!

Уродец, подтверждая ее слова, вскочил на алтарь, закряхтел, усаживаясь, и застыл.

— Статуя! — произнес Дорсети презрительно. — Это — кумир! Это — бог!

Конан разжал кольца, освободив руки Ремины, и вытащил ее из котла. Несчастную всю тряслось, зеленоватая жидкость медленно стекала, образуя лужу вокруг ее ног.

— Не спеши... — Дорсети взял себя в руки и теперь вернулся к своей странной манере разговаривать. — Не спеши. Эту печку не так легко развести, поэтому я быстро все сейчас объясню, и мы продолжим. Мне очень нужно золото, понимаешь? Но Маммоний не дает их просто так. Его нужно кормить. Эта дуреха — кто она тебе? Сестра? Невеста? Или ты служишь герцогу? Понимаешь, если сварить девку заживо в специальном масле, то он ее обязательно съест. Меня это никак не смущает. Пусть себе кушает. Мне — плевать, поскольку я — сверхличность.

— Ты? — удивился варвар. — У тебя даже меч при себе нет.

Он свел Ремину вниз по ступеням, едва не поскользнувшись в масляной луже.

— Ей нужна одежда, — сказал Конан, обращаясь к Дорсети. — Снимай свою.

— Это как-то странно, — пробормотал тот, скосив глаза на кончик меча, блестевший у самого его носа. — А как же стражи?

— Ты жив до сих пор только потому, что безоружен, — ледяное бешенство варвара постепенно раскалялось. — Не искушай меня.

Пока Ремина, дрожа от озноба, одевалась в мужское платье, Конан разрушал алтарь. Глина крошилась и превращалась в пыль. Дорсети сидел в колодках и следил за этим выпущенными глазами. Рот его был заткнут замасленной рулеткой из мещковины, которая прежде была на Ремине. С глухим стуком золотой уродец рухнул на обломки алтаря. Чтобы поднять его, Конану пришлось напрячь все силы — даже для золотого кумира был слишком тяжел.

Варвар подтащил статую к печной дверце, отворил ее и кинул истукана прямо в бушующее ревущее пламя. Дорсети в отчаянии застонал.

— Я люблю золото, — сказал ему Конан. — Я очень люблю золото. На него можно купить хороший меч, коня, вино, женщину... Впервые я вижу человека, который любит золото больше, чем я. И этот человек мне не нравится. Ремина, нам пора идти.

Освобожденная заглянула в ледяные синие глаза варвара.

— Тебя послал Мироваль? — спросила она. — Он не забыл обо мне?

В верхнем краю панели, как раз на уровне вытянутой руки, Зонара нашупала выпуклую рельефную шляпку «обойного» гвоздя. Воровка нажала на нее пальцами, и панель совершенно бесшумно поднялась вверх.

Зонара уже была знакома с некоторыми механизмами, созданными для защиты тайников. Некоторые из них приводились в действие простыми силами, вроде скрытых пружин и рычагов, а некоторые работали при помощи магии. И те, и другие мало помогали от воров. Чем сложнее, хитроумнее и дороже было приспособление, тем проще и легче оказывалось его открыть. Старые добрые навесные замки доставляли больше хлопот — приходилось перепиливать дужку.

Зонара беззвучно склонила и уверенно ступила в проем.

Она полагала, что уже привыкла к темноте, но мрак потайной комнаты был гуще, плотнее.

Зонара не увидела собственных пальцев, поднесенных к самым глазам.

— Эй! — позвала она. — Ремина! Ты здесь?

Потайная комната была, судя по всему, совершенно пуста — эхо отразилось от голых стен и звонко загудело.

— Что же я кричу? — сказала себе Зонара и сделала еще один шаг вперед.

Двигалась она очень осторожно, но все же задела ногой за веревку, протянутую на уровне щиколотки над полом, потеряла равновесие и упала. Даже в темноте, инстинктивно, Зонара успела сгруппировать тело и не ушиблась об пол. Но она была в ярости. Опытная взломщица, о ловкости которой ходят мифы, попалась на детской шутке снатянутой веревкой! Ругаясь вполголоса, она поднялась. Темнота перед глазами как будто сгустилась.

— Очевидно, варвар оказался прав, — сказала Зонара. — Хорошо, что его нет рядом, а то я бы наговорила ему гадостей.

Воровка двинулась назад, пытаясь ногой нащупать коварную веревку, а та куда-то подевалась, потому что Зонара скоро уперлась в стену.

Пройдя в другую сторону, до противоположной стены и нащупав перед собой гладко отшлифованное дерево обшивки, Зонара разразилась проклятием.

— Нужно же быть такой дурой! — произнесла она в сердцах через миг. — Зачем я бегаю от стенки к стенке? Можно просто идти вдоль стены, тогда дверь неизбежно отыщется.

Но споткнувшись о веревку, Зонара, очевидно, привела в действие запирающий механизм, и панель опустилась на место. Во всяком случае,

повернув пять раз, то есть — совершив полный круговой обход комнаты, выхода она не нашла.

Медленно досчитав до пятнадцати, Зонара сказала:

— Если дверь закрылась, ее можно открыть.

Подняв руку, она принялась обходить комнату вновь, пытаясь при этом обнаружить хитроумный запор.

Почувствовав ногами легкий сквозняк, воровка обрадовалась:

— Это где-то здесь. Сейчас я его найду... Ага, вот он!

Под ее пальцами оказалась шляпка гвоздя, на ощупь — совершенно такая же, как и снаружи.

Зонара вздохнула, улыбнулась с видом победительницы и надавила на нее. Но панель осталась на месте, а с потолка на Зонару мягко упала густая, тяжелая и липкая сеть.

Зонара попыталась освободиться, но чем больше старалась выпутаться, тем больше запутывалась. Сеть обмотала ее, как кокон.

Обессилев, Зонара села на пол и, удивляясь своему спокойствию, сказала:

— Вероятно, я вляпалась. Значит, нужно выспаться, пока есть возможность.

Факелы в подвале давно погасли, только раскаленная печная дверца светилась неприятным желтоватым светом. Масло в котле бесполезно кипело уже несколько поворотов клепсидры и

при этом ужасно шипело и издавало мерзкую вонь.

Вонь эта сгущалась, и Дорсети начал задыхаться. В какой-то момент он закашлялся так сильно, что кляп выпал у него изо рта.

— Роковая глупость моего отца имеет силу даже после его смерти, — изрек он. — А я обречен выкручиваться. Всю свою жизнь я выкручиваюсь... Отчего? Дурное расположение звезд? Несчастье характера?

Дорсети вскинул голову, чтобы расхохотаться, ударился затылком о каменную кладку, взвыл и отдался очередному приступу кашля.

Зеленоватый дым слоился перед пылающим квадратом печной дверцы. Вдруг дверца задрожала — что-то живое билось в нее с другой стороны. Дорсети умолк.

Потом дверца распахнулась и, рассыпая искры, ослепительно-золотой уродец выскоцил из нее.

— Жарко! Жарко! — верещал он и бегал по кругу, оставляя дымные следы.

— Выпусти меня, Маммоний! — взмолился Дорсети. — Выпусти, и я сварю тебе разом двух, а то и трех девок. И у каждой будет родинка! Обещаю...

Но уродец не слышал его и продолжал бегать и ворочтись, охлопывая себя по округлым бокам коротенькими ручками.

— Остыть! Надобно остыть! — причитал он. — Я слишком горяч. Жарко, жарко!

Он подбежал к Дорсети, обдав его волной невыносимого жара, и ткнул пальцем в ногу, зажатую колодкой.

— На помощь! Спасите! Охрана! — заорал Дорсети. Волосы на его голове поднялись дыбом и стали скручиваться. Крохотный палец идола с шипением погрузился в мякоть ноги.

— Убирайся! — визжал Дорсети. — Я не твой!

— Мой! Мой! — в тон ему прокричал уродец и, словно кошка, прыгнул на живот скованного.

Рев умирающего Дорсети достиг ушей часового. Семеро охранников ссыпались по лестнице и навалились на свинцовую дверь, думая, что она заперта. Но дверь отворилась сразу. Наемники немедленно закашлялись и стали тереть слезящиеся глаза. Вдруг один закричал и замахнулся алебардой. Маммоний приплясывал, верещал и подпрыгивал, размахивая руками. Теперь он снова был покрыт липкой черной жижей.

— Есть хочу! Есть хочу! — выкрикивал он.

Охранник с алебардой примерился и ударил уродца по голове. Размягченный паром металл брызнул во все стороны, тело статуи превратилось в клубок белого пламени, клубок этот подскочил, расширился и в беззвучном взрыве заполнил собою первые два этажа дома Дорсети, уничтожив там все живое.

Городская стража, обратившая внимание на яркую беззвучную вспышку, подняла тревогу. Солнце едва успело взойти, когда главный городской обвинитель Маркус уже прохаживался перед злополучным домом. Это было его первое дело. Магистрат выбрал его позавчера, а до тех пор Маркус занимался переплетным ремеслом. У него было четыре мастерских и влиятельные заказчики. Маркус считал себя человеком книжным, хотя настоящую бумажную книгу — большую редкость! — рассматривал только как объект приложения труда. Чаще его мастерам и подмастерьям приходилось изготавливать рамки для любительских картин или чехлы для пергаментных свитков. Но все же он чувствовал, как мудрость, содержащаяся в текстах, оседает на нем. Тяга к размышлению в духе философов далекого прошлого часто оказывалась сильнее делового расчета. Свои мыслительные упражнения Маркус от чистого сердца считал логикой и рассчитывал теперь отыскать ей применение.

Он не спешил сразу войти в дом. Для начала ему захотелось обойти кругом ограды.

— Обыщите все окрестности, — велел он солдатам. — Докладывайте обо всем необычном, что найдете.

Ничего необычного солдаты не нашли, за исключением пары женских башмаков, надетых на чугунные завитки, украшавшие решетку.

— Дорогие, очень мало ношеные, — отметил Маркус, осмотрев их. — Превосходный сафьян, тонкая выделка. В ней теперь холодно... Зачем же их сняли?

Советник Шпигел, практикующий маг, пожал плечами и ничего не сказал.

Войдя в ворота, Маркус снова обошел кругом дома.

— Я — волнуюсь, — признался он Шпигелу. — Пора уже осмотреть все внутри, а?

Тут подошли солдаты, отправленные прочесывать кусты.

— Там три мертвых тела, — доложил стражник. — Зарублены мечом. Это головорезы Сохо.

— Так-так-так! — произнес Маркус глубоко-мысленно. — Сохо доигрался. Я как-то сразу почувствовал, что за этим безобразием стоит он, хоть это и не его стиль. Но теперь ему не отвертеться. Я заточу его в темницу, как вы думаете, Шпигел?

Советник спал на ходу и скрывал это обстоятельство, придавая своему лицу важный вид. Войдя в дом, он несколько оживился.

— Куча обгоревших трупов. Пахнет, как в колбасной лавке, — поморщился обвинитель. — Странно, что пожар не охватил весь дом. Что это было?

— Огромное выделение тепла, — произнес Шпигел, крутя носом. — Его источник — небы-

валой мощности. А загореться не успело, потому что тепло сожрало весь воздух. Потом оно прекратилось.

— Такое можно устроить при помощи магии?

— При помощи магии можно все, господин обвинитель. Но есть и алхимические средства, очень действенные. Например, гремучая амальгама или семя саламандры.

Маркус завел глаза к потолку.

— А внизу, в подвале, тоже трупы? — спросил он у старшины городской стражи.

— В подвале один, а у входа — целая гора. Не разобрать сколько. И на втором этаже — человек десять.

— А на третьем?

— Еще не смотрели.

— Это хорошо, — сказал Маркус. — Вот мы сейчас и посмотрим.

Когда в комнате для игры обнаружилось еще два тела, Маркус досадливо взмахнул руками.

— Сюда мертв, — произнес он. — И арестовать его не удастся. Дорсети-старший — налицо. А где его сыночек? Сгорел с остальными?

Шпигел опять погрузился в дремоту, однако ликийший возглас обвинителя пробудил его.

— Смотрите! — воскликнул Маркус. — Следы! Убийца оставил следы!

На полу действительно отчетливо виднелись следы босых ног, наступивших в кровавую лужу.

— Любопытные следы, — Маркус осторожно потрогал один из них. — Ступня чуть длиннее моей ладони и такая узенькая... Это женщина. Женская обувь на воротах, женские следы в доме... Чувствуете, куда я клоню? Но зачем она разулась?

— Есть такие способы левитации, при которых это обязательно, — сказал Шпигел.

— Идем по следам! — Сгорая от возбуждения, обвинитель ухватил советника за край мантии и потащил в коридор.

Довольно долго они брали, выискивая следы на ковре, пока те не оборвались развернувшись носками к стене.

— Она ушла в стену! — прошептал Шпигел. — Это очень сильная мага. Нам ее не схватить.

Маркус потянул себя за нижнюю губу.

— Непонятно, — пробормотал он. — Здесь должна быть комната, а ее нет. Куда ушла преступница? Просто замуровалась в стену?

И он постучал в дубовую обшивку набалдашником трости.

— Там — пустота! — победоносно сказал обвинитель. — Эй! Солдаты! Сюда! Ломайте стену в этом месте.

Зонару разбудил грохот. Открыв глаза, она увидела дневной свет, ворвавшийся в пролом, и группу людей, смотрящих на нее с удивлением.

— Это не мага, — сказал Маркус. — Это — обычная воровка. Она убила хозяина, Сохо, умертвила охрану, но попалась в тайник-ловушку.

— Следует понимать, что я арестована? — спросила Зонара ледяным голосом.

— Именно так, — улыбнулся обвинитель.

Солдаты выпутили ее из сети и увезли.

— А она хорошенькая, — заметил Шпигел. — Неужели ты ее приговоришь?

— Обязательно! Но не перекусить ли нам? Время к обеду.

Очаг в заброшенной таверне оказался исправным, хотя и «застоялся» — его долго не растапливали, и Гизмунд здорово намучился первой ночью.

Но к полудню следующего дня пламя в очаге горело ровно и весело. Герцог Мироваль смотрел на огонь и слушал рассказ Конана. Ремина, свернувшись на теплом плаще, спала и только вздыхала во сне. Гизмунд, бегая глазами, доедал куриную ножку — порцию своего господина. Герцог пребывал в сильном волнении и отказался от еды. Волнение было радостным. Блеск удачи превратил убогую, покосившуюся халупу в уютнейшее место на земле.

— Люди Сохо наткнулись на меня в темноте, — повествовал варвар, размахивая кособокой, щербатой кружкой. — Они тут же узнали ме-

ня — между нами случались разногласия — и потянулись за своими проклятыми колючками. Одного я разрубил сразу, как мясник разрубает окорок. Второй успел плонуть в меня из камышинки, но я, хвала Крому, увернулся и рассек ему брюшину. Кишки так и вывалились на землю. А третий выхватил свой клинок, и мы подрались немножко. Ему не следовало этого делать...

В «Ключе и мече» мы дождались утра. Городские ворота открылись, но нас задержал пристав Гаттерн. Он стражник, что с него взять, мы по разные стороны судьбы, но человек он недурной.

— Что-то ты рано уезжаешь, — сказал он. — Просил два дня, а еще и суток не прошло. Кто это с тобой?

Ремина, хоть я и просил ее помалкивать, называла себя. Женщине трудно удержать язык.

— Постой-ка! — обрадовался он. — Уж не тебя ли некий приезжий герцог пытался отобрать у Дорсети?

Я спешился, подошел к нему вплотную и сказал:

— У тебя есть выбор. Либо ты выслушаешь правду, либо я тебя убью. Решай скорее.

Гаттерн рассмеялся.

— Очевидно, я буду первым в истории приставом стражи, которому любопытство спасло жизнь.

Мы отошли чуть в сторонку, и я вкратце рассказал ему о гнусностях, творимых Дорсети. Он

выслушал. Известие о смерти Сохо пришлось ему по душе.

— Жил, как таракан, и подох как таракан, — хмыкнул он. — Ладно, что с вами делать? За такую хорошую новость придется выпустить вас обоих.

Тут к нему подбежал запыхавшийся солдат и зашептал что-то на ухо. Пристав помрачнел. Отослав солдата, он сказал:

— Только что в доме Дорсети произошел взрыв. Дело вышло громкое. Что ты натворил, варвар! Но, раз уж я пообещал вас выпустить, уезжайте, да побыстрее. Однако помни: если в ближайшую зиму ты появишься в Галпаране, я тебя схвачу, даже если для этого придется угробить целый отряд стражи. Ты понял?

Я сказал, что понял, и мы уехали. Вот и все. — А что стало с твоей сообщницей? — спросил герцог.

— Да что с ней становится? Это же Зонара! Она убедилась, что я был прав, обругала меня за это и удалилась. Правда, ее башмаки все еще лежали в кустах, когда мы покинули дом. Я повесил их на забор, на видное место...

Варвар с усилием задумался. Неожиданно у него испортилось настроение.

— Несмотря на то, что эта женщина — простолюдинка и воровка к тому же, я от души желаю ей удачи и надеюсь, что с ней все в поряд-

ке, — сказал Мироваль. — Мне, видишь ли, мой добрый варвар, так хорошо сейчас, что не будь я знатным человеком, плясал бы от счастья. Это счастье доставил мне ты...

— Я не твой варвар, — буркнул Конан. — Я — свой собственный варвар. Мило с твоей стороны, что ты пожалел простолюдинку и воровку. Конечно, Зонара взялась не за свое дело — ей бы любить мужчину да рожать детей. Но она понимала, на что идет, и была готова.

— Несмотря на это, ты сам жалеешь ее. Уж не влюблен ли ты? — улыбнулся герцог.

Конан помрачнел еще больше.

— Любовь могут позволить себе только те, у кого есть замок. Или хотя бы хижина.

— Не сердись. Лучше выпьем. Гизмунд, сколько у нас еще вина?

— Целый бурдюк, — отозвался оруженосец, облизывая жирные пальцы. — Эх, жаль, с нами нет нашего пса!

— На что он тебе? — Герцог насмешливо изобразил удивление.

— Дома я всегда вытираю об него руки после обеда, — важно отвечал Гизмунд.

— А? Каков! — усмехнулся Мироваль. — Хватит сидеть сиднем. Неси вино! О чём думаешь, господин вор?

— О том, куда мне теперь податься, — отвечал тот. — Не сидеть же в этом сарае всю жизнь.

— Наймись ко мне. Будешь начальником дружины.

— А с кем у тебя война?

— Ни с кем, — пожал плечами герцог. — И еще долго не будет никакой войны.

Конан широко зевнул, мотая головой.

— Такая жизнь не по мне, — сказал он. — Хорошая война меня бы здорово развлекла.

— Не понимаю, — сухо произнес герцог. — Война портит нравы, пожирает жизни, уничтожает плоды мирного труда. Чего же в ней такого хорошего?

— На свете войны шли, идут и будут идти, хочешь ты этого или нет. Не мне судить, хорошо это или плохо. Я — воин, вором стал только со скуки и не занимаюсь этим постоянно. Умереть вором — малопочтенно. Хватит болтать, лучше выпьем.

Герцог пил вино из маленького медного чайничка с погнутым носиком. Гизмунд использовал в качестве чаши глубокую миску. В нее помещалось очень много вина, и скоро оруженосец отполз на четвереньках в угол, упал там и сначала шепотом, чтобы не потревожить спящую, пропел два куплета походной песни, а после и вовсе захрапел.

— Мы останемся тут еще дня на два, — сообщил Мироваль. — Ремина должна прийти в себя. А когда уедешь ты?

Конан сообразил, что герцог в тактичной, цивилизованной форме пытается отделаться от него. Что ж, деньги он заплатил сполна, и больше их ничего не связывает.

— Прямо сейчас, — сказал он, заметив с удивлением, что язык худо его слушается.

Тем более, нужно проветриться, решил Конан, поднялся на ноги, но вдруг пол уплыл у него из-под ног. Варвар рухнул всей тяжестью своего мощного тела.

Ремина проснулась и приподнялась на своем ложе. А из соседней комнаты, темной и захламленной, вышел человек в сером форменном плаще и кожаной шапке с наушниками.

— А теперь, любезный пристав, объясни мне, в чем дело, — велел ему герцог. — А то я чувствую себя отравителем, что крайне неприятно.

— Конечно, я все объясню твоей светлости, — Гаттерн перешагнул через спящего варвара, потягнул руки над огнем очага и произнес: — Весть о том, что Зонара схвачена и завтрашним вечером будет казнена, донеслась бы до Конана в любой действующей таверне. Уж не знаю как, но подобные сведения распространяются молниеносно. Наш варвар — уж я-то его знаю — обязательно кинется ее спасать, и тогда я был бы обязан его арестовать. Я всегда держу слово. А теперь он проспит двое суток, не меньше. Сонное снадобье

очень сильное. Когда он проснется, все будет позади.

— А что будет с этой несчастной? — взволнованно спросила Ремина. — Неужели она погибнет?

— Не волнуйся, девочка, — сказал Гаттерн. — Я попробую выручить ее. Мне известно, что она невиновна в убийствах, а взлом и проникновение в чужой дом лично я оправдываю смягчающими обстоятельствами.

— А как же ваш закон? Ведь ты — горожанин и подчиняешься закону! — поднял брови Мироваль.

— Не только подчиняюсь, но и стараюсь защищать его. Однако закон — не только строчка в пергаменте, — спокойно ответил честный стражник.

— Твой ответ мне понравился. Но разве ты справишься один?

— Одному будет тяжеловато, — признался Гаттерн.

Ремина снова заговорила, и голос ее звучал убежденно и страстно:

— Не унывай, стражник. Мой возлюбленный — благородный и храбрый человек. Он — настоящий рыцарь. Он обязательно поможет тебе. Не правда ли, мой господин?

Герцог усмехнулся.

— Похоже, что так, любовь моя. Похоже, что так...

Магистрат утвердил смертный приговор по делу Зонары, даже не рассматривая его. Все необходимые улики были налицо, хотя обвиняемая и не призналась во многих пунктах. Но Маркусу этого показалось мало.

— Из улик явствует, что у преступницы был сообщник, — настаивал он. — Арестованная ничего не понимает в магии, на ее одежде не обнаружилось следов от алхимических препаратов. Кто же устроил взрыв?

— А что если алхимией занимались сами Дорсети? — предположил Шпигел.

Маркус яростно замотал головой.

— Ни одна алхимическая лавка в городе не поставляла им ни порошков, ни специальной посуды, — сказал он.

— Разрушенная печь в подвале, потеки золота на стенах... — с сомнением произнес маг-советник. — Очень похоже, что Дорсети были те еще господа. Они добывали золото путем трансформации... Ты же проверял их банковские счета! Раз в несколько лет они получали невесть откуда целые горы денег.

— Все равно, сообщник был. — Маркус победоносно улыбнулся. — Припомн, каким образом оказалась взломана балконная дверь. Там орудовали широким мечом. А у преступницы вообще не было оружия, не так ли? Идем-ка в «процедурную» комнату. Бедняжка, уже приго-

ворена, но я велел продолжить допрос. Мне нужен этот проклятый сообщник.

«Процедурная» комната, иначе говоря — пыточный застенок — располагалась в подвальном этаже тюрьмы, примыкавшей к башне ратуши. Невыспавшийся дознаватель клевал носом. С преступницей работал подмастерье палача — угрявый, бледный юноша с морщинистым лицом. Мэтру предстояло потрудиться завтра вечером.

Главный обвинитель вошел первым, советник Шпигел нехотя — за ним. Ему было скучно.

Обнаженное вытянутое тело Зонары слегка раскачивалось, подвешенное на дыбе. Она была в сознании и время от времени вскрикивала. Вывернутые суставы рук не причиняли ей страданий, но пламя, которого она касалась босыми подошвами, заставляло пытающую судорожно дергаться.

— Упорствуешь? — мягко спросил Маркус. — Зачем?

— Скажи палачу, что он болван, — прошипела Зонара. — Чересчур высоко поднял жаровню. Пятки слишком быстро обугляются и перестанут чувствовать боль.

Палач смущился и взялся опускать жаровню, обжегся, выругался шепотом и устало посмотрел на Маркуса.

— Не действует, господин обвинитель, — по-

жаловался он. — На ведьмином стуле она только смеялась. На острых козлах просидела больше колокола. Может, подвесить ее за груди?

— Прекрати балаган! — рявкнул Маркус. — Дознаватель, ты разве не видишь, что она издевается над тобой?

Дознаватель выпучил глаза и потряс протокольным свитком.

— Безнадежно, — сказал он. — Зря только время тратим.

Палач опустил Зонару, освободил от веревки, и та со стоном облегчения растянулась на холодном полу.

Маркус прогнал палача и чиновника в выражениях довольно резких. Он был очень мягк сердечен и вид страдающего женского тела на гнал на него какой-то ужас.

— Послушай, — обратился обвинитель к воровке, — если ты назовешь сообщника, тебя только повесят. Я добьюсь этого, можешь мне верить. Это почти не больно, не успеешь сосчитать до двадцати — и будешь мертва. Но если ты продолжишь выгораживать человека, который, кстати, бросил тебя на произвол судьбы, — будешь четвертована. Очень болезненная смерть. Тебя выволокут на помост, разденут перед толпой, разорвут бедра и ягодицы раскаленными щипцами, отрезут груди, потом отсекут руки и ноги...

— Я знаю, как выглядит четвертование, — зевнув, сказала Зонара. — Разве это казнь? В Стигии воровку сажают на кол. В Зингаре — ставят воронку с кипящим уксусом. В Султанапуре отдают на случку со взбесившимся волком. Вот это — казнь. А ты пугаешь меня детской забавой.

— Но ради кого ты идешь на это? Он — твой возлюбленный?

— Еще чего!

Маркус всплеснул руками.

— Как мало у меня опыта! — сокрущенно произнес он. — Многому придется учиться.

— Учись, учись, — проговорила Зонара, насмехаясь. — Нужно охранять таких, как Дорсети, от таких, как я.

— Дело не в Дорсети. Я охраняю не их, а священные принципы, которые делают нашу жизнь достойной. Перед ними все равны. Если бы я уличил Дорсети в преступлениях, судили бы их.

— Скорее всего, их бы оправдали.

— Это неизвестно. Пойми, покушаясь на Дорсети, ты покушаешься на закон. А Дорсети лично мне безразличен.

— Вы считаете вашу жизнь достойной? — презрительно улыбнулась узница.

— У нее много недостатков, но она гораздо лучше произвела спесивых аристократов, а тем более — безвластия. Свободный горожанин —

почетное звание. Торговцы торгуют, мастера создают шедевры, солдаты стражи следят за порядком...

— Бедняки дохнут с голода, воры воруют, а палачи — казнят. Все идет своим чередом, — продолжила Зонара. — Знаешь что, убирайся-ка ты отсюда. Дай мне отдохнуть.

Маркус и Шпигел переглянулись и пошли к выходу из «процедурной». Когда они были уже у самой двери, Зонара окликнула Маркуса. Тот остановился, незаметно подмигнув советнику.

— Передумала? — спросил он Зонару.

— Нет. Хочу спросить, как, по-твоему, — я не простужусь, если буду лежать на полу?

Обвинитель вылетел из застенка, словно пробка из бочки.

— Ядовитая баба! — сказал ему Шпигел.

Герцог Мироваль горячил своего Снежка — ему не терпелось поскорее попасть в город. Но чалая кобылка пристава еще не успела оправиться после безумной скачки — Гаттерн гнал ее окружным путем, чтобы попасть в заброшенную таверну раньше Конана. Ему удалось опередить лошадь варвара, несшую двойной груз, всего на несколько терций. Теперь пристав то и дело отставал, и герцог вынужден был натягивать поводья, отчего его благородный скакун обиженно фыркал и приплясывал на месте, поднимая тучи грязных брызг.

— К чему такая спешка? — улыбнулся Гаттерн. — Пусти своего жеребца шагом. Или тебе неприятно то, что простолюдин поедет с тобой стремя в стремя? Я обещаю выдерживать дистанцию.

— В случае военного положения некоторые условности этикета отменяются, — сдержанно ответил Мироваль. — Дело не во мне. Снежок почуял битву и рвется вперед.

— Он будет разочарован. Мы не станем осаждать тюрьму, — покачал головой стражник. — Это, во-первых, противозаконно, во-вторых — верный способ склопотать стрелу. К тому же, твоя светлость без доспехов.

— Уж не заставишь ли ты меня взять заступ и рыть подкоп? — с наигранным подозрением осведомился Мироваль.

— Один скандально известный ювелир, — вместо ответа поведал пристав, — был схвачен и уличен в убийстве своего заказчика. Тот тянул с оплатой, и золотых дел мастер сгоряча взялся за кинжал. Его посадили в тюрьму, где в виде особой милости позволили развлекаться в ожидании казни изобретательством всяких механических безделок. А ювелир, не будь дурак, изладил из реек, шпагата и кхитайской бумаги дракона и, перелетев на нем через тюремную стену, был таков. Морали в этой истории искать не надо, я рассказал ее только для развлечения.

Мироваль пожал плечами, коротко фыркнул и покачал головой.

Компаньоны добрались до городской заставы глубоким вечером. Стражник, узнавший Гаттерна, пропустил их без всяких вопросов.

— Что теперь? — спросил Мироваль.

— Теперь ты под чужим именем снимешь комнату на ночь в какой-нибудь таверне, а я отправлюсь на разведку. Нужно узнать маршрут, по которому Зонару повезут на казнь. Где ты остановишься?

— Мне понравилось в «Ключе и мече».

— Но ведь там ты уже известен под настоящим именем!

Герцог зевнул в манжету.

— Пара золотых иногда освежает память, а иногда — погружает ее во мрак, — сказал он.

Так и случилось. Хозяин скрыл свое изумление и очень ловко избавился от остальных постояльцев, как и в прошлый раз. Этот опытный плут, похожий лицом на сдобный пирог с мясом, смекнул, конечно, что дело тут нечисто, но также понял, что он лично ничем не рискует. Он так хорошо сервировал ужин, подал к столу такое отменное вино и вообще хлопотал столь усердно, что Мироваль подарил ему третий золотой.

Ужиная в одиночестве, герцог про себя удивлялся. Совсем еще недавно его волновали толь-

ко собственные чувства и любимая женщина. Все остальное либо досадливо мешало, либо представлялось отдаленным и не имеющим никакого значения. И вот теперь он, родовитый и титулованный, собирается спасать воровку, подругу варвара.

Про себя герцог то и дело усмехался. Все это, чума разбери, конечно, нелепо, в духе дурацких баллад, но Мироваль доведет дело до конца, только потому, что Ремина посмотрела на него с любовью и надеждой. Женщине, даже очень умной, трудно расстаться со своими предубеждениями. Ей очень важно, чтобы ее возлюбленный был отважным, сильным и непременно кого-нибудь победил. «Быть посему!» — окончательно решил Мироваль и вонзил в кусок телятины двузубую вилку.

Пристав явился, когда герцог, не спеша, пил крепленое вино, глядя на угли в очаге.

— Я узнал все, что нам необходимо, — объявил он. — Завтра, как только прозвонят вечернюю стражу, преступницу повезут по городу на площадь Примирения. Возок, в том числе, проедет и по улице Зеленищков, а это — мой участок. Я устрою так, что поперек улицы встанет длинная телега, груженная бочками. Она уже вторую неделю стоит на задах масляной лавки в Ворванном переулке, это рядом. Еще я устрою так, что патруль опоздает, когда выйдет пота-

совка. Охранять осужденную будут трое — ты справишься с тремя?

— Это же простая солдатня! Я справлюсь с десятком, — ответил герцог.

— Рад это слышать, поскольку помочь не смогу. Я не должен поднимать оружия на своих, — сказал Гаттерн.

— А тебя не печалит, что трое стражников погибнут?

— Если трое солдат будут побеждены одним рыцарем, причем — бездоспешным, то туда им и дорога.

— А если они убьют меня? — спросил Мироваль, блаженно потягиваясь у огня.

— Пущу в ход другой план, — отвечал пристав как ни в чем не бывало.

— В чем он заключается, позволь полюбопытствовать?

— Какая разница? Ты ведь будешь уже мертв.

Услышав такой ответ, герцог не смог сдержать улыбки.

— Просто, доходчиво и с достоинством, — сказал он. — Мне это нравится, клянусь своей шпорой! А потом?

— Если твоя светлость устранит охрану, я обеспечу безопасную улицу, по которой вы с Зонарай уйдете из города.

— Лучшего нельзя и желать, — произнес Мироваль. — А теперь я пойду спать.

Для него было в новинку нападать на вооруженных стражников в центре чужого города, но он совершенно не волновался и заснул спокойным сном человека, у которого прекрасный аппетит и чистая совесть.

Утром оруженосец Гизмунд, оставленный при Ремине, поднялся, вылил себе на голову ковш холодной воды, вытер лицо краем туники, молоцки крякнул и выскочил на двор.

Ему не раз приходилось ночевать в походных условиях, иногда — совершенно неудобных, но утренний его мокцион оставался неизменным.

Накормив и напоив своего холеного мула Гизмунд обтер его бока особой фланелевой тряпочкой, проверил состояние подков, не удержался и поцеловал животное в теплый бархатистый нос. Потом он подбросил охапку сена лошади Конана, но приблизиться к ней побоялся — та косила глазом, мотала головой, словом, являла нрав тяжелый и подозрительный.

Ремина дремала вполглаза, а Конан, разметав руки и ноги, смачно хрюпал. Он занимал собой половину трактирной залы.

Гизмунд развел оживленную деятельность: принес Ремине воды для умывания, растопил очаг и даже подмел пол метлой, изготовленной тут же из веток ракиты, росшей неподалеку.

— Славненько, — молвил он. — Пора озабочиться завтраком. Припасы мы подъели... Придет-

ся мне сходить в селение и купить у крестьян хлеба и молока.

Сам он тоже был природный мужлан, но так давно ходил в оруженосцах, что не удивился бы, если бы его произвели в рыцари.

— С тобой тут ничего не случится, пока меня нет? — спросил он у Ремины.

— Со мной останется варвар, — отвечала она. — Он такой большой, что даже спящий испугает кого угодно.

— А то — сходила бы со мной, — предложил оруженосец. — Это недалеко. Чего сидеть тут, с этой колодой? Эвон, хранил-то как. И это — лежа на брюхе. А если б упал на спину, как бы хрюпал? Из чего, и главное — как делают таких людей?

— Так же, как и всех остальных, — сказала Ремина, слегка покраснев. — Пожалуй, ты прав. Пойду с тобой — слушать его хрюп я устала. К тому же я так давно не гуляла. У Дорсети меня все время держали взаперти. Только надо будет поскорее вернуться — нехорошо бросать его на долю.

Босая, в дорогом мужском платье, она представляла собой странное зрелище, но это нимало ее не заботило. Она шла следом за Гизмундом по весенней грязи и вдыхала прохладный, сладковатый воздух, какой возможен только вне городских стен.

Невдалеке, как и сказал Гизмунд, находилось небольшое селение с крошечным виноградником, выпасом и огородами. В это время зимы лоза укрыта соломой — отдыхает, наливаются соком в ожидании щедрого аквилонского солнца, а на огороде земля только-только распахана. Виллы-собственники и наемные батраки, не спеша, готовятся ко дням, полным тепла и труда.

Во дворе беленого аккуратного домика, на лавочке грелся старик. У ног его, обутых в деревянные башмаки, возились два чумазых ребята и с десяток таких же чумазых поросят. И те, и другие пихались и визжали. Старик, поглядывая на них, хихикал и слегка поддавал кому-нибудь из них башмаком под зад. Он был глуховат, и Гизмунду пришлось кричать ему прямо в мокнатое коричневое ухо.

На крик выскочила из дома хозяйская жена, вытирая руки о фартук. Гизмунд сторговал у нее большой кувшин молока, два каравая и крупный кусок сала.

— К вечеру колбасы будут, — сообщила она. — Муж делает.

— Колбаса — это хорошо! — обрадовался оруженосец. — А нельзя ли вечерком прислать пару-тройку колбас? Я заплачу теперь же.

— Куда послать? Я старшему велю, он принесет.

— Мы в таверне, что у дороги. Туда, стадо быть, — ответил Гизмунд.

Хозяйка всплеснула руками и убежала в дом. Оруженосец запрыгнул на крыльцо и два раза стукнул кулаком в дверь.

— Женщина, в чем дело? — прокричал он. — Я же сказал, что заплачу.

За дверью подумали немного и задвинули засов.

— Глупая тетка! Я же тебя не съем!

— Меня, может, и не съешь, а сыночка моего бедного сожресь, упырь проклятый, — послышался голос мужланки.

— Какого сыночка?

— Который в таверну колбасу понесет. О-о! — заплакала она и тут же, храбрясь, завизжала: — Убирайтесь оба, а то у меня здесь омела, целый пучок. Вот я вас омелой!

— Какая омела? — Оруженосец растерялся. — Она не в себе, это точно.

— Ты ее испугал, — сказала Ремина. — Пойдем отсюда.

— Она подумала, что вы — упыри! — заорал глухой старик. — Почто вы в таверне-то встали? Нешто можно?

— Почему нельзя? — удивился Гизмунд еще больше. — Он же ничей!

— Не знаю никаких вещей, — старик затряс головой. — А только бывают в том месте упыри. Раз Котта, сосед наш, видел в окошке — сидел упырь и грыз человечью ногу. Нельзя там встать.

ваться на постой и все тут. Место проклятое. Раз купец, сказывают, остановился — пропал. Может, купец, может — меняла, не помню...

— Тьфу, вздор какой! — не выдержал оруженосец, подхватил сумку с купленным и пошел со двора.

Ремина направилась следом.

— А вдруг это правда? — спросила она, когда они шли через поле к дороге. — Разве не бывает на свете всякой нечисти? Почему таверну бросили? Почему ее никто не занял? Должна же быть причина!

Гизмунд пожал плечами.

— Дорога не слишком оживлена. Хозяин мог разориться или перебраться в другое место, — сказал он. — Лично я провел в этой конуре целых две ночи и не заметил там ничего, что бы могло навести на мысль об упырях. Просто крестьяне, сидя на печах долгими зимними ночами, развлекают друг друга страшными историями.

— А почему там не поселились какие-нибудь бродяги? — не унималась Ремина.

— А мы? Чем не бродяги! — рассмеялся Гизмунд.

Они вернулись в таверну, где по-прежнему неудержимо храл варвар. Там позавтракали, Гизмунд взялся чистить запасное герцогское платье и сердито ворчал, обнаруживая свежие

прорехи на старом дорожном плаще. Ремине стало скучно, поэтому она даже обрадовалась, когда на пороге возник высокий худощавый человек, одетый для долгого путешествия. Поклажи при нем был только маленький узелок. Меч без ножен он нес на плече, как заправский наемник. У него было улыбчивое лицо и насмешливые морщиныки возле глаз.

— Мир этой дырявой кровле! — возвестил он, кланяясь. — Но собирается дождь, и по мне — худая крыша лучше, чем ничего.

— Здесь занято! — буркнул оруженосец.

— Да я всего ненадолго! Пережду ливень и пойду себе дальше, — сказал человек и с нахальным изяществом прошел к самому огню.

Гизмунд готов был поклясться, что никакого ливня нет и в помине. Когда он выглядывал мельком в окно, небо оставалось ясным. Но только он об этом подумал, как дневной свет в окне померк, и хлынул дождь, такой сильный, что шум его заглушал голос пришельца.

— Я — Гранель, — представился тот. — Собиратель историй. Ими и кормлюсь. Рассказываю за деньги. Кусок хлеба с салом — тоже сойдет.

Оруженосец открыл было рот, но Ремина остановила его.

— Истории — это очень интересно, — молвила она. — Присаживайтесь поближе к очагу, угощайтесь всем, что найдете.

Гранель благодарно улыбнулся, открыв желтоватые зубы, вонзил свой меч прямо в половину, повесил на его перекрестье, как на вешалку, куцый плащ и, показав на спящего варвара, спросил:

— Кто этот счастливец, что объят сном, словно дитя?

— Это наш друг. Он очень устал и отдыхает, — отвечала Ремина.

— Должно быть, этот великан ворочал горами, — предположил собиратель историй. — Простая работа его бы не утомила. А мы не разбудим его случайно?

— Он спит крепко, — успокоила его женщина.

— Это хорошо. Говорить с набитым ртом не прилично, к тому же можно поперхнуться. Посему, я надеюсь, что господа подождут некоторое время.

Гизмунд крякнул, увидев, как Гранель отхватил ножом половину каравая, основательный кус солонины, сложил все это вместе, уселся на пол и начал есть. Челюсти его распахнулись широко, как у змеи, и хлеб с мясом уместились в рту наемного рассказчика почти целиком.

Люди с похожими свойствами всегда вызывали у оруженосца неприятные подозрения. Но что-то еще в облике Гранеля настораживало, неприятно беспокоило, словно заноза в ноге. Сло-

вом — в нем или рядом с ним было нечто непонятное, почти пугающее. Что именно, Гизмунд пока не разобрал.

Сыто причмокивая, Гранель стряхнул крошки с узкого подбородка, вытер молочные «усы» из-под носа и спросил:

— Какого рода историю желает госпожа? Наверное, что-нибудь про любовь? Истории про любовь делятся на грустные и неприличные, — и он хихикнул, скривив смешную гримасу.

— А разве не бывает других? — неприятно удивилась Ремина. Гранель перестал ее забавлять, она тоже почувствовала неладное, но стеснялась разглядывать его в упор.

— Специально для госпожи я только что отыскал в недрах своей памяти историю о любви, которую можно счесть и забавной, но без явного неприличия — так, пара пикантностей.

— После сала тебя, видимо, тянет на сольности, — заметил Гизмунд. — Воображаю, какого сорта диковины ты рассказываешь после соленых блюд.

Гранель с готовностью рассмеялся и даже хлопнул себя рукой по мосластой ноге.

— Господин пошутил, — сказал он. — Что может быть лучше доброй шутки?

Гизмунд подумал, что его шутка доброй как раз и не была. Но он ничего не произнес вслух, потому что долговязый прислонился спиной к

бревенчатой стене, откашлялся и, лукаво поглядывая то на Ремину, то на оруженосца, начал:

— Почти все истории начинаются одинаково: «Давным-давно, в далекой стране...» Я обошел весь свет, и зачастую в каждом его уголке мне рассказывали похожие друг на друга случаи, причем вступление было именно таким. Сложилось у меня впечатление, что все подобные истории случались в Атлантиде и уже оттуда разнеслись по населенной вселенной. А может быть, если вдруг Атлантида всплывет из пучин, населенная, как и прежде, там тоже станут предв�рать рассказы вечной этой присказкой.

Однако моя повесть начнется иначе. Случилось это недавно, всего несколько дней тому, и вовсе недалеко. Жил да был один человек по имени Ренельт. Не бедный, не богатый, по привычкам своим был он благородный господин, однако домишко его стоял на краю деревеньки в двух милях отсюда, и с благородными господами — здешними сюзеренами — он не водился, а все больше с простым людом. Наилучший друг его был кузнец по прозвищу Черный Нос. Силища в этом кузнецце пребывала необычайная, и походил он на вашего спящего товарища, да и во сне, говорят, хралел таким же манером. Из-за последней оказии он не был женат. А нос его и в самом деле всегда был черный и блестел, как сажа.

Был еще друг — ночной сторож, того кликали Филином. По ночам он совершенно не спал — ходил себе по огородам да распугивал воришек. Глаза у него были, как тарелки, и горели желтым огнем, а волосы на голове напоминали совиные перья.

Ренельт зарабатывал тем, что рисовал карты. Соберется какой купец поехать, скажем, в Вана-хейм или, напротив, в Стигию, как Ренельт в два дня нарисует ему на длинном пергаменте весь путь, от самого порога. Знатно рисовал — со всеми подробностями. Указывал колодцы, места для привала безопасные и даже разбойничьи засады отмечал, и все приметное, что встретится в пути, — какое-нибудь дерево неожиданной формы или валун у дороги. Все сходилось в точности, путнику оставалось только пергамент разматывать.

Все очень удивлялись, поскольку никогда Ренельт надолго дома не покидал, а все жил себе в деревушке. Откуда он знал другие страны, как собственный двор?

Раз Черный Нос прямо спросил у него: «Уж не колдун ли ты, братец? И если колдун, отчего ты не богат, не возведешь себе большого замка или хоть дома получше твоего?»

«Клянусь кувшином молодого вина, я не колдун, — отвечал Ренельт. — А знаю все про другие страны и города, потому что бываю там ка-

ждую ночь. Едва лишь засыпаю, как моя душа оставляет тело и летает, все видит, все примечает. Да я не один таков — ты, к примеру, тоже. И все, кто спит. Не единожды встречалась моя душа с душами других спящих».

Кузнец поскреб кудрявый затылок.

«Если так, то почему же я ничего не знаю, кроме нашего села да двух соседних, да еще селения, где прошлой зимой на свадьбе жениху глаз подбили?»

«А это оттого, — сказал Ренельт, — что у твоей души короткая память».

Черному Носу сделалось обидно, и обида засела в его голове, как топор в колоде. Посидели они втроем — еще и Филин с ними был, — да дело к ночи. Ренельт спать лег, а Филин и кузнец брели по деревне.

«Не дает мне покоя эта штука, — пожаловался сторожу Черный Нос. — Раньше я знал, что есть у меня жизнь, о которой все известно. С утра — работа, так, чтобы руки гудели, потом — обед славный, потом — друзья да вино. Прочие живут так же, все идет своим чередом. Постарею, ослабну, помру — как все. Спокойно. А оказывается, совсем рядом жизнь удивительная, полная диковин, чудес, и эта жизнь — тоже моя, но я ничего о ней не ведаю».

«Подумаешь, — молвил Филин. — Я вот не сплю и существую половину жизни на границе

между сном и явью и тоже повидал немало. Как-то прямо передо мной выскочил из-под земли огромный заяц в шапке с пером и сказал мне человеческим голосом: «Дай-ка мне, господин, адрес ближайшей сапожной лавки». Уж я и испугался! А другой раз прямо из облака посыпалась на огород к старой Мартиле крошечные мужички и стали кочаны воровать — сорвут и ну катить в сторону. Я их пугнул уж сам — из облака вы или еще откуда, а воровать не смей!»

— Все это, братец, не то, — вздохнул кузнец, посмеявшись. — А я непременно хочу увидеть и запомнить другие края, и как подумаю, что где-то далеко, быть может, ждет меня судьба, а я, будто дурак, торчу здесь...

— Брось! — отмахнулся Филин. — На весь свет только и есть, что наше село да два соседних, да селение, где жених с битой рожей. Все остальное — выдумки Ренельта и басни мимоходящих менестрелей. Но если тебе и впрямь так невмоготу — собери котомку сухарей, возьми палку да сапоги покрепче — и иди себе, глазей по сторонам.

— Э! — возразил Черный Нос. — Душа — леет, а тело ходит пешком. Пешком я мало чего успею обойти. Вот если б у души моей проснулась память...

— Эх, рога Нергала, какой ты неуемный, — в сердцах сказал сторож. — Сходи, что ли, к Сы-

чихе, старой повитухе. Она мне родня, и слышал я от деда, что умеет она разные штуки. Вот и лачуга ее — видишь, не спит Сычиха. В окне огонек так и пляшет.

Сказал так сторож Филин и ушел огород охранять. Черный Нос подумал да и зашел на двор к Сычихе. Во дворе на цепи держала повитуха огромную свинью — чуть кто зайдет без спросу, свинья визжит, из хлева выскакивает и все норовит за ногу ухватить. Злая была свинья.

Кузнец о нраве ее хорошо знал и держался осторожно, но на сей раз свинья не визжала и не бросалась кусаться — сидела и тихонько хрюкала. Черному Носу даже померещилось, будто свинья плачет.

Постучал он в дверь, Сычиха ему отворила, в дом пустила, усадила, поднесла вина, а сама ждет, что кузнец первым заговорит, и поглядывает на него вопросительно. Кузнец ей о своей тоске рассказал. Сычиха в ответ:

— И только-то! Вот тебе полотняный мешочек с сухою травой. Трава самая обычная — паслен, гусиный лук и чертополох. Ты положь мешочек под подушку да спи. Будет тебе сниться всякое, но ты ухвати то, что тебе понравится, руками и не отпускай. Проснешься, как обычно, увидишь, что из сна вытащил — тут все и вспомнишь.

Кузнец так и сделал.

Приснилось ему, что он попал на королевский двор, где-то — неизвестно где. Покои вокруг величайшей красоты, в кутинах растут невиданные деревья, сплошь усыпанные сладкими плодами. Ходят прямо по полу птицы с расписными хвостами, черные невольники их кормят. Пошел кузнец по коридору и вдруг оказался в купальне, где резвились в хрустальной купальне две юных прелестницы, две сестры. Старшая очень глянулась Черному Носу, и он, помня запет Сычихи, прыгнул в воду и схватил ее в объятия...

Утром пришел заказчик, а кузня оказалась пуста. И дома не было Черного Носа. Вся его одежда оказалась налицо, а сам он пропал.

Филин-сторож про это узнал и пришел к Сычихе.

— Признавайся, что стало с Черным Носом? — потребовал он. — Это ведь ты спровадила его невесть куда.

Сычиха рассмеялась мерзким скрипучим смехом и ответила:

— Да будет тебе! Я травки ему дала в мешочке, чтобы он крепче спал да другим не мешал. А то, что это за обычай — по ночам шляться и в гости ходить? Да я и тебе дам, если хочешь, бесконная ты няясьть.

Сторож ушел ни с чем, а ближе к ночи заглянул к Ренельту. Тот сидел за обеденным столом

и тонкими костяными палочками чертил карту, обмакивая их в красную и черную кхитайскую тушь.

— Это все твои рассказни! — заявил Филин. — Кузнец-то наш или голым из дома ушел, или его демоны утащили. Что делать? Пропадет дружок.

Ренельт отмахнулся от него.

— Мне нынче недосуг, приходи завтра.

Филин рассердился и пошел караулить. Лезли ему в голову всякие мысли, и не нашел он ничего умнее, как проникнуть в дом кузнеца.

Пошарил он у него под подушкой и нашел полотняный мешочек. Развязал, понюхал — трава и трава. Положил, задумавшись, его в карман, из дома вышел и дальше идет. Вдруг видит — прямо посреди деревни раскинулись прекрасные чертоги, а в них Черный Нос сидит и пирует. Рядом с ним — две красавицы.

Кузнец сторожа признал и говорит:

— Как ты кстати! Вот — жена моя молодая, а вот — сестрица ее, незамужняя. Садись-ка ты с нами пировать.

Сел Филин рядом с сестрицей, беседует с ней, та из его кубка вино пьет, любезно с ним разговаривает.

Девица эта взволновала сердце старого холостяка, да и он ей, как видно, понравился. Посудите сами, если б он был ей противен — разве взя-

ла бы она его за руку, разве привела бы в опочивальню, разве сняла бы с себя покров цемомуздрия? Филин голову потерял от счастья.

А в деревне хватились его с утра — нет сторожа. Исчез. Люди не знали, что и подумать. У дома дубильщика, на дороге, отыскался мешочек с травами. Кто его оборонил? Никому это не было известно, кроме Сычихи, а та, понятно, об этом молчала.

Ренельту совестно стало, что так и не выслушал он друга. Забеспокоился он, а где искать пропавших — не знает. Во сне он их не встречал. Два дня ломал себе голову Ренельт, а на третий, в ночь, подлетает к его душе душа красивой юной девы и шепчет:

— Я знаю, где искать твоих друзей. Они попали в ловушку к колдуны, та держит их в зачарованном замке, а замок этот прячется в ущелье, далеко в горах. В том же замке, как в золотой темнице, заточены мои сестры. Если хочешь друзей выручить, поклянись, что и их освободишь. Забери у дубильщика мешочек с травами и на ночь возьми его в изголовье.

— Клянусь, — отвечала душа Ренельта, — но скажи мне, откуда ты меня знаешь? Я прежде никогда тебя не видел.

— Видел, Ренельт, да только тебе бы и в голову не пришло, что я — это я. А ты мне уж давно люб. Живем мы с тобой в одном селении.

— Быть такого не может! — возразила душа Ренельта. — Я там всех знаю.

— Всех знаешь, да не всех примечаешь, — расплакалась душа красивой девы и отлетела прочь.

Кинулся Ренельт за нею в погоню, да и упал со своей кровати, конечно, проснувшись при этом.

«Что за притча! — подумал он. — Может, кто-то подшутил надо мною?»

Однако же выпросил он у дубильщика мешочек, который, по счастью, тот не выкинул, а повесил на крючок в чулане, где хранилось много разного хлама. Еле дождался Ренельт ночи, да еще и уснуть долго не мог — волновался. Но сон помалу сморил его, и едва глаза его сомкнулись, как очутился он в зачарованном дворце.

— Долго же ты нас искал! — сказали ему друзья. — Три зимы прошло.

— Ну уж не три зимы, а разве — три заката, — отвечал Ренельт в удивлении.

Усадили его за стол, попотчевали едой и питьем. Жены восхитительной красоты и прихожести и были, как он догадался, сестрами той, что подсказала ему дорогу. Услышав рассказ о вещем сновидении, обе расплакались.

— Несчастная сестрица, — сказали они. — Нас проклятая старуха лишь только взаперти держит, но мы живем в холе, тепле и богатстве.

А ее, бедняжку, колдунья истязает, держит в тесной, вонючей будке и кормит всякими отбросами, из-за того, что она осмелилась посмеяться над старой каргой.

— Неужели не можете вы уйти отсюда? — спросил Ренельт. — Дворец не заперт, дорога открыта...

Кузнец ответил мрачно:

— Дорога эта никуда не ведет. Петляет между гор, как змея, свиается кольцами, а то и разбегается на четыре стороны. Пытались мы уйти, но ничего у нас не вышло. Всякий раз обратно возвращались.

Ренельт подумал, хлопнул в ладоши и говорит:

— Подайте-ка мне пергамент, две костяные палочки и кхитайскую тушь, черную да красную.

Жены-красавицы слугам велели, те и принесли все мигом. Ренельт приказал его не беспокоить, заперся в палатах и два заката, не разгибаясь, рисовал карту.

— Готово дело! — объявил он, когда карта была готова. — Собирайтесь в поход. Идти придется долго, но домой мы попадем. Душа знает дорогу в родные места!

Сказано — сделано. Собрали в дорогу всякой снеди, прихватили украшений вместо приданого и вышли рано поутру. Ренельт первым идет и

«Выдрать на площади эту демоницу похотливую, и пусть она домой возвращается, как ей вздумается, — хоть пешком, хоть по воздуху!» — приказал он, что и было исполнено. Колдунья пришла в ярость и измыслила нас похитить и тем самым поразить отца и матушку.

Так она и сделала. Вышли мы погулять, смотрим: стоит у ворот повозка, усыпанная рубинами и крупными жемчугами. А вокруг — никого. Мы удивились красоте повозки и тут же сели в нее. А она, не запряженная вдруг сама собою взлетела под небеса и помчалась, так что только ветер засвистел. Уж мы и плакали и молили всех богов — ничто не спасло нас от горькой участи. Повозка доставила нас в замок, который вы видели собственными глазами. С тех пор прошло больше трех сотен зим, и ни с кем мы за это время не говорили, никого не видели, кроме немой прислуги.

«Ого! — подумал кузнец. — Я взял в жены древнюю старуху!». Это открытие сильно его смущило, но так как внешне прожитые зимы никак на царевне не отразились, Черный Нос успокоился и забыл об этом думать.

Дорога привела их к выходу из ущелья. Только собирались путники обрадоваться, как вдруг выходит к ним из пещеры великан — в нем три человеческих роста, весь он покрыт бурою шерстью и запах от него, как от зверя.

— Возвращайтесь назад! — закричал он ужасным голосом. — А не то я мужчин сразу убью, а женщин перед тем утешу по-свойски!

Тогда кузнец вышел вперед и сказал:

— Если ты с дороги не уберешься, то я тебя уберу.

Великан заревел, так что камни посыпались, и бросился на кузнеца. Стали сражаться. Сначала великан одолевал, но Черный Нос собрался с духом — а силища у него была необычайная! — и, обхватив великана поперек туловища, оторвал от земли и на землю же бросил. Великан от того пополам переломился.

— Тьфу! — сказал Черный Нос. — Лопнул, как скверная наковальня!

Тут ущелье все затряслось, заходило ходуном. Путники еле успели из него выскочить, как горы сомкнулись, и ущелья не стало.

Много дней шли они, однако ничто не длился без конца. Дорога, отмеченная на карте, привела их прямо к селу.

Соседи их очень удивились и толпой вывалились встречать..

— Ишь, — говорили, — нет чтобы поближе посвататься сторожу да кузнецу, привели они жен издалека.

А старуха Сычиха как их увидела, так затряслась вся, упала в корчах, изошла пеной и издохла. Все замолчали от страха и удивления и ви-

дят — с визгом бежит старухина свинья и бросается в ноги Ренельту. Стала она кататься по траве, а потом закричала женским голосом и обернулась... девицею! Притом — пригожей. Правда, была она нагой и довольно грязной, но Ренельт взял ее за руки, отвел на речку, там отмыл, нарядил ее с ног до головы — и вышла она первой красавицей по округе. Тем же вечером и свадьбу сыграли.

А мертвая Сычиха недолго на земле пролежала. Превратилась она в дохлую ворону. Как настала ночь, выпрыгнул из-под земли огромный заяц в шапке с пером, взял ворону за крыло, положил в переметную суму и ушел...

Вот и истории конец.

Закончив рассказ, Гранель бегло оглядел залу таверны. Гизмунд спал, уткнувшись носом в колени и тихо посапывая. Ремина, охваченная дремой, клевала носом — голос собирателя историй убаюкал ее. Перед глазами вставали, как живые, все действующие лица этой повести, и каждая подробность, отмеченная Гранелем лишь мельком, сама собою расцветала, становилась объемной и яркой.

Несколько мгновений Ремина молчала, и было ясно, что сейчас она уснет накрепко. Но неожиданно громкая раскатистая рулада, которую носом вывел спящий на полу варвар, разбудила ее.

— Удивительная история, — сказала она. — Ты — мастер своего дела.

Казалось, Гранель огорчился, но сразу изобразил на лице веселое оживление.

— Многолетняя практика, госпожа моя, — проговорил он.

После этих слов Ремине стало как-то не по себе. Она всмотрелась в собирателя историй и вдруг заметила то, чего никак не мог углядеть оруженосец.

Тень Гранеля вместо того, чтобы лечь на пол — он сидел перед горящим огнем — занимала собою стену над очагом. Оказаться там она никак не могла.

Ремина решила, что это мерещится ей. Она потихоньку ущипнула себя за ногу, но странное поведение тени не изменилось. Тень от меча, вонзенного в пол, была самой обычной и перечёркивала тень от молочного кувшина там, где и должно. Но тень его хозяина вызывала испуг, смешанный с неприятным удивлением. Ремине не хотелось обнаруживать своего открытия. Глядя прямо в бегающие глаза Гранеля, она проговорила спокойным голосом:

— А известна ли тебе, любезный рассказчик, история этой заброшенной таверны? Местные очень боятся каких-то упырей, якобы живущих в ней. Хотелось бы узнать, что послужило причиной для возникновения этого страха.

Гранель застыл на мгновение, и это мгновение лицо его ничего не выражало, словно на него нацепили маску.

Потом в глазах рассказчика заблестели лукавые огоньки, он склонил голову набок и сразу стал похож на ученого ворона.

— Конечно же, я знаю эту историю, — молвил он. — Это занятная и крайне поучительная история. Только рассказывать ее лучше тихим голосом, чтобы никого ненароком не разбудить. Поэтому я сяду поближе к тебе...

Ремину опять покоробило, она хотела возразить против соблюдения этого условия, но Гранель уже опустил свой сухопарый зад на пол вплотную рядом с ней, обхватив ее за талию kostлявой, жилистой, очень сильной рукой, скжал покрепче и выразительно улыбнулся. От неожиданности и ужаса Ремина чуть не потеряла сознание.

— Слушай же, крошка, — зашептал он ей в самое ухо. — Пятнадцать зим назад здесь остановились на постой два брата. Была буря, дождь лил, как сейчас... Таверна тогда была действующая в этой самой зале сидели люди, пили пиво и вино, играли в кости или просто грелись у огня.

Братья не очень-то ладили между собой, и будь у них возможность, они уселись бы за разные столы, чтобы не видеть друг друга. Скажу больше, они так враждовали, что даже редко

смотрелись в зеркало, поскольку были близнецами. Вот как иногда бывает.

Ехали оба из Галпарана в имение своего родителя, который несколько дней тому как помер. Братьям предстояло делить наследство.

Свободным оказались только один стол и только одна комната. Один сказал другому:

— Ну тебя к Нергалу! Оставайся тут, а я пойду дальше.

А другой отвечал:

— Езжай. Может твой конь оскользнется в грязи и ты свернешь себе шею, или еще лучше — промокнешь, простынешь и умрешь от чахотки. Это было бы славно!

Первый брат выругался и раздумал ехать, а вместо этого сел за стол и начал пить. Второй от него не отставал.

— Как жаль, что мы не встретились по дороге, — сказал первый. — Я изрубил бы тебя в куски своим мечом.

— Какое горе, что я не знал, где ты проедешь, — отвечал второй. — Я сел бы в засаду с арбалетом и вбил бы стрелу в твою поганую глотку!

— Если бы я мог предвидеть, что ты всю жизнь будешь путаться у меня под ногами, я бы в детстве спихнул тебя в глубокую выгребную яму или накормил бы волчьим лыком, — произнес первый.

— Мне бы чуть-чуть мудрости, я бы в юности оделся бы в твой камзол и надругался над какой-нибудь женщиной у всех на виду, чтобы тебя, а это казнили, — молвил второй.

Таким образом они беседовали, выпивая, и так увлеклись, что не заметили, как наступила глубокая ночь. Все прочие постояльцы давно разбрелись по своим полатям, а братья все сидели, пили вперемешку пиво, вино и самогон, от чего делались все злее и злее. Хозяин махнул на них рукой, выкатил три объемных бочонка и ушел спать, а служанка давно уже млада в объятиях конюха.

Первый брат со зла и спьяну проговорился:

— Не хотел тебя огорчать раньше времени. Мне, видишь ли, мечталось посмотреть, какая у тебя будет рожа при оглашении завещания. Ну да ладно: и земля, и деньги, и дом — все мое. Старик меня любил, а тебя презирал и всегда называл тебя безмозглым олухом.

— Врешь! — сказал второй, однако сразу поверил и даже протрезвел от злости. Он выждал момент и, когда первого брата сморил сон и тот уткнулся носом в корявые доски стола, взял острый железный пробойник для откупоривания бочек и вонзил спящему в сердце. Потекла густая кровь, и убийца, рыча от ярости, приник к трубке пробойника губами. Он выпил всю кровь, всю без остатка. Мертвый стал белее полотна.

— Проклятье! — воскликнул второй брат. — Нужно что-то делать с этой тушей!

Пользуясь глубоким сном хозяина и постояльцев, он отнес тело на кухню, раздел и, орудуя мясницким ножом, разделал брата, словно свинью. Голову ему пришлось бросить в отхожее место, а самые, на его взгляд, аппетитные части он зажарил на огне и съел. Прочие останки положил в погреб, в ледник.

Переодевшись в дорожный костюм брата, убийца чуть свет поехал к отчemu дому, где назывался его же именем. Слуги давно не видели обоих и не догадались, в чем дело. Душеприказчик прочел завещание... Увы! Убийца и был наследник, верный и единственный. Теперь же он ничего не мог получить.

— Почему? — удивилась Ремина. — Он же мог уехать, а после вернуться уже под своим именем.

Гранель рассмеялся:

— В том-то и дело, что не мог. У него на лбу был шрам приметной формы, в виде зубца молнии. Пришлось бы объяснять, почему у обоих братьев одинаковые шрамы, его сразу бы заподозрили...

Ремина искоса взглянула на рассказчика и чуть не закричала — на лбу у Гранеля, при таком освещении почти незаметный, находился зигзагообразный рубец. Увидев ее расширенные

глаза, Гранель потер свободной рукой обезображеный лоб, усмехнулся и стиснул Ремину так крепко, что у нее перехватило дух.

— После того, как ничего не подозревавший хозяин накормил клиентов человечиной, в таверне стали происходить удивительные вещи. К примеру, ножи начинали вдруг сами по себе летать по залу и в конце концов втыкались кому-нибудь в бок. Некая дама, укрываясь тут со своим воздыхателем, кашала персик, поперхнулась косточкой, да так сильно закашлялась, что косточка вылетела изо рта и убила любовника наповал. Двоих нашли в комнатах задушеными... Словом, это не способствовало процветанию постоянного двора, и его пришлось закрыть. Редко кто заглядывает сюда теперь. Правда, братоубийца, повредившись в уме, иногда заманивает сюда кого-нибудь или неожиданно обнаруживает беззаботных путников, вроде вас. Тогда он усыпляет их и убивает спящих пробойником...

Ремина рванулась изо всех сил, и ей удалось избавиться от цепкой руки Гранеля. Тот поднялся не спеша и проговорил:

— А если кто не засыпает, тем он отрубает головы. Вот так.

Он взмахнул рукою, и вдруг плащ соскочил с гарды меча, а меч задрожал с тихим визгом, вышел из доски и прыгнул Гранелю в руки. Плащ тем временем, стелясь по полу, подобрался к ногам Ремины, облепил их — он оказался противно-теплым на ощупь — и она, споткнувшись, упала на колени.

Гранель одним прыжком оказался у нее за спиной и взмахнул клинком.

Конану снилось, что он попал в ледяные чертоги Крома. Там шел нескончаемый пир, гремела воинственная музыка, девы с крепкими грудями разносили пирующим хмельной мед и пиво.

Завидев Конана, гости стали шептаться между собой. Огромный, могучий, страшный и прекрасный бог поднялся со своего трона, оглядел вошедшего и загремел голосом непереносимой силы:

— Что ты здесь делаешь, мальчишка? Тебе еще не время околачиваться среди взрослых! Убрайся обратно, щенок!

Конана охватил такой трепет, что сонное зелье испарилось из его крови. Он проснулся.

То, что открылось его взору, заставило варвара окончательно прийти в себя. Неизвестный совершил явственно собираясь ударить Ремину мечом, а та, парализованная страхом, даже не кричала.

Размышлять было некогда. Конан покатился по полу, вытаскивая при этом свой меч из ножен. Он успел как раз вовремя и рубанул незнакомца прямо по ногам. С воплем тот подломил

ся и рухнул, Ремина наконец завизжала и побежала на четвереньках, пытаясь содрать плащ, спутавший ее ноги.

— Что же я буду делать без ног? Будь ты проклят! — скрежетал поверженный, извиваясь на полу.

Меч, который он выронил, поднялся и повис в воздухе без посторонней помощи, затем остирем нацелился Конану в живот и полетел быстрее стрелы.

Но варвар парировал его на лету столь сильным ударом, что он вошел в пол под углом, погрузившись в дерево более чем на половину клинка. Немедленно колдовской меч стал дрожать — пытался вырваться, но безуспешно.

Плащ освободил ноги Ремины и, взмахнув парами, словно летучая мышь, метнулся, чтобы накрыть голову Конана. Варвар уклонился. Плащ ударился о стену, отскочил, вновь подпрыгнул и был рассечен надвое острым, как бритва, мечом Конана.

Обе половины принялись скакать по полу, при этом из них брызгала кровь. Двумя отчаянными пинками варвар отправил их в пламя очага. Там они зашипели, и едкое зловоние распространилось по зале.

— Тебе конец! — вскричал Конан, и его клинок пригвоздил залитого кровью противника к полу. Гранель зашипел, скорчился, и на глазах у

своего победителя превратился в скелет, покрытый кое-где ошметками стневшей плоти.

— Интересные у тебя знакомые, — сострил Конан. — А почему карликовый оруженосец дрыхнет, пока тебя пытаются убить?

Не дожидаясь ответа, он схватил спящего Гизмунда за ноги и рывком поднял над полом. Гизмунд пробудился и мгновенно заверещал.

— Отпусти! Что ты себе позволяешь? Я тебе все кости переломаю! — вопил он, размахивая руками.

— Его околдовали, — сказала Ремина, придя в себя. — Как вовремя ты проснулся!

— Вовремя? — заорал оруженосец. — Он должен был храпеть до завтрашнего вечера!

— Почему? — осведомился Конан.

Гизмунд сразу замолчал.

— Где герцог? — продолжал спрашивать варвар, сердясь не на шутку. — Если ты не скажешь, я буду бить тебя головой об пол, и ты станешь от этого еще короче. Ну?

— Не надо! — вмешалась Ремина. — Тебя усыпили, чтобы спасти. Пристав из города был здесь. Он сказал, что твоя подруга схвачена, и сегодня, после вечерней стражи, ее четвертуют. Герцог из благодарности к тебе решил спасти ее, а тебя опоили зельем, чтоб ты не появлялся в Галпаране.

— Со стороны герцога это очень любезно, —

молвил варвар, поставив Гизмунда на голову. — Но он не учел одного обстоятельства. Если меня куда-либо непускают, я делаю все, чтобы туда попасть.

Оруженосец, кувыркнувшись, ловко встал на ноги.

— Что тут произошло? — спросил он, оглядев залу.

Меч Гранеля, торчащий в полу, дернулся еще пару раз и вдруг мгновенно растекся лужицей грязной воды.

Конан освободил свой клинок, без всякого почтения пнул оскaledенный череп упыря-братоубийцы, поднял с пола свой плащ и набросил на плечи.

— Я знаю не больше твоего, — ответил он. — Пусть Ремина расскажет тебе. А мне пора.

— До вечерней стражи не так уж много времени, — заметила Ремина. — Ты не успеешь.

— Ха! — сказал варвар и вышел.

Скоро жёнщина и оруженосец услышали ржание его лошади и удаляющийся стук копыт.

— Может быть, он и успеет, — хмыкнул Гизмунд. — Прости, что я настаиваю, но все таки что случилось, когда я уснул? Герцог снимет с меня голову, если узнает, что ты была в опасности, пока я спал.

— Герцог не узнает, — ответила Ремина. — Только нужно прибраться здесь немного...

После обеда время тянулось медленно. Герцог Мироваль пошел прогуляться, но улицы, запруженные людьми, раздражали его. Мастеровщина толпилась, купцы громко разговаривали противными голосами, будто у каждого в глотке застрял жирный кусок мяса. Покупатели, слонявшиеся из лавки в лавку, были не лучше — они то и дело останавливались посреди улицы и вдумчиво начинали созерцать вывеску или образец товара, выставленный на обозрение.

Горожане представлялись герцогу единым живым существом, бесформенным, безмозглым, но удивительно кипучим по натуре своей. Люди, живущие в городах, обладают потребностью чувствовать локоть соседа — поэтому они охотно образуют толпы, очереди и вечную, бессмысленную давку.

На площади Примириения артель городских дворников готовила дощатый помост для казни. Они скоблили потемневшее дерево, мыли его до блеска и украшали черными креповыми гирляндами. От их деловитости Мировала затошило, и он направился обратно в гостиницу.

Скоро туда же явился Гаттерн.

— Как настроение твоей светлости? — осведомился он.

— До чего противный ваш городишко, — скривился герцог. — Если бы весенняя, разжиженная земля вдруг поглотила бы его без остат-

ка вместе со всеми торговцами, палачами и отвратительными нищими, сама природа вздохнула бы с облегчением.

Пристав обиделся.

— Это, знаешь ли, кому что нравится. Я бы не смог жить в какой-нибудь дыре, откуда нужно две зимы ехать за новыми башмаками и где самому приходится делать колбасу, сыр и вино. Галпарам — обычный город. Не лучше, но и не хуже многих других.

— Не обращай внимания, — сухо извинился Мироваль. — Мне не по себе. Города подавляют меня. Сегодня, слава богам, я покину Галпарам и долго еще буду облезжать городские стены стороной.

Со двора гостиницы послышался громкий шум. Голос хозяина, дребезжащий, но настойчивый, тонул в женском сердитом крике.

Мироваль насторожился.

— Знакомые интонации, — произнес он.

Пристав пошел посмотреть, в чем дело.

Четверо крепких носильщиков с городскими знаками на груди стояли подле огромного, роскошно сработанного паланкина, украшенного графской короной и гербом. Полог со стороны, обращенной к трактирщику, был распахнут. В паланкине, обложенная парчовыми подушками, восседала дама лет тридцати. Лицо ее слишком было ухожено, чтобы оставаться красивым. А визгли-

вой голос, от которого чесалось все внутри, никак не вязался с короной и гербом — он больше подошел бы испитой торговке селедками на задах большого рынка.

— Это невыносимо! — кричала женщина. — Я ничего не желаю слушать. Ты знаешь, к кому я приехала, голодранец? Я приехала навестить брата! Ему стоит щелкнуть пальцами, как твой хлев и ты вместе с ним исчезните.

— Отчего бы тебе, уважаемая, сразу не поехать к брату? — гнул свое хозяин. — Постоялый двор занят.

— Осел! Я должна привести себя в порядок или нет?

— Не могу это знать, не моего ума дело.

— Животное!

Мироваль выглянул из-за плеча пристава и присвистнул.

— Боги на нашей стороне, — шепнул он. — Знаете, кто это? Графиня Этер, урожденная Дорсети. Соучастница злодеяний, лавочница, купившая титул, жена моего бедного брата. У меня есть одно желание, и я его исполню...

— Кажется, я все понял, — ответил Гаттерн. — Хорошо. Ваш ход.

— Эй, милейший! — крикнул герцог. — Впусти эту почтеннную и знатную особу.

— Дорогой родственник! — воскликнула осoba. — Какое счастье, что ты здесь!

Она выскользнула из паланкина и приблизилась. Ее фигура правильной полноты и очертаний все же не была привлекательной. Она казалась заемной, чужой, будто ее купили у какой-нибудь бедной красавицы. Двигалась графиня Этер очень неестественно, потому что тщательно изображала женственность.

— Вообрази, в городе новые порядки! — жаловалась она. — Меня заставили отпустить своих носильщиков и нанять этих, из здешнего цеха. А они такие нерасторопные! У брата в доме, говорят, был пожар. Я не могу его нигде отыскать. И племянник тоже пропал. Со мною приехала большая бочка с особым травяным маслом, он им приторговывает — а девать ее некуда. Я и оставила прямо у городских ворот. Ах, что я тебе говорю! Тебя, герцог, не волнует какое-то масло!

— Почему же, это интересно, — тихо произнес Мироваль.

Пристав заметил, что герцог бледен от беспечности.

— Я тебе подыграю, — шепнул Гаттерн и обратился к «графине»: — Входи и располагайся, уважаемая. Я — пристав городской стражи и беру тебя под охрану. Твой брат и его сын зверски убиты. Та же участь постигнет и тебя, если ты не будешь осторожна.

Женщина вдруг покачнулась и в обмороке упала на руки стражника.

Ее втащили наверх, в свободную комнату, и уложили на кровать.

Спустившись в залу, герцог и пристав нервно вздохнули почти одновременно.

— Близится время второго обеда, — сказал Гаттерн. — Сейчас главный обвинитель и его советник Шпигел сидят за столом в особнячке на улице Роз и ждут жаркого.

— Ну и что? — спросил Мироваль, недоумевая.

— Они не должны присутствовать на казни, — ухмыльнулся стражник. — Иначе все сорвется.

— Неужто мы подумали об одном и том же? — поразился герцог.

— Так бывает среди преступников. Хорошие сообщники действуют, не сговариваясь. Почему бы не перенять их приемы?

— И ты согласен пойти на это?

— Графиня, насколько я понял, — соучастница чудовищного зверства. По отношению к ней это будет только справедливо, — молвил Гаттерн, улыбаясь одними глазами. — Действуй, твоя светлость.

Конан оказался у стен Галпарана точно к вечерней страже.

По пути он придумал, как попасть в город, минуя ворота. Попадаться стражникам варвару вовсе не хотелось.

Под городом протекала небольшая подземная речка. Когда-то она была многоводной, и русло ее представляло собой порядочный тоннель. Однако речка захирела, и жалкий ручеек теперь еле сочился по дну этого тоннеля.

Тоннель имел несколько выходов на поверхность, один из которых был в самом центре города. Туда сваливали всякие отбросы. Оставив взмыленную лошадь на попечение кладбищенского сторожа, варвар обошел большую мусорную свалку, спустился в овраг и вошел в подземелье.

Когда-то в этой клоаке обитало целое племя отчаявшихся подонков. Отбросы человечества жили среди бытовых отбросов. Тут были свой король, свои законы, своя мораль... Они редко бывали на поверхности, но одним своим существованием очень мешали жившим наверху. Обитателей подземелья пытались стребить силами городской стражи, но ничего путного из этого не вышло. Тогда городское начальство заключило договор с неким колдуном, который приманил в подземелье миллионную армию крыс. Крысы съели всех дочиста, а потом пожрали сами себя. С тех пор тоннель был необитаем.

Конану случалось тут бывать, и он ориентировался в подземелье так же свободно, как и на поверхности. Довольно скоро он был у нужного выхода. Сверху доносился шум голосов и шарка-

ные тысячи ног, что говорило о близости площади Примирения. Заметив решетку, запертую висячим замком, варвар выругался. Но отступать было нельзя. Внимательно оглядев решетку, Конан заметил, что она просто врыта в землю. Ухватившись за осклизлые прутья, варвар рванул их посильнее, и спустя мгновение выход был открыт.

— Как хорошо, что все подрядчики — жулики, — пробормотал Конан себе под нос. — Честный подрядчик укрепил бы решетку камнями и возиться пришлось бы долго.

Толпа у помоста собралась значительная. Конан распихивал ее локтями и подбирался поближе к месту казни. Четкого плана у него не было. Если герцог не смог освободить Зонару, то ему придется в одиночку нападать на целый отряд стражи, а потом еще и спасаться. Толпа тогда послужит хорошим прикрытием — в ней можно легко затеряться. Но сейчас она очень мешала.

Впрочем, Конан протискивался сквозь нее столь бесцеремонно и яростно, что ему скоро стали уступать дорогу. К тому же после пребывания в городской клоаке одежда варвара источала тяжелые запахи, и горожане стремились отойти от него подальше.

Выбрав место, откуда удобнее будет броситься в атаку, Конан стал ждать. За его спиной ока-

зался громоздкий паланкин, весь увешанный разноцветными гербами.

На помосте тем временем палач в блестящем черном фартуке и маске демонстрировал публике свои зловещие приспособления — клещи, уже раскалившись на угольях, нож с волнистым лезвием и тяжелый, остро отточенный топор.

Распорядитель казни с озабоченным видом бегал через оцепленный, свободный от толпы участок между помостом и трибуной городского магистрата. Во-первых, почему-то задерживалась повозка с приговоренной, во-вторых — опаздывали главный обвинитель и его советник.

Послышался нарастающий гул толпы, и распорядитель вздохнул с облегчением — везли преступницу. Очевидно, страх приближающейся смерти заставил ее сопротивляться — она была связана по рукам и ногам. На голове у нее был плотный серый мешок. На помост осужденную буквально внесли на руках.

Бургомистр махнул распорядителю рукой — пора начинать. А главный обвинитель завтра получит строгий выговор. Распорядитель торжественно вскрыл свиток с приговором и, надсаживаясь, стал читать:

— «С поличным пойманная воровка Зонара признана виновной в убийстве Дорсети, отца и сына, а также солдат охраны, числом семнадцать, и предается казни!»

Осужденная завизжала очень громко и забилась в руках палача, который собирался снять с нее веревки.

— Я не Зонара! — кричала она. — Я никого не убивала! Отпустите меня!

Конан остолбенел: даже когда Зонара очень сердилась, ее голос был не так противен.

Палач выдал ей затрещину, и она перестала кричать и дергаться, только глухо скулила. Развязанные руки бессильно повисли вдоль тела. Заплечных дел мастер сдернул мешок с головы жертвы, показалось ее лицо, опухшее, заплаканное, расплывшееся.

— Я — сестра Дорсети, — сказала она плачущим шепотом.

— Конечно, золотко мое! — ответил палач и сорвал с нее рубашку.

— Кром! — не удержался Конан. — Это не она!

— Ну конечно, мой милый, — послышался из паланкина знакомый голос. — Полезай ко мне, я соскучилась. И лучше бы тебе не высовываться наружу.

Варвару пришлось сложиться втрой, чтобы поместиться в недрах паланкина, не придавив своей сообщницы.

— Герцог — ловкий малый, — сообщила Зонара с восхищением в голосе. — Он блестяще все обстряпал! Когда меня повезли какими-то пере-

улками, повозка попал в затор. В мешке-то была дырка, и я все видела. Валялись какие-то бочки, ящики, кругом стояли телеги, кареты — все кричали, словом, столпотворение! Герцог с видом чрезвычайно важным высунулся из паланкина и наорал на солдат — те бросились растаскивать бочки... А сам он мигом отвязал меня, велел прыгнуть в паланкин, а оттуда выволок эту гадину, сестрицу Дорсети, уже связанныю и в такой же рубахе, как и я, и усадил ее вместо меня. Никто ничего не заметил, даже носильщики, потому что паланкин встал к возу впритык. Теперь он ожидает меня у северных ворот, и нам, кажется, пора.

— Эй, слуги! К воротам! — прикрикнула Зонара.

Носилки оторвались от земли и поплыли, раздвигая плотную толпу.

Тем временем последние приготовления к казни были завершены. Поставленная на колени, привязанная к толстым деревянным опорам, урожденная Дорсети расширенными глазами смотрела на палача, повернув голову, — тот зашел ей за спину, вынул из жаровни добела раскаленные щипцы, клацнул ими в воздухе.

Аже-Зонара зажмурилась и набрала в грудь побольше воздуха. Через миг отчаянный вопль пронесся над толпой. Паланкин, покачиваясь, удалялся с площади.

— Любопытно, — произнес Гаттерн, — почему четверо дюжих молодцов еле-еле ташат паланкин, в котором сидит одна далеко не толстая женщина?

Это было перед самыми северными воротами. Герцог держал Снежка в поводу и поглаживал его по морде. Он догадался, в чем дело, и ему было смешно.

Пристав подошел к паланкину и рывком распахнул занавес. Увидев варвара, он отступил на шаг, ощерился и сердито зарычал:

— Конан, ты же знаешь, что я всегда держу слово!

— Господин стражник, простите вы его пожалуйста! — затараторила воровка. — А я тебя отблагодарю...

— Сам сдашься, или позвать солдат? — продолжал Гаттерн. — Думай быстрее!

— Мне не хочется убивать тебя, но я это сделаю, — в ответ оскалился Конан. — Я не давал тебе слова больше не приезжать. Кром свидетель.

— Прекратите, господа! — поморщился герцог. — Это все бессмысленно. Пристав, ты не можешь арестовать варвара, пока он сидите в паланкине.

— Это почему?

— Видишь, на нем герб графа Этер, моего двоюродного брата.

— Ну и что?

— Паланкин — его собственность, кусочек его суверенной территории, — пояснил Мироваль. — ТERRITORIЯ эта неподвластна городу Галпарам.

Гаттерн, красный и взмокший, выдохнул через силу.

— Будем прощаться, — продолжал герцог. — И не сердись. Уж я-то еще долго не попадусь тебе на глаза.

Покачав головой, пристав махнул рукой караульному. Ворота раскрылись. Носильщики остались паланкин за воротами и вернулись в город. Конан выбрался из паланкина и протянул руку, чтобы помочь Зонаре.

— Знаешь, Гаттерн, когда-нибудь я буду королем всех этих мест, — произнес он. — И жизнь здорово изменится. Многие потеряют свои должности. Но не ты.

— Чего только не услышишь в час ночной стражи, — ухмыльнулся пристав и направился к себе в караульное помещение.

— Прощай, господин вор! — Герцог вскочил в седло, и Снежок унес его на встречу с любимой женщиной.

— Моя лошадь у кладбищенского сторожа, — сказал варвар, обращаясь к Зонаре. — Пойдем. Деньгами поделюсь, как и обещал. Попробуем раздобыть тебе одежду и обувь, а то в тюремной рубашке ты будешь привлекать внимание.

Ночь стояла свежая, но Зонаре было жарко от пережитых волнений. Она прижалась щекой к плечу варвара, и ей казалось, что после долгих лет пути она наконец дома. Зонара знала, что чувство это скоро пройдет, но горечи не было.

— Знаешь, — произнесла она, — я брошу ремесло воровки. Иначе когда-нибудь мне не повезет с сообщником.

Конан одобрительно заворчал.

— Открою школу для детей, как дядя Гинко. Буду растить гимнастов, плясунов... А ты куда подашься? — спросила Зонара, останавливаясь.

— Не знаю пока, — отвечал он. — Ближайшую ночь или две проведу с тобой, ну а там видно будет...

— Идет! — Зонара хлопнула его по плечу.

В это самое время городской обвинитель Маркус и маг-советник Шпигел сидели в обеденном зале в полной темноте, связанные спина к спине. Шпигел жалобно вздыхал и сопел, а Маркус отчаянно пытался почесать нос собственным коленом.

— Кто же это был? — спросил он.

— Грабитель, я думаю, — Шпигел снова вздохнул.

— А почему он ничего не взял? Это странно, очень странно...

— Экий у тебя беспокойный нрав, — прооромтал Шпигел.

— А ты не вздыхай так сильно — мне веревка в живот врезается! Почему бы тебе не избавить нас от пут магическим способом?

— Каким? — Шпигел недолго подумал. — Может, огненным шаром? Веревку он испепелит мигом, но и нас поджарит изрядно.

— Тогда не надо. — Маркус снова попытался почесаться. — Все не так плохо, коллега, — просяил он внезапно. — Мы не пошли на эту ужасную казнь. По уважительной причине! А утром горничная нас освободит.

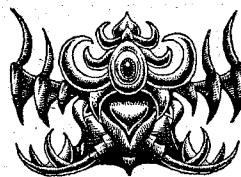
— Жаркое до этого времени совсем закоченеет, — мрачно произнес маг-советник.

— Зато с холодной телятиной ничего не сдается! — убежденно проговорил городской обвинитель Маркус и принял весело насвистывать «Балладу о стройной деве».

Слуха у него не было совершенно.

День мертвых

сть в Британии маленькие городишки, неказистые и не очень богатые, но такие уютные и славные — кажется, век бы там провел, если бы не тяга к путешествиям! Создается впечатление, будто жители таких городков никогда не видели нищих; если и посещают их беды, то очень быстро забываются, затягиваются каминной золой.

По праздникам там пекут белый хлеб и пироги; вечерами люди собираются в таверне — выпить вина или доброго эля и поболтать о разных приятных мелочах. Правитель такого городка представляется человеком крайне симпатичным, и обитает он не в грозном замке на горе, что главенствует над местностью, словно орел, облетающий свои владения, а в большом и красивом дворце, что выстроен прямо на главной городской площади.

Вот таким чудесным, спокойным уголком был некогда городок под названием Кой.

Где те времена!.. Одинокий путник, медленно обезжающий улицы Коя на большом вороном коне, не без удивления оглядывался по сторонам. То, что представляло его взору, не имело, как он думал, человеческого объяснения. Здесь поработала черная магия, не иначе. Чем же объяснить вид этих домов, покосившихся, облупленных, кривобоких? И добро бы такое было только на городских окраинах, в местных трущобах, где обитает нищий, беспутный люд! Нет, в полном запустении пребывали некогда крепкие, добротно выстроенные дома. Кое-где еще сохранились украшения. Путник не смог удержать горькой усмешки, когда увидел на одном фасаде облезлую сильфу, вырезанную из камня и в свое время раскрашенную. Красный рот сильфы расплылся и измазал подбородок, как будто чей-то кулак разбил красавице губы, синяя краска с глаз, в свою очередь, пустила потеки на щеку, словно там наставили синяков. В другом месте лепнина в виде цветов имела оципанный вид — не иначе кто-то развлекался, обрывая лепестки. А рядом — ставни, висящие на одном гвозде, отвалившиеся куски штукатурки, протекающие крыши.

Но ужаснее всего были в этом городе люди. Нигде в мире, кажется, путешественник не

встречал столько горбатых, хромых, кривых, кашляющих кровью. Каждый попадавшийся ему на улице человек страдал каким-нибудь тяжким недугом. Горожане торопливо шаркали по грязной, разбитой мостовой, норовя поскорее юркнуть в какую-нибудь дыру. Можно подумать, они чего-то боятся.

Из-за окон, затянутых бычым пузырем вместо стекла, то и дело кто-то выглядел. Это были испуганные, болезненные взгляды. Всадник хмурил черные брови на загорелом лице. Ему — здесь очень не нравилось. Он спешил поскорее миновать проклятое место. Он не собирается здесь останавливаться — благодаря покорно! — и пищи здешней вкушать тоже не будет.

Самый воздух здесь, мнится, отправлен. К сожалению, не дышать человек не может...

Рослый, красивый молодой мужчина сердито щурнул глаза — ярко-синие, холодные, словно снег на вершине гор. Ему вдруг показалось, что он участвует в чем-то недостойном.

Впечатление это усилилось, когда он проезжал мимо таверны (здесь была даже таверна! при одной мысли о том, какие блюда могут подавать в подобном месте, всадника мороз пробрал). Какой-то человек, оборванный и тощий, выско-чил оттуда, как ошпаренный, и, размахивая тонкими костлявыми руками, бросился прямо под копыта лошади.

Всадник натянул поводья, но недостаточно быстро. Раздался слабый, жалобный крик — замурышка попал под копыта.

— Кром! Проклятье! — сквозь зубы выругался молодой человек. — Только этого не хватало!

Если ему приходилось убивать противника в бою, совесть его оставалась совершенно спокойной. Он мог, наверное, даже зарезать спящего, если был уверен в том, что этот спящий — законченный негодяй. Впрочем, последнее спорно, поскольку подобного опыта у юноши пока что не было. Но сбить с ног заморыша, который и без того одной ногой стоит в могиле...

Проклиная все на свете, всадник спешился. Пострадавший лежал на растоптанном грязном снегу. Вокруг его головы расплывалась угрожающая красная лужа.

— Надеюсь, ты жив, — проворчал пришелец. — А если помер, туда тебе и дорога.

Но бедняга еще дышал. Его широко раскрытые глаза, в которых явственно читался ужас, глядели прямо на незнакомца.

— Прости... — пролепетал он.

— Да уж, — фыркнул пришелец. — Клянусь Кромом, ты выскоцил так неожиданно!

— Прости... — повторил бедняга и потерял сознание.

Молодой человек подхватил его на руки и ногой открыл дверь таверны.

Зрелище, представшее его взору, напоминало кошмарный сон. В темном, закопченном помещении, под низким потолком, собралось около двадцати посетителей. Кругом горели факелы, но они так чадили, что, казалось, не прибавляли света, а лишь сгущали тьму. В очаге шевелились языки темного пламени. Они лениво обхватывали днище огромного котла, где исходило паром неаппетитное варево.

На стенах висели «украшения»: грязные тележные колеса, запыленные рыбакские сети, несколько гарпунов с обломанными зубцами и безнадежно тупой меч с рукоятью в виде оскаленной пасти дракона. Нужно ли говорить о том, что былое великолепие этой рукояти облупилось, облезло и приобрело жалкий вид.

Скамьи, выставленные вдоль стен, равно как и столы, массивные и прочные, еще держались, но и они уже покосились, а некоторые сгорбились.

Но ужаснее всего были здесь сами люди. Они теснились друг к дружке — увечные, безглазые, с язвами на щеках, с текущим из ушей гноем... Никто не брезговал — все были одинаково отвратительны. Пришелец даже не мог решить, кто из них страдает больше.

Он остановился на пороге, держа пострадавшего, точно ребенка. Ноги-палочки и истощенные руки раненого болтались, как плети.

— Привет, — хмуро проговорил чужак. — Меня зовут Конан. Я из Киммерии. Этот человек неожиданно выскоцил прямо перед моим конем. Заберите его.

В полном безмолвии он прошел через таверну и уложил бедного уродца прямо на столы, опрокинув при этом несколько щербатых глиняных кружек и разлив жидкое пойло, которое хлебали посетители таверны.

Темная кровь все еще вытекала из раны. На голове была рассечена кожа, но казалось, будто череп проломлен — рана имела устрашающий вид. Волосы, серенькие и реденькие, слиплись, лицо, и без того несчастное, превратилось в сущую маску страдания. Казалось, бедняга вот-вот испустит дух.

— Делайте с ним, что хотите, — проворчал Конан. — Вы здесь все на людей-то не похожи... Я не знаю, может, то, что помогло бы мне, этого бедолагу просто убьет.

— Ты так думаешь? — нарушил молчание один из сидевших за столом. Он говорил тихо и спокойно, как будто вид людей с проломленным черепом и рослых незнакомцев для него самое привычное дело.

— Ну, не знаю, — немного смущился киммериец. — А ты что посоветуешь?

— Надо перевязать ему голову. Промыть рану. Посмотрим, может, нет опасности для жиз-

ни... Хотя тут все опасно для жизни. Наверное, ты это уже понял, Конан из Киммерии.

— Понял, — хмуро сказал Конан.

— За работу! — слабым голосом распорядился говорящий. Это был горбун с очень длинными руками и печальным, красивым лицом, наполовину скрытым под космами нечесаных волос, похожих на войлок.

Кругом зашевелились, закопошились. Принесли лампу, которая добавила к чаду вонь прогорклого масла. Вытащили корзину с мятymi влажными тряпками.

«Все, что осталось от старины Моки», — пояснил невнятно горбун. Конан не стал уточнять, что именно имелось в виду.

Рана действительно была совсем не такой страшной, как казалась на первый взгляд. Конан умело промыл ее, выказывая сноровку, присущую заправским костоправам и опытным воинам. Повязка быстро пропиталась кровью.

— До свадьбы заживет, — мрачно пошутил варвар.

Никто даже не улыбнулся. Кругом вздыхали и сопели, обмениваясь жалобными взглядами. Один из местных жителей вынул из уха кусок тряпки, пропитанной гноем, и, пользуясь тем, что вытащили корзину «старины Моки», добыл себе свежий лоскут.

— Ладно, — сказал наконец Конан. — Вижу,

что все у вас в порядке. Знаете, друзья мои, я бы хотел поскорее уехать.

«Друзья» с пониманием закивали. По стенам таверны заплясали лохматые, жуткие тени, и Конан мог поклясться, что слышит, как ухнула и тяжело переступила сова-обитательница чердака.

— Это твое право, чужеземец, — заговорил уродец с вытянутой головой и бледным, отечным лицом. — На твоем месте любой бежал бы очертя голову из этой слезной обители.

Подобные слова Конан воспринял как вызов. Любой другой, может быть, и бежал бы от неведомой опасности, но киммериец — никогда.

— Скажи, любезный, — произнес Конан не много изменившись тоном: теперь он говорил вкрадчиво и даже как будто ласково, — что в этих краях такого, что может заставить меня бежать отсюда, да еще очертя голову? Я думал, здесь просто... э... плохая погода или что-то в этом роде. Может быть, повальная болезнь.

Все дружно закачали головами. Все, кроме одного, — кособокого старичка с бородой, которая росла у него тоже на сторону. Этот закивал, медленно и торжественно.

— Что-то не так? — Конан показал на старичка. — Он считает, что я прав?

— Нет, просто у него шея почти не поворачивается, — объяснил длиннорукий горбун. — На самом деле он тоже с нами согласен.

Конан пристально посмотрел на старичка. Тот зажмурился и молча продолжал кивать.

— Ответь! — обратился к нему киммериец.
— Он немой, — сказал горбун.

Конан провел пятерней по непокорной граве смоляно-черных волос.

— Клянусь яйцами Крома, здесь у вас творится какая-то чертовщина! Сдается мне, не обошлось без этих вонючих колдунов.

— Тише! — закричали сразу несколько человек. — Не говори так!

Один даже повалился на колени и заплакал.

— Здесь же все свои, — успокоительно молвил варвар и уселся за стол с видом решительным и мрачным. — Ладно, поговорим начистоту. Если в этой таверне сидит какой нибудь приспешник мерзкого колдуна — тем лучше. Пусть все слышат. Пусть сообщит своему хозяину, что явился Конан-киммериец, который ненавидит — слышите, вы? ненавидит проклятых чародеев и уничтожает их везде, где только встречает. Ну а если такового здесь нет — тоже неплохо. Поговорим без посторонних. Я слушаю.

И он расставил локти на столе пошире, всем своим видом показывая, что обосновался всерьез и надолго.

Уродливые человечки пошутикались и, как по команде, сдвинулись поближе к Конану. Заговорил горбун — видимо, он был у них заправый

лой, а остальные то и дело кивали или вставляли слово-другое.

Несколько десятков зим тому назад город Кой действительно был очень хорош. Тихий, мирный городок, где каждый занимается своим ремеслом. Славился Кой прежде всего ткаными гобеленами; но были здесь и искусные строители, и плотники, и даже один переписчик книг, который умел рисовать замечательные узоры в виде фантастических зверей, запутавших в зарослях несуществующих растений.

Правителем городка был человек по имени Созо. Его дворец, чуть больше домов, принадлежавших состоятельным горожанам, был самым красивым зданием в городе. Фасад его украшали забавные лепные ящерки, резвящиеся над входной дверью, а на крыше имелся позолоченный флюгер в виде дракона с причудливо завернутым хвостом.

Чем занимался Созо в своем чудесном дворце — никто толком не знал. Под его управлением городок процветал. Каждый из его жителей был погружен в собственные дела и заботы и мало интересовался тайнами сильных мира сего. А Созо был сильный — в этом ни у кого сомнений не возникало. Чем иначе объяснить то обстоятельство, что королевские сборщики налогов никогда не заглядывали в Кой и нашествия иноземцев обходили его стороной, так что о бедст-

вии узнавали только потом, когда заезжал в Кой какой-нибудь торговец редкостями и сообщал новость.. Тогда горожане собирались в тавerne «Колесо и сеть», принадлежавшей старику Моке, качали головами и дружно пили за здоровье своего правителя, который так ладно умеет устраивать дела.

Примечательным было еще вот что. Никто и никогда не переступал порог дворца Созо. Правитель обходился без прислуги. Он сам запрягал белую лошадку в карету, сам седлал гнедого, если хотел проехаться верхом, сам готовил себе еду, даже на рынок ходил сам. И всегда он был весел и приветлив со встречными людьми; всегда в хорошем настроении. Никто и не припомнит, чтобы Созо хмурился или не ответил тому, кто с ним заговорит.

Беда случилась одним ненастным вечером, когда в тавerne заночевал одинокий всадник по имени Чорсен. Так он себя называл. Говорил, будто сбился с пути. А едет, мол, в Нумалию — у него там невеста. Как же! С самого начала стоило понять, что этот Чорсен врет. Нумалия — совершенно в другой стороне. На восток отсюда. А он двигался в западном направлении. Но жители Коя настолько привыкли к благоденствию, что даже не задумались над этим несоответствием.

Чорсен был высок ростом и крепок, хотя до Конана ему, конечно, далеко. Наутро он про-

снулся еще до света и отправился — ни много, ни мало — во дворец к Созо.

Правитель не запирал дверей. Он знал, что никто из горожан не посмеет потревожить его покой. Но пришелец — другое дело. Для таких нет ничего святого, и даже порог чужого дома им не преграда. Чорсен, не задумываясь, вломился в жилище правителя и принялся бродить там и осматриваться по сторонам, приглядывая, чтобы такого поценнее украсть.

Да, этот рослый, красный, располагающий к себе молодой господин был обыкновенным вором!

Правитель Созо как раз спускался по лестнице с чашкой горячего молока в руке. Он собирался завтракать перед началом долгого дня, который он, несомненно, намеревался посвятить добрым делам.

И застал Чорсена врасплох. Тот как раз складывал в мешок статуэтки из чистого золота, что украшали каминную полку Созо.

— Что ты здесь делаешь, юноша? — заговорил Созо.

(«Кстати, откуда известны все эти подробности? — не удергался Конан. — Кто-нибудь при этом присутствовал?») Однако рассказчики принялись дружно уверять киммерийца, что в рассказе горбuna все доподлинно верно, потому что кое о чем поведал горожанам мальчишка по

имени Чача — сорванец подсматривал, взобравшись на дерево, за Чорсеном.)

Чорсен не стал тратить времени на оправдания. Молча он выхватил из-за спины длинный двуручный меч и набросился на хозяина дворца. Созо легко уклонился и брызнул горячим молоком в глаза своего противника. Грабитель взмыл. Пенка залепила ему ресницы, веки нестерпимо жгло. Тем временем все вокруг переменилось.

Когда Чорсен с трудом раскрыл глаза и поднял меч, чтобы нанести следующий удар, он в ужасе закричал: со всех сторон его окружали совершенно одинаковые Созо. Их было не меньше одиннадцати. Тогда-то и стала понятна тайна правителя: он обходился без слуг, потому что мог воспроизводить самого себя в любых количествах, ему потребных. Именно поэтому, кстати, правитель ухитрялся быть вездесущим, ведь нередко так случалось, что в одном конце города он улаживал ссору между двумя почтенными горожанами, в другом — уговаривал молодую девушку не бежать из дома вслед за любовью, которая предстала ей в лице бродячего торговца цветными лентами, но повременить и избрать себе более достойного жениха.

Все эти одиннадцать Созо с одинаковой улыбкой на губах наступали на незадачливого грабителя. Он заорал и нанес удар первому попавшемуся — тому, что оказался ближе. Раздал-

ся грохот, как будто разбилось зеркало, и один из Созо исчез бесследно. А прочие даже не дрогнули.

Еще один удар — еще одно исчезновение. Улыбка стала шире.

Обезумев от ужаса, грабитель бил и бил мечом, не разбирая, кого он разит — человека, призрак или хрупкие предметы обстановки. Пол усеивали черепки дорогих ваз, обломки тонкононгих столиков, порванные гобелены.

Наконец Чорсен опустил меч и, тяжело дыша, огляделся. Еще несколько Созо смотрели на него пристально, и грабитель почувствовал, что под этим взглядом он сходит с ума.

— Будь ты проклят, колдун! — взревел он, снова поднимая свой меч.

— Ты вор? — осведомился Созо.

Чорсен резко повернулся в сторону голоса.

— Да! — с вызовом ответил он.

— Если ты нуждаешься в средствах, в одежде или пище, ты мог бы просто попросить. Я никому не отказываю, — молвил Созо.

— Если ты колдун, то твоя цена окажется куда выше... одежды или пищи... — с трудом переводя дух, откликнулся грабитель. — Нет уж! Лучше я сам возьму все, что мне нужно.

— Посмотрим, что ты нашел, — хмыкнул другой Созо, в то время как третий принялся рыться в мешке, который бросил вор. — О, это

то, что нужно такому человеку, как ты! — воскликнул он, вытаскивая золотые статуэтки.

Четвертый Созо сделал несколько движений руками, а пятый — он только что спустился по лестнице и с любопытством наблюдал за происходящим — пропел несколько стихов на неизвестном языке. Статуэтки внезапно ожили. Золото стекло с них, как вода с просаленного бурдюка. Крошечные лошадки, миниатюрные пастушки и совсем маленькие овечки и собаки разбежались во все стороны.

— Хорош бы ты был, если б унес их отсюда! — укоризненно произнес первый Созо. — Ведь они живые! И у тебя поднялась бы рука разлучить девочку с ее овечками, а собаку — с ее приятелем-пастухом? Какой ты злой, жестокий человек, Чорсен!

— Откуда ты знаешь мое имя? — прохрипел вор.

Все Созо разом рассмеялись. Чорсен отчетливо слышал, как еще несколько голосов переговариваются у него над головой, на верхнем этаже, и ничуть не сомневался в том, что там находятся еще Созо.

Мир закружился вокруг грабителя. Ему вдруг показалось, что во всей вселенной не осталось никого, кроме него самого и бесконечных Созо. Нет ни мужчин, ни женщин, ни детей — только одно это бесконечно ненавистное лицо с такими

добрими глазами, такой мягкой улыбкой и гладкой кожей.

— Нет! — вскрикнул Чорсен.

Внезапно он заметил, что один Созо все-таки отличается от остальных. То ли шире улыбается, то ли глаза чуть больше прищурены. И с воплем неистовой ярости грабитель метнулся к нему, целя прямо в грудь правителя.

Он не ошибся. Тотчас все прочие Созо исчезли, бесследно растаяв в воздухе. Остался этот один. Теперь его улыбка больше не была доброй. Это был застывший зверский оскал.

— Давай, бей! — тихо, властно выговорили резко очерченные губы, не переставая улыбаться.

И грабитель, не в силах удержать разящего меча, вонзил клинок в грудь правителя.

Пальцы Чорсена судорожно сжимали рукоять. Он попытался выпустить меч, но неведомая сила не позволяла ему это сделать. Какая-то магия приковала человека к его мечу.

И началось ужасное.

Жизненные силы начали стремительно покидать Чорсена. Он слабел. Меч в его руке становился все жарче и наконец раскалился докрасна. Созо глядел прямо в глаза своему нездачливому убийце, и в глубине глаз мага начинал загораться огонек, в то время как взор Чорсена заволакивало туманом.

Теперь они почти ничего не различал перед собой. Только в голове еще гудели невнятные голоса, как будто переговаривались. Один раз он услышал звонкий женский голос, произносящий имя... кажется, то было имя женщины, которую он когда-то любил... Она жила в Нумалии... Она давно умерла... умерла...

Тело Чорсена обвисло на клинке. Маг медленно поднял обе руки и обхватил меч. Острое лезвие впилось ему в ладони, но крови не выступило. Резким движением маг выдернул меч из своей груди и оттолкнул прочь Чорсена. Грабитель упал бездыханным. Он так и не выпустил рукояти. Губы его еще раз шевельнулись, и сердце остановилось.

— Ступай на Серые Равнины! — с отвращением прошипел Созо. Теперь, когда он, чтобы не погибнуть, вынужден был завладеть жизненными силами чужого ему существа, голос его переменился. Больше не стало звучного, приветливо-го голоса, так хорошо известного всему Кою. Маг шипел и хрюпал. Голосовые связки отказывались повиноваться чужому дыханию. Сердце то стучало как бешеное, то почти замирало. Теперь он видел мир глазами Чорсена. То, что прежде имело ценность как произведение искусства или как нечто магическое, теперь — с изумлением отметил Созо — рассматривалось им также с точки зрения рыночной стоимости.

Он громко застонал, удивляясь тому звуку, что исторгают его уста. В свое время Соэо, подобно другим своим собратьям по магическим искусствам, интересовался некоторыми теоретическими вопросами. В частности, он пытался исследовать проблему взаимоотношений тела и души. Большинство магов считали тело и душу двумя практически самостоятельными субстанциями человеческой личности. Они смело изымали душу и использовали тело, вселяя в него демонов, вызванных из иного мира. Иные ставили опыты над душой.

Но Соэо, умирающий от клинка грабителя, поневоле сделал еще одно открытие. Если вселить в собственное тело чужую жизненную энергию, то часть физических и нравственных характеристик будут присвоены оживленным таким образом телом.

Он подумал: «Неплохо бы это сформулировать и изложить в трактате», но затем его захлестнули мысли Чорсена.

Он вспомнил все. Вспомнил, как юная девушка из Нумалии любила его. Любила таким, каков есть. Она происходила из хорошей семьи. Естественно, ее родичи были против подобного брака. Какой-то бродяга, грубиян, с отвратительными манерами, с запахом изо рта! И тогда она решилась бежать с возлюбленным — с Чорсеном. Он должен был ждать ее в условленном месте, а

он... Стыдно сказать, он пил в таверне и забыл. Просто забыл.

Когда он вспомнил и прибежал туда, где у него была встреча с красавицей, то никого там не увидел. «Передумала, — подумал он. — Обыкновенная ветреная шлюшка. Не больно-то я был ей нужен. Если бы любила — дождалась бы!».

А она была в это время уже мертва... Веревка, на которой девушка спускалась из окна своей спальни, оборвалась. Эту веревку принес ей Чорсен. Принес первую попавшуюся, не проверенную.

Узнав обо всем, он тотчас покинул Нумалию. Он скитался по свету, пытаясь убежать от собственных воспоминаний, от чувства вины, которое непрерывно глодало его. Он совершал различные преступления, в основном мелкие, но иногда и убивал. Он жил кражами, грабежами, изредка присоединялся к шайкам разбойников и нападал с ними на караваны.

Но непрерывно болела в его душе страшная рана — вина перед любящей женщиной. И теперь, погибая от магии Соэо, Чорсен передал эту боль своему убийце.

Часть низкой души Чорсена оказалась достаточно большой, чтобы исказить внутреннюю сущность Соэо.

Правитель Коя вовсе не был злым. Он обладал своеобразным чувством юмора, старался по-

могать людям — ему нравилось жить в комфортном, чистеньком городке и пользоваться уважением его добропорядочных обитателей. Теперь все переменилось.

Но перемены затронули нечто большее, нежели одну только личность Созо. Как заразная болезнь, они расползлись из его дворца по всему городу.

Стала портиться погода. Мелочь? О, нет! Климат сделался гнилым. Возможно, в здешних краях он всегда был таковым. Возможно. Недаром прежде здесь никто не селился. Да и сам город не зря стоит вдали от торговых дорог. Пока не появился в этом уголке Бритунии маг Созо, нога человека не ступала по землям, что чуть позже замостили брусчаткой и застроили домами.

Теперь магию, улучшающую климат, Созо больше не поддерживал. Он только тем и занимался, что разбирал в своем особняке «старый хлам» и подсчитывал богатства. Он размышлял также о том, нельзя ли вызвать из Серых Равнин душу погибшей девушки, оживить ее магическим образом и наконец заключить с нею брачный союз, которого она так жаждала и ради которого отдала свою юную жизнь.

Туманы затягивали город, дожди непрерывно мочили его, а когда не было дождей, начинался снег. Лед сковывал мостовые и дома, а потом разламывал их. От сырости гнили древесина и

ткани. Люди начали хворать. Дети рождались больными, многие кашляли и погибали на второй, третий день жизни.

Участились несчастные случаи. Скоро костоправ не знал отбоя от пациентов. Но почему-то кости срастались неправильно, и увечные оставались калеками на всю жизнь. У некоторых раны на теле не затягивались и гнили. Началось повальное выпадение зубов. Кое-кто неудержимо толстал, другие худели и превращались в ходячие скелеты... — Но почему же жители не оставили Кой? — поразился Конан. — Если здесь творится неладное, стоит все бросить и бежать куда глаза глядят! Разве мало в Бритунии мест, где нужны мастера? Если вы все действительно такие хорошие мастеровые, то любой из вас найдет и место где жить и работу себе по душе!

— Так-то оно, конечно, так, — покачал головой горбун. — Но сам посуди. Бежать! А как брошишь дом, имущество? А если жена больная или не хочет уходить? Родители старые — их как оставить?

— А повозки на что? — настаивал Конан. — Странные вы люди! Барахло, нажитое за несколько поколений, дороже вам собственной жизни. Помрете — и на что вам тогда будет все это барахло?

— Ты умен, юноша, — вздохнул горбун. — Ты силен. А мы слабы и немощны. Мы страшимся

дороги. Ведь никто из нас никогда не покидал Коя. Мы даже не знаем, в какую сторону идти, чтобы выбраться на большую дорогу.

— Да в любую! — взорвался Конан. — Никогда не видел столько нытиков! На вас глядеть противно! Ладно, рассказывайте дальше.

Но оказалось, что ему уже почти все рассказали. С каждым годом характер Созо становился все хуже. Он все больше забывал себя прежнего и погружался в неисследованные дебри ненависти к человеческому роду.

Теперь он уже и сам не знал, для чего нужно ему вызывать на землю невесту Чорсена, — ради былой любви или из желания еще больше помучить ее.

Он оставил город и поселился далеко в лесу, в густой чаще, куда нет дороги. Но месть его не прерывна: дожди не прекращаются, сырость и туман разъедает легкие людей и построенные ими дома, а время от времени из лесов наползают ядовитые испарения, которые приносят с собой повальные болезни.

— Я так понял, что Созо следует убить, — сказал Конан задумчиво. — Другого выхода у нас нет. Изгнать из него душу Чорсена — все равно что прикончить мага, не так ли?

— Все возможно, — осторожно согласился горбун. — Мы ведь тут не знатоки магии...

Конан поднял черную бровь.

— Да? А вас послушать, как вы тут излагаете про жизненные энергии и Серые Равнины, — так очень даже знатоки... Ладно, я ведь тоже не знаток. По мне так, пусть магов вовсе не будет. Кто-нибудь знает, где находится логово Созо?

Повисло молчание. Слышино было, как ветер завывает за ставнями.

Тут в задымленное помещение, согбаясь в три погибели, вошло диковинное существо со странно вывернутыми руками. Приглядевшись, Конан понял, что это все-таки человек. Исклеченный почти до неузнаваемости, однако человек.

— Это здешний конюх, — пояснил горбун. — Некогда попал под телегу. Его долго вытаскивали, потом лечили, но все его кости срослись неправильно и в иных местах торчат, грозя проткнуть кожу.

— Господин! — тонким плачущим голосом вскричал конюх. Подпрыгивающими шагами он с трудом добрался до середины зала и там остановился. Конан вдруг понял, что конюх обращается к нему.

— Я хотел поймать твою лошадь! Привязать, накормить... но она сбежала. Животное сильнее меня, господин. О, что мне делать?

Он зарыдал, глядя в пол и трясясь. Конан с ужасом смотрел, как на сгорбленной спине подпрыгивают лохмотья.

— Теперь уж ничего не поделаешь, — угрюмо отозвался киммериец. — Бессловесная скотина — и та умнее вас. Поняла, что отсюда нужно уносить ноги, и чем скорее, тем лучше. А вы сидите и ждете, пока сгниете заживо.

— Мы бессильны, — повторил горбун. — В определенной степени мы всегда были творениями Созо. Нам трудно разорвать эту связь. Да и имущество — дом, хозяйство, старые родители...

— Это я уже слышал, — проворчал варвар. — Обывательские разговоры. Ладно, подумаю. Вы проводите меня в логово колдуна?

Все опять замолчали.

— Мне нужен проводник! — повысив голос, произнес киммериец. — Иначе я отказываюсь помогать вам.

После долгой паузы в темном углу что-то закопошилось, и на свет выбрался человек, который еще ни разу не вступал в беседу. Это был коренастый, скособоченный, но крепкий мужчина лет пятидесяти с виду.

— Меня звать Дирон, — представился он. — Тележник.

Конан важно кивнул ему.

— Ты знаешь дорогу к новому дому колдуна?

— Подозреваю, — сказал Дирон. — Это в лесу. Я ходил за деревьями и кое-что видел.

— Хорошо, — Конан поднялся. — Выходим немедленно и покончим с этим.

— А сборы? — засуетился горбун. — Какой-нибудь еды на дорогу? А оборудование?

Конан презрительно плюнул.

— Сборы — встать да пойти, понял? Оторвать задницу — вот и все сборы. Припасов ваших мне и даром не надо. Конан из Киммерии тухлятиной не питается. Поймаю в лесу какого-нибудь зайца. А оборудование... — Он похлопал ладонью по ножам с мечом. — Вот мое оборудование! Все, хватит болтать. В путь!

Он подтолкнул тележника в шею, как будто погонял его на каторжные работы, и оба покинули таверну.

Лес начинался сразу за городом. Дышать здесь было немного легче, хотя туманный холодный воздух обжигал легкие и казался густым. Но, по крайней мере, не было удушающего дыма.

Да и человеческое жильё, запущенное и разваливающееся, действовало на Конана дурно. Как будто находишься в одной комнате с умирающим.

Тележник Дирон топал, высоко поднимая ноги в сапогах. Он почти ничего не говорил, только время от времени останавливался и вертел головой, как будто прислушивался или принюхивался к чёму-то.

— Что ты высматриваешь? — спросил Конан, тоже останавливаясь.

— Сам не знаю, — признался Дион.

— Ты мне лучше скажи, — посоветовал варвар. — Будем высматривать вместе.

Дион, подняв голову, глянул на своего рослого спутника. Конан выглядел достаточно диким, чтобы учゅять врага прежде, чем тот даст о себе знать неосторожным движением или звуком. Тележник вздохнул.

— От жилья Созо дух особый... Иногда мне чудится, будто ветер его приносит. Такой странный дух... Не знаю, с чем сравнить. Иногда в тележной мастерской так пахнет, когда делаешь дорогую повозку и покрываешь лаком...

Конан честно попытался представить себе, как пахнет в тележной мастерской, но увы — эти усилия не увенчались успехом.

— Ладно, веди, — проворчал он. — Долго идти-то?

— Откуда мне знать! Я ведь никогда там не был. Просто предчувствие.

— Ну хотя бы приблизительно?

— Приблизительно... Может быть, до вечера доберемся. А может, и к утру следующего дня. А если заплутаем, то через пару дней. Я ведь не знаю, Конан, где это находится. У меня просто...

Он запнулся.

— Предчувствие, — заключил за Дионом киммериец и похлопал тележника по плечу, твердому, как булыжник. — Я понял.

Опыты Созо близились к завершению. В глубине пещеры горел огонь, озаряя красноватым светом жилище мага: смятые и изрядно подгнившие звериные шкуры, служившие ему постелью, несколько вырытых в земле и обмазанных глиной ям, в которых находились различные субстанции, десяток грубо вылепленных глиняных горшков, мешок, набитый различными травами и кореньями. Созо, оборванный, отощавший, с безумно горящими глазами расхаживал взад-вперед по пещере с книгой в руках. То и дело он заглядывал туда и повторял одну и ту же фразу на древнем лемурийском языке. И каждый раз, когда слова давно отзвучавшей речи вновь сотрясали воздух, языки пламени взвивались почти под самый потолок пещеры.

Созо чувствовал лихорадочное возбуждение. Осталось совсем немного. Он уже ощущал ветер, доносящийся с Серых Равнин, и чей-то невнятный зов. Многое он позабыл за эти годы. Но только не лицо девушки. Оно так и стояло перед внутренним взором — мага и Чорсена, теперь уже обе эти личности были слиты воедино.

Он пытался вспомнить ее имя. Это давалось ему труднее всего. Чорсен и сам забыл, как ее звали. Только лицо и зовущий голос. Ему виделось во сне, как она падает. Веревка обрывается, и девушка летит вниз, на мостовую. В темном воздухе развеиваются ее светлые волосы, ее длин-

ноё белое платье. И было-то невысоко, но она неудачно упала, прямо на спину, и сломала себе шею. В раскрытых глазах — кроткий упрек. Эти глаза преследовали Чорсена даже после того, как он пробуждался от собственного крика.

Но как же ее звали? Созо решился отправиться на Серые Равнинны, отыскать там бритунийку и спросить ее об имени. Может быть, она ему напомнит. Он представится другом Чорсена.

Только одно тревожило Созо. Вдруг там, на Серых Равниннах, он будет выглядеть как Чорсен? Тогда она не ответит ему на вопрос об имени. Тогда она плюнет ему в лицо.

Но попробовать стоило. Созо выкрикнул последние несколько заклинаний, и из пламени вдруг поднялся могучий вихрь. Всё тело мага охватило жаром, а затем вокруг встала стена огня. Он несколько раз жадно вдохнул воздух и... перестал дышать.

Постепенно огонь рассеивался, как рассеивается туман. Стало очень тихо. Созо обнаружил, что находится в совершенно незнакомом месте. Мир сделался плоским и утратил цвет. Все предметы обладали различными оттенками серого. Ни белизны, ни черноты. От тишины закладывало уши.

Потом где-то вдалеке начал звучать голос. Созо напряг слух и в конце концов различил чье-то пение, тонкое, на высокой пронзительной

ноте. Оно звучало то тише, то громче, но всегда на одной и той же ноте, словно балансируя на тонком канате.

От этого звука по коже пробежали мурашки. Созо понял, что ему холодно, поежился, но одежда больше не согревала его.

Он не мог разобрать, в чьем обличии оказался здесь, на Серых Равниннах. Где-то поблизости бродили демоны. Маг ощущал их присутствие, но разглядеть пока не мог. У него было очень мало времени. Следовало поторопиться и найти девушку как можно скорее.

Он шагнул вперед. Пейзаж изменился. Только что здесь не было ничего, и вдруг показались кусты. Тонкие голые ветви яростно сплетались между собой, как будто пытаясь одолеть, переломить друг друга. Следующий шаг. Книжные полки, вершина которых теряется под небесами. Созо протянул руку, чтобы взять хотя бы один том, но почувствовал под пальцами пустоту.

— Иллюзии! — прошептал он.

— Иллюзии! — шепнул в ответ леденящий душу голос, и перед Созо показалась отвратительная морда демона. Оскалив острые клыки, демон захохотал.

— Кто ты? — спросил Созо.

— Ха-ха! — отвечал демон. — Глупый колдун!

— Заклинаю тебя богами Лемурии! — крикнул Созо.

Демон замер, озадаченный. Не давая ему опомниться, маг метнулся в сторону, и густая серая пелена скрыла от него демона. Созо не знал, как долго он продержится.

Бормоча заклинания, он побежал, не разбирая дороги. Иллюзии возникали и рушились, но Созо больше не обращал на них внимания. Он бежал на голос.

Теперь он был уверен в том, что голос принадлежит девушке. Той, которую он ищет. Созо никак не мог объяснить свою уверенность. Это знание пришло само собой, как будто со стороны.

Вскоре мгла рассступилась, и он увидел женскую фигуру. Лицо ее было закрыто плотной вуалью. Женщина пела, то пронзительно, то тихо. Затем она замолчала. Абсолютная тишина окружила двоих на Серых Равнинах. Мир как будто скрылся. Созо не мог бы сказать, что находится на расстоянии вытянутой руки от него. Эта зыбкость, неопределенность мира, окружающего его, страшила, делала мага неуверенным в себе и своих действиях. Тем не менее он сделал еще один шаг вперед.

— Чорсен, — выговорила девушка и вдруг отбросила с лица вуаль. Созо увидел ее лицо, очень бледное, покрытое мертвенною серостью, но все же прекрасное и невинное. Ни упрека, ни страха не было на этом лице. Одна только чистая радость встречи с возлюбленным.

— Ты пришел... — произнесла она тихо.

— Я пришел, как и обещал, — подтвердил Созо. Красота невесты Чорсена заворожила его. На своем веку маг повидал немало привлекательных женщин, но ни одна из них не обладала этой юной, нетронутой чистотой, которая была чем-то большим, нежели обычная телесная девственность — это было щеломудрие любящей души.

«Нельзя оставлять ее здесь, — подумал Созо. — Это было бы преступлением.»

Он решительно протянул руку и взял ее за холодные влажные пальцы.

— Идем.

Она пошла за ним так доверчиво, что Созо хотелось плакать. А ведь он до сих пор так и не узнал ее имени.

— Назови свое имя, — приказал Созо и почувствовал, как рука девушки дрогнула в его ладони. — В чем дело? — спросил маг чуть более резко, чем намеревался.

Она высвободилась и остановилась. Созо тоже остановился. И хотя оба они не двигались, фигура девушки начала стремительно удаляться от него, а пространство между ними тотчас заполнил клубящийся туман.

— Ты забыл мое имя? — крикнул издалека отчаянный голос. — Ты забыл мое имя?

— Это правило! — прокричал Созо. — Каждый называет свое имя сам! Таково правило! Умоляю тебя, назови свое имя!

Он затаил дыхание, ожидая: поверит ли погибшая этому обману.

Она поверила.

Почти мгновенно она вновь оказалась рядом с ним. Глаза ее сияли.

— Прости, что усомнилась в тебе, — прошептала она, а затем чуть вытянула шею и прокричала, обращаясь к пустому пространству: — Поликсена! Поликсена! Поликсена!

— Поликсена, — повторил Созо, обнимая ее с облегчением. В этот миг он знал, что облегчение испытывают сразу двое: маг Созо и грабитель Чорсен.

— А там что? — спросил Конан, когда после долгого дня пути они с тележником добрались до расчищенной площадки посреди леса. — Не похоже на обычную поляну. Смотри, тут какие-то камни.

— Скоро начнется цепь холмов, — объяснил Дирон. — Там есть пещеры. Думается мне, в одной из таких пещер и обитает теперь наш Созо. Туда мы и направляемся. Запах становится сильнее. Чувствуешь?

Конан принюхался, но ничего не уловил.

Затем киммериец наклонился и принялся рассматривать камни, разбросанные по всей поля-

не. И чем больше он смотрел, тем больше хмурился.

— Погляди-ка, — обратился он к тележному мастеру. — Ты ничего странного в них не замечаешь?

Тележник опустился на колени, разгреб руками снег и жидкую грязь, ощупал один камень, потом второй. Когда он с трудом поднял голову, лицо его было бледным.

— Это старые надгробия, — прошептал Дирон.

— Разве ты не знал о том, что у вас в лесу какое-то заброшенное кладбище? — удивился Конан.

— Нет... Никто не знал. Это какие-то непонятные письмена... Смотри, какие буквы. Ни одной не разберу, а ведь я умею читать.

— Значит, не на всех языках.

— Такого языка не существует! — убежденно произнес Дирон. — Может быть, это лемурийский язык. Странно, что раньше никто не находил этого кладбища.

— Кто знает, возможно, оно вышло на поверхность, повинуясь приказам Созо, — предположил Конан. — Маги подчас делают очень и очень странные вещи.

— В таком случае это означает, что Созо использует мертвцев, — прошептал Дирон. — Мне страшно даже подумать об этом.

— А мне нет, — объявил Конан. — Алично я устал и собираюсь провести ночь где-нибудь поблизости.

— Не надо! — сипло вскрикнула Дирон.

— Боишься мертвецов? — осведомился киммериец.

— Да, боюсь! Здесь замешана какая-то страшная магия, Конан! Мертвецы обладают таинственной силой, и некоторые маги умеют пользоваться ею.

— Да, и они называются некромантами. Встречал я таких. И убивал везде, где только видел.

— Но мертвых убить нельзя! — причитал тележник.

— Ты предпочитаешь, чтобы они разгуливали под луной по этому кладбищу, а потом, одной чудесной ночью, нанесли визит в ваш очаровательный городок? — осведомился Конан. — Ты только скажи — и я оставлю мертвецов в покое. Пусть себе гуляют.

— Что ты предлагаешь? — сдался Дирон.

— Спрячемся и посмотрим, что тут творится, — предложил Конан. Он ободряюще улыбнулся своему спутнику. — Не бойся. Ты ведь разбираешься в запахах. Если почуешь мертвецов, будешь знать, чего нам ожидать.

Дирон бледно улыбнулся в ответ.

Ждать пришлось недолго. Едва только над верхушками деревьев показалась луна, окружён-

ная бледно-желтым сиянием, как на поляне началось движение. Поначалу, как почудилось Конану, зашевелился воздух над разломанными могильными камнями. Затем сдвинулись камни и на поверхности земли показались отвратительные руки-пласти, покрытые остатками гниющей плоти.

Конану действительно уже доводилось иметь дело с оживающими мертвецами, и он не испытывал суеверного ужаса перед ними. Киммериец был человеком простым и мыслил он тоже просто: мертвые должны лежать в могилах, живые — ходить по земле, пить вино, есть мясо, заниматься любовью, а колдунам в подлунном мире вообще делать нечего.

Сейчас ему предстояло сразиться с мертвецами и отправить их обратно под землю. Он обнажил меч и приготовился.

Мертвецы собирались в круг. Смрад стоял невыносимый. Медленно начали они кружение по поляне. Мимо Конана и Дирона, притаившихся среди кустов, проплывали костлявые ноги, распластанные, как у лягушек, ступни. Мертвецы что-то пели тихими, приглушенными голосами. Затем их движения ускорились. Теперь они подпрыгивали при каждом шаге и вопили, словно земля, покрытая подтаявшим снегом, холдной грязью и мерзлой, пожухлой травой кусала их за пятки и обжигала.

Затем круг танцующих рассыпался, и из земли, высунувшись до середины туловища, поднялся еще один мертвец. Безошибочно повернув голову в ту сторону, где скрывались Конан и его спутник, мертвец заговорил.

— Чужак!

Голос его, казалось, звучал из самой преисподней, таким холодным, равнодушным и серым он был. «Как будто жуешь сырую вату», — подумал Конан с отвращением.

— Уходи, чужак! — повторил голос. Теперь Конан не сомневался, что доносится звук издалека. У этого истлевшего трупа давно уже нет голосовых связок, и воздух не наполняет распавшиеся легкие. Нет, с Конаном разговаривает кто-то иной, кто находится совершенно в другом месте.

— Для чего тебе труп? — спросил Конан, чуть высунувшись из кустов и повысив голос. — Выходи, поговорим один на один!

— Я отвечаю тебе через своих слуг, — с трудом двигая челюстью, ответил скелет. — Убирайся отсюда. Я не стану с тобой разговаривать. Я занят. Уходи. Ты чужой. Ты ничего не знаешь о происходящем. Если тебе дорога твоя жизнь, убирайся из моих владений, ты, мясистая туша варвара!

— За «тушу» ответишь, гнилой кусок свинины! — зарычал Конан.

Он выхватил меч и бросился на мертвецов. Испуская ликующие вопли и удирая в притворном ужасе, они принялись носиться по поляне, а Конан, с развевающимися черными волосами и сверкающими синими глазами, сам в лунном свете похожий на привидение, гонялся за ними с поднятым мечом. Прежде чем скелеты успели провалиться сквозь землю, киммериец разрубил несколько из них, и те рассыпались прахом.

— Тыфу! — плонул киммериец, тщательно вытирая меч краем плаща. — Какая пакость!

— Не нужно было этого делать, — бормотал тележный мастер, весь дрожа. — Ох, будет большая беда, ох, не стоило нападать на них... Они ведь не люди.

— Ну да, — кивнул варвар, все еще свирепо щерясь. — Они давно покойники.

— Это лемурийцы.

— Ну и что? — Конан пожал плечами. — Какая разница! Главное, что их здесь больше нет.

— Созо сильнее, чем мы с тобой предполагали, — прошептал Дирон. — Боюсь, что тебе с ним не совладать, варвар. Беги, спасай свою жизнь. Мы обречены, но ты будешь жить и радоваться солнечному свету.

— Ты тоже, — хмуро обещал варвар. — Клянусь Кромом, теперь это моя война, и я этого так не оставлю.

В глубине пещеры Созо плонул на магическое зеркало, с помощью которого управлял оживающими мертвецами. Теперь он знал, что варвар не остановится. Рано или поздно этот громила-киммериец вломился в пещеру и попытается остановить его, великого мага Созо. Времени осталось совсем немного. Ведомые запахом мертвых, путники будут здесь через несколько часов.

Нужно торопиться.

Созо обернулся к ложу, на котором лежала Поликсена. Девушка казалась спящей. Здесь, в мире живых, она выглядела еще более красивой и хрупкой, чем на Серых Равнинах, хотя зло, обитающее по ту сторону бытия, не могло причинить ей ни малейшего вреда.

Длинные светлые волосы разметались по шкурам. Синеватые веки были неподвижны, ресницы, темно-каштановые, густые, веером лежали на бескровных щеках.

Созо метался по пещере, хватаясь то за одно, то за другое. Высушенные травы взлетали в воздух, наполняя пещеру сладковатыми ароматами. В огонь то и дело падали благовонные смолы, от чего пламя меняло свой цвет, становясь то синим, то фиолетовым, то багрово-красным. Тень мага, как безумная, носилась по стенам пещеры, и если бы здесь находился посторонний наблюдатель, он решил бы, что тень не поспевает за своим хозяином.

Сквозь зубы Созо непрерывно напевал заклинания. Он понимал, что оживленная Поликсена не будет уже той прежней девушкой из Нумалии, которая, полная радостных надежд и ожиданий, готовилась сделаться женой авантюриста и вора. Это будет зомби, ходячий мертвец, полностью покорный воле того, кто вызвал его из небытия. И все же частичка прежней Поликсены, любящей и доверчивой, должна была сохраниться даже в зомби. Во всяком случае, Созо-Чорсен надеялся на это.

Лишиь бы не помешал проклятый варвар...

А Конан был уже совсем близко. Он почти добрался до пещеры мага, когда — не человеческим разумом, но полузвериным инстинктом дикаря — вдруг почувствовал: рядом творится что-то неладное.

Внешне ничего не изменилось: все тот же безлюдный и безрадостный пейзаж. Теперь впереди можно было уже разглядеть холмы. В одном из них — пещера, прибежище мага. Отыскать ее — дело времени, причем совсем недолгого. Рядом с киммерийцем по-прежнему тащился тележный мастер.

Конан несколько раз пристально всматривался в своего спутника. Варвар и сам не мог бы объяснить, откуда взялось это ощущение, однако ошибочным оно не было: своеобразный запах опасности исходил теперь от Дирана.

Разум Конана отказывался поверить в это. Дирон не мог завести его в ловушку. У покалеченного тележника не было ни единого шанса справиться с могучим киммерийцем, если дело дойдет до схватки — а Конан не станет колебаться, если заподозрит, что против него плетется какой-то заговор.

Но инстинкты дикаря вспомнили совсем о другом. «Опасность! Внимание! Опасность!» — кричало что-то в душе Конана, от чего волоски на его загривке сами собою становились дыбом, как у волка.

Наконец киммериец понял, что смущает его. Запах. Теперь запах мертвчины явственно исходил от Дирона.

Конан остановился, едва эта мысль проникла в его сознание. Остановился и тележник.

— Что такое?.. — неуверенно улыбаясь, спросил Дирон.

Конан молча обнажил меч. Тележных дел мастер отступил на несколько шагов.

— Что случилось? — пролепетал он.

— Нет, это ты мне скажи — что случилось? — потребовал Конан, направляя острие клинка к горлу своего спутника. — С тобой ничего странного не случилось, пока мы шли, а?

— Нет...

— Ничего такого, о чём мне следовало бы знать? — настаивал Конан.

Дирон залился горючими слезами и повалился на колени.

— Оно... оно меня укусило! — признался он. — Я боялся говорить тебе.

— А зря, — проворчал Конан. — Сказал бы сразу, отсекли бы тебе руку или ногу — был бы сейчас жив. Ты превращаешься...

— Я чувствую... — всхлипнул Дирон. — О, Конан, что со мной происходит?

— Ты разлагаешься, — спокойно ответил киммериец. — Ты полностью находишься теперь во власти мага. Я не могу рисковать, Дирон.

— Понимаю... — прошептал тележник и устремил на Конана умоляющий взгляд. Неожиданно в глубине его глаз зажегся яростный огонь, гримаса злобы исказила лицо тележника, и тот, испустив хриплый вопль, кинулся на Конана, норовя вцепиться когтями ему в горло.

Варвар отреагировал мгновенно. Отскочив на шаг, он взмахнул мечом и, не прерывая кругового движения, снес голову с плеч Дирона. Голова покатилась по снегу, яростно лязгая зубами. Конан увернулся от челюстей и вторым ударом рассек голову пополам. Брызнула отвратительная желтоватая жидкость. Челюсти еще раз щевельнулись и остановились. Безголовое тело поскребло пальцами землю и тоже затихло.

Конан вытер меч и уставился на останки того, кто только что был его товарищем.

— Боги, что тут происходит! — проговорил киммериец, покачивая головой. — Неужели такое возможно, чтобы безумие одного мага заразило всю местность и всех людей, что живут поблизости!

Запах тления становился все сильнее. Еще мгновение — и он сделался невыносимым. Конан закашлялся, у него заслезились глаза. И тут он заметил нечто такое, от чего кровь застыла у него в жилах. Под стремительно истлевшей плотью открывался скелет.

Но это был не человеческий скелет. По большому счету, это и скелетом-то не являлось, — всего лишь каркас, выполненный из белого материала, похожего на китайский фарфор.

— Магия! — сказал Конан, произнося это слово как самое грязное ругательство из всех, что могли прийти ему на ум.

Он повернулся к останкам Дирона спиной и почти бегом направился к холмам.

Ресницы Поликсены затрепетали, губы слегка шевельнулись. Созо в нетерпении потер руки.

— Поликсена, Поликсена, — настойчиво звал ее маг, и девушка, отзываясь на этот голос, стонала и выгибалась всем телом. Еще одно усилие, последнее, — и она оживет. Сердце Чорсена все сильнее билось в груди мага. Созо чувствовал, как его захлестывают эмоции, прежде незнакомые магу, который всегда отличался холодным,

рассудочным отношением к жизни и даже добро творил из соображений целесообразности. Ему хотелось петь, кричать, тормошить Поликсену — зачем она медлит, зачем не торопится воскреснуть и одарить его всеми радостями любви!

Он схватил горсть волшебных трав и изо всех сил размахнувшись швырнул их в огонь очага. Пламя взревело, в оранжевых языках зазмеились темно-лиловые полоски, замелькали золотые искры. Где-то далеко, на Серых Равнинах, отозвался ревом разъяренный демон, и этот звук заставил Созо торжествующе расхохотаться.

— Реви! — вскричал он. — Я вырвал у тебя твою добычу!

И тут странный сквозняк пронзил пещеру.

— Что?! — Созо резко обернулся.

Четко вырисовываясь на фоне более светлого прямоугольника входа, отшвырнув в сторону волосью шкуру, служившую занавесом, на пороге стоял человек.

Его рослая, мощная фигура внушала страх. Тряхнув непокорной гривой смоляных волос, он сделал шаг вперед. Шкура упала за его спиной, и снова сгустилась темнота. Но теперь эта темнота — Созо знал — таила в себе опасность. И эта опасность, этот живой сгусток мрака, носил имя: Конан-киммериец.

— Что тебе нужно? — зашипел Созо. — Уходи! Убирайся, покуда цел!

Конан, молча и совершенно беззвучно, передвинулся вперед. Созо ощущал его дыхание в пещере так, словно это был леденящий ветер.

— Уходи! — зашептал он в бессильной ярости. Он не мог отойти от Поликсены, не смел прервать заклинание. Малейшая неточность — и прекрасная гостья с Серых Равнин превратится в чудовище, смертельно опасное и отвратительное. При одной мысли о такой возможности у Созо сжималось горло, ему хотелось рыдать и стучать кулаками о землю. Почему все всегда происходит так не вовремя!

Боги Бритунии! Прекрасные боги со звериными лицами! Богиня-лисица, сладострастная и нежная, с рыжим хвостом и лукавыми глазами, почему ты оставила меня? Он в безмолвии взывал ко всем божествам, какие только ему вспоминались. Все началось с того несчастного дня, когда Чорсен — проклятый дурак! — забрался к нему в дом и вздумал угрожать мечом. Кому? Повелителю... тс-с! Даже в мыслях не следует называть всего того, что было сделано магом Созо. Это тайна, в которую никто не должен проникнуть.

А потом жизненная энергия Чорсена проникла в душу Созо и загрязнила ее — именно загрязнила, запачкала сильными чувствами, преступлениями, злыми выходками, жестокими словами, коварными поступками... Боги, всего не перечесть! Но это был единственный способ ос-

таться на земле и не исчезнуть навсегда в бесцветном мире, где стонут демоны и ревут страшные чудовища.

Поликсена. Якорь спасения, чудо красоты и чистоты. Может быть, она спасет обоих, и Созо, и Чорсена. Может быть...

И вот теперь, когда до претворения в жизнь самого прекрасного из всех замыслов Созо-Чорсена оставался один шаг, в пещеру вломился этот верзила киммериец, этот безмозглый дикарь, которому неведомы ни страх, ни уважение.

Созо протянул руку по направлению к киммерийцу. С пальцев мага сорвалось пламя, однако в мелькнувшей вспышке, что на миг разорвала тьму, Созо заметил, что Конан легко уклонился от огненной молнии.

Поликсена снова застонала, и Созо быстро повернулся обратно к ней. Он снова забормотал заклинания, частью проговаривая, частью выпевая слова забытого языка. Сбиваться недопустимо. Созо соединил пальцы рук — это помогало ему сосредотачиваться. Кончики пальцев все еще были горячими после заклинания летучего огня. Конан сделал еще несколько шагов.

— Что ты делаешь с этой девушкой? — загремел в пещере голос киммерийца.

Не обращая на него внимания, Созо продолжал петь. Поликсена начала корчиться. Ее веки дрожали, стремясь отлепиться от щек, но смерт-

ная тяжесть не позволяла им открыть глаза для земного света — пусть даже это будет тусклый свет от очага, горящего в пещере.

— Кажется, я задал тебе вопрос, колдун! — повторил Конан. — Что ты делаешь с этой девушкой?

— Пытаюсь ее оживить, — прошипел маг, опять прерывая пение. Поликсена зарыдала, не раскрывая губ. Тело ее сотрясало судороги, пальцы начали сгибаться и выгибаться. Лунки ногтей все еще оставались синими.

— Так же, как оживил этих бедняг-лемурийцев? — осведомился варвар, не выказывая ни малейшего почтения великому магу. — Или так, как оживил несчастного тележного мастера? Как его звали — Дирон, кажется, а? Чем ты здесь занимаешься?

Он потянулся за своим мечом.

— Не суди о тех вещах, которые недоступны твоему ограниченному рассудку, — заговорил Созо торопливо. — Если хочешь, можешь остатся и посмотреть. Пока я ничего больше сделать для тебя не могу. Я в состоянии испепелить тебя, дурак, но сейчас мне нельзя отвлекаться. Не боишься? Тогда оставайся и жди. Я освобожусь и займусь тобою. Если ты до тех пор не сбежишь. Конан уселся на пол рядом с девушкой, скрестив ноги и положив поверх колен обнаженный меч.

— Я готов, колдун, — заявил варвар. — Продолжай свое колдовство.

Созо проговорил почти искренне:

— Я хочу, чтобы эти прекрасные глаза снова увидели дневной свет. Клянусь, не я стал причиной ее смерти. Я лишь пытаюсь исправить то, что было сделано давным-давно... совсем другим человеком.

— Работай, — фыркнул Конан. — Я хочу видеть, как ты трудишься.

Созо снова принял петь заклинания. Пот градом катился по его лицу. Голос мага звучал то громче, то тише, мелодия то исчезала, словно речка в болоте, сменяясь монотонным бормотанием, то возобновлялась, еще более причудливая, чем прежде.

Тени плясали на стенах пещеры, послушные голосу мага. Они то вздымались под самый потолок, то стелились по полу. Завороженный этим зрелищем, Конан вертел головой. Особенно нравились ему разноцветные искры, плясавшие в очаге...

Однако варвар ни на мгновение не забывал о том, что имеет дело с могущественным колдуном.

Но... встречались ему и такие маги, что действительно заботились о людях. Преимущественно они занимались целительством. И — что немаловажно — ни один из таковых не обладал

сколько-нибудь существенным могуществом. Поэтому киммериец держался настороже.

А Созо, погрузившись в заклинания, совершенно забыл о варваре, который сидит рядом и наблюдает, не упуская ни одной мелочи. Душа его грозила разделиться, разорваться на части, и одна из этих частей — та, что некогда принадлежала Чорсену, — готовилась уйти в Серые Равнины, а вторая отправилась за подмогой в город Кой.

Последним усилием воли маг собрал обе половины души воедино. Он чувствовал, что изнемогает. А теперь ему предстояло сделать один очень трудный для него выбор. А времени на то, чтобы все обдумать, оставалось крайне мало. Если говорить честно, то времени не было вовсе. Ему предстояло сейчас собственными душевными усилиями разрушить то, на создание чего он потратил многие годы.

Но выбора не оставалось.

Или Поликсена — или город Кой и его обитатели. В конце концов, разве он, великий маг Созо, не властен над обитателями этого городка? Разве не его волей...

Размышлять некогда!

Он призвал душу Чорсена и, воссоединив ее со своим телом, направил в другую сторону — к людям, в Кой. Сперва маг ничего не почувствовал. Он произнес несколько слов, немо шевеля

губами. Затем громко вскрикнул и запел. Теперь песнь изменилась — она звучала грубо, дерзко, и Конан почувствовал, как мороз пробегает у него по коже.

Что-то страшное творилось у него на глазах. Варвар чувствовал это. Пещеру наполнил запах мертвечины.

На краткое мгновение Конану показалось, что смердит тело девушки, что ее упругие щеки становятся дряблыми, как у трупа, пролежавшего несколько дней, а глаза вваливаются в орбиты, и зубы начинают выступать из безгубого рта.

Но это длилось всего лишь мгновение.

Затем трупная вонь сменилась ароматом цветов. На лице Поликсены выступил слабый румянец, ресницы ее вспорхнули, и на киммерийца устремился тревожный взгляд зеленых глаз бритунийки.

Конан был так потрясен случившимся, что не нашел ничего умнее, чем показать девушке подбородком на Созо.

Маг трялся с головы до ног, как в припадке падучей.

Его волосы, мокрые от пота, свалялись, одежда потемнела, пот бежал по вискам, заливал глаза. Зубы выбивали дробь, руки корчились и пальцы тискали в воздухе что-то невидимое. Затем он глубоко выдохнул, и внезапно дрожь прекратилась.

Поликсена подняла руку, посмотрела на нее — это была совершенная женская ручка, нежная, мягкая, с розовыми ноготками.

Ручка юной девушки, никогда не знавшей, что такое домашнее хозяйство. Баловницы, любимицы семьи.

А затем эта рука обвилась вокруг шеи мага.

— Чорсен, — прошептали губы бритунийской красавицы. — Все-таки ты пришел за мной. Ты пришел, как и клялся.

— Я клялся... — с трудом вымолвил Созо. Язык едва повиновался ему.

— Ты поклялся, что пойдешь за мной даже на Серые Равнины. О Чорсен, я счастлива!

И она заплакала. Заплакал и Созо, обнимая красавицу и прижимая ее к себе.

Конан поглядел на эту идилию, а потом встал и вышел вон.

Он передумал убивать мага.

Дорога обратно показалась ему куда короче. Во-первых, Конан не плутал, как это делали они с беднягой Дироном, когда по запаху и смутным, неоформленным ощущениям искали холм, ставший убежищем для мага. Во-вторых, киммериец был один.

Теперь ему не приходилось подстраивать шаг под коротенькие шажки своего низкорослого спутника, поэтому рослый варвар шел очень быстро.

Вот и поляна, где упокоились с миром лемуряйцы. Горстку праха давно развеял ветер, а странный скелет Дирона занесло снегом, так что Конан даже не нашел его. Впрочем, надо отдать киммерийцу должное, он и не искал его. Незачем. Мертвое должно оставаться мертвым, повторил он еще раз, покидая кладбище.

Лес остался позади. Вот и Кой — точнее, место, где он находился... Но что это? Городок исчез, как сквозь землю провалился. Ничего не осталось — ни домов, ни людей. Только расчищенное пространство, да еще брускатка видна под снегом.

Бранясь, больше от растерянности, чем от гнева, киммериец принял бродить по пустому месту, где теперь только ветер свистел, да летел в лицо мокрый снег с дождем.

Что это? Как это могло выйти? Вот здесь лошадь Конана сбила с ног какого-то замухрышку, а напротив была таверна...

Стоп. Конан вдруг остановился и присел на корточки. То, что открылось его взору, превосходило всякие ожидания. Конан мог еще предположить, что Созо убьет всех жителей подвластного ему города, высосав их их душ жизненную энергию — или как там они это называют. Но ЭТО...

Городок был здесь, он никуда не пропал, только сильно уменьшился в размерах. Теперь

весь он умещался на пятаке размером с плащ Конана.

Все дома были здесь, только крошечные. Вот и таверна «Колесо и сеть», а вон там — дом с облезлой русалкой... И флюгер на месте, миниатюрный, как и все прочее.

— Игрушка! — прошептал киммериец, пораженный.

Ему доводилось видеть, как для забавы очень богатых людей — чаще взрослых, чем детей, — создавались игрушечные домики и даже города. Все там было как настоящее, хотя маленькое: комнатки с мебелью, платьища в шкафу, фигурки людей и животных.

— А где люди? — спросил Конан сам себя. — Не могли же они тоже оказаться игрушечными?

Увы, это предположение тотчас нашло подтверждение.

Все фигурки были на месте.

Неподвижные, раскрашенные, местами уже облупленные, они находились внутри домов. Когда Конан протянул руку и взял двумя пальцами за талию какую-то женщину, у которой одно плечо было выше другого, а длинный нос странно свесился набок, он почувствовал набитое тряпками туловище.

Личико было из кхитайского белого фарфора, волосы — из ниток. Конан так же осторожно вордрузил куколку на место.

— Над этим стоит подумать, — сказал варвар сам себе. — Получается...

Получается, что некогда Созо создал этого городок и его обитателей. А потом, когда случилась беда, начал с досады ломать собственные игрушки. Вот почему все жители Коя вдруг сделались больными, увечными и не могли поправиться.

Более того — ни один из них не в состоянии был покинуть Кой. Конечно! Ведь ни одна игрушка не может сбежать из ящика, где хранит ее хозяин.

А потом, когда все жизненные силы, растворенные магом на его собственные творения, понадобились ему ради воскрешения погибшей девушки, он попросту забрал у своих игрушек то, что некогда, по щедрости, им подарил.

Он забрал у них душу и вложил ее в Поликсену.

Теперь у него одна-единственная игрушка. Живая и настоящая. Умеющая любить.

Теперь ему больше не нужны жители Коя. И они превратились в ломаные, увечные игрушки, брошенные посреди леса.

Конан вздохнул и сгреб все, что попало ему под руку, в свой плащ. Завязав узлом, закинул за спину.

— Забавные кукляшки, — проговорил он. — Продам их в каком-нибудь городке. Бритунийцы

любят диковины. Скажу, что привез их из Китая. «Город забавных карликов» или еще что-нибудь в таком роде.

Он зашагал прочь и вскоре вышел на большую дорогу.

Ник Харрис

ЗЕМЛЯ ПРИЗРАКОВ

18 день третьей зимней луны 1286 года,
Аквилония

Конан и Эмерт выбрались по заснеженному тракту Немедийского хребта на высокое плоскогорье и спустились на четыре лиги вниз. Их глазам предстал каменный столб с глубоко выбитой надписью: «Здесь всякий путник вступает в пределы великого и славного королевства Аквилонского, что находится под рукой короля Сигиберта. До Танасула дорога займет двести шестьдесят лиг, до Галпарана — двести лиг, до Тарантии — триста восемьдесят лиг. Да будет ровным ваш путь и чисты стремления!»

— Куда поедем? — спросил Конан у оборотня, прикрывшего лицо от ветра длинным отрезом шерстяной ткани. — И вообще, почему на столбе помянуто имя Сигиберта? Сколько лет назад он помер-то?

— Около трех столетий тому, — ответил Эмерт. — И это был самый великий государь Аквилонии. По сравнению с нынешним королем, Нумедидесом, Сигиберт — скала рядом с невзрачным обломком. Вперед!

— Тогда едем в Галпаран, — скомандовал Конан. — Сейчас Тарантия нам ни к чему.

Сумерки как-то незаметно превратились в глубокую ночь и путники решили остановиться на ночлег. Развели небольшой костерок, сварили нехитрую кашу с солониной и луком и, передавая друг другу баклажку с забористым гномьим вином, начали неторопливую беседу. Точнее Конан, немного захмелев, ударился в воспоминания бурной шадизарской молодости, а Эмерт, немногословный как всегда, лишь изредка заполнял неизбежные паузы, возникавшие в момент прикладывания киммерийца к заветной посудине восклицаниями наподобие: «Да ну... Ну и что? А дальше?..» После довольно живописно исполненной истории башни Слона, Эмерт, подкидывая в костер очередное полено, попросил:

— Слушай, Конан, помнишь, ты в Пайрогии к шемиту этому ходил, Аль Брасско, кажется... Расскажи, как вы с ним познакомились. Ты еще Стигию упоминал и какие-то темные делишки со жрецами Сета...

Конан смачно сплюнул:

— Не поминай к ночи... История, кстати, не особо приятственная, да и загадок в ней осталось порядочно... И длинная она к тому же...

Эмерт ехидно ухмыльнулся:

— Варвар, хватит напрашиваться на уговоры, начинай! Дорога длинная, рассказать успеешь...

Конан помолчал и сделал хороший глоток. Общение с Эртелем и Велланом, приучило его стойко переносить постоянные шуточки, но от спокойного как киммерийские скалы лучника варвар подобного не ожидал.

— Ладно, уговорил, — хмыкнул он и задумчиво почесал лоб, — Даже не знаю, с чего начать...

— С начала, — услужливо подсказал Эмерт. Конан некоторое время задумчиво разглядывал звезды и луну, потом сумрачные елки, и, наконец, остановив взгляд на веселом пламени костра, хлопнул себя по ляжкам и начал:

— Пожалуй, стоит сначала рассказать о том как я впервые услышал о Великом Охотнике. Началось все примерно спустя три луны после того, как я похоронил Белит. Ух, какая женщина была! Огонь! Я, наверное, по настоящему любил ее... По крайней мере, мне так кажется. Хотя, как и любую бабу, я забыл Белит довольно быстро... А славно все-таки мы с ней в Стигии пошлили! — Конан снова приложился к сосуду и задумался. Лиць заметив, что Эмерт начал нетерпеливо ерзать на попоне, он продолжил:

— Ну так вот, после ее гибели, я, злой как демон, шатался по Черным королевствам, активно очищая оные от всяческого рода нечисти и мрази, а ее, поверь, в тех краях немало. Стал военачальником в одном тамошнем племени... Знаешь, как они меня называли? Амра! То есть — «лев»...

— А по-моему, — встрял Эмерт, — ты истинный медведь, и умение превращаться в волка тебе дали совершенно зря! Прямо оскорбление для нашего честного племени!

— Ну, ты прям как Веллан разговаривать стал, — снова изумился киммериец.

— С кем поведешься... — буркнул Эмерт, а Конан тут же подхватил:

— С тем и наберешься! Давай, твое здоровье! — он сделал хороший глоток и закашлялся. — Никак не могу привыкнуть к этой отраве! Уж больно крепка... Так о чем это я? Ага. Под конец всех этих похождений я стал начальником стражи королевы Куша, но пробыл им очень недолго. Королеву убили, а я, прихватив одну хорошенькую рабыню-немедийку, отправился на полночь в сторону Стигии. Устал я от этих джунглей, они уже мне поперек горла встали! А на побережье, недалеко от места, где саванна плавно переходит как раз в эти треклятые джунгли, я знал одну укромную бухточку, где постоянно швартовались барахские корсары. Я надеялся завербоваться в чей-нибудь экипаж и добраться до Аргоса...

1273 год, полуночные области Куша.

Весна в джунглях — довольно красивое зрелище, как, впрочем, и почти любое время года.

Жизнь кипит здесь круглый год, от почвы, почти не видной под плотным ковром травы и гниющей листвы, до вершин огромных баобабов. Только молодому воину, несмотря на жару, затянутому в кольчугу поверх джуббы, вся эта красота уже осточертела до зеленых демонов глубочайшей из преисподних Нергала. Его раздражало все: отвратительные мелкие обезьяны, с ликующими воплями закидывающие его всяческой дрянью (от бананов до собственного деръма), постоянный тысячекрылый гул насекомых, от которого звенело в ушах, прикрытых кольчужной бармицей, постоянно пропадающая в хитросплетениях лиан тропка, и в довершении всего одуряющий запах всевозможных цветов. Да еще эта ноющая дурища! Надо было давно ее бросить...

Воину было двадцать четыре зимы, он был высок, широкоплеч и мускулист. Его, когда-то черная, грива длиной до лопаток, выгорела на ярком южном солнце до светло-русого цвета. Звали его Конан, а родом он был из сумрачной Киммерии, чьими обитателями очень любят пугать своих детей всякие изнеженные «цивилизованные» мамаши.

Одной рукой Конан прорубал себе дорогу при помощи длинного прямого меча, а другой тащил маленькую голубоглазую блондиночку, судя по длинному, остренькому носику и узким маленьким губкам — немедийку. Девица еле ды-

шала от усталости и что-то жалобно бормотала, но киммерийцу, судя по всему, было на это наплевать. Он прорывался через заросли со скоростью и упорством носорога. И производя при этом примерно столько же шума.

Впрочем, он неплохо знал Куш — в этой части страны ему ничего не грозило. Кроме того, немедийская дура все равно не смогла бы передвигаться с должной осторожностью, а так хоть выберемся побыстрее! По его подсчетам, примерно через три дня джунгли должны закончиться, а там и до Жадины недалеко...

«Жадиной» корсары называли маленькую угромную бухту недалеко от границы Кушитских джунглей и Стигийской саваны. На берегах бухты стоял маленький поселок, состоящий из одних таверн и веселых домов. Имелся также рынок, на котором корсары продавали честно награбленное добро, чтобы потом спустить его в упомянутых заведениях.

А Жадиной ее прозвали благодаря одному замориццу, который зим сто назад построил там первую таверну. Он скупал товар по совершенно бросовым ценам, продавал втридорога и отличался отменной неуступчивостью. Торговаться с ним было практически бесполезно. Замориец давно умер, поселок разросся, а название к бухте приклеилось навсегда...

Естественно, власти Стигии знали о существова-

вании Жадины, но смотрели на него сквозь пальцы. Разгромить поселок можно, однако в другом месте непременно возникнет нечто подобное. А эти разбойники по крайней мере налоги платят исправно...

В Жадине киммериец надеялся завербоваться к корсарам и добраться до Аргоса. Почему именно до Аргоса, он не знал. Хочется и все тут!

В общем, осталось терпеть джунгли и глупую бабу три дня, а потом снова вольный свежий морской бриз в лицо и назад, к цивилизации... При этой мысли Конан усмехнулся. Кто бы мог подумать, что он соскучится по изнеженным хайборийцам! Но иссушающая жара, джунгли и чернокожие варвары ему уже изрядно надоели...

Он в короткий срок сумел стать здесь своим, но для него самого все было невыносимо чуждо...

Переспелый банан с чавкающим звуком разбился о шлем, и липкое, желтоватого цвета месиво потекло ему на лицо. Ликующие крики обезьян огласили окрестности, и тотчас справа взметнулась в небо стая пестрых и истошно верещащих попугаев.

Конан с ненавистью посмотрел на скачущих от радости макак и зло сплюнул. Внезапно обезьяны как по команде умолкли, и Конан, вытирающий шлем пальмовым листом, замер и в тот же миг остро почувствовал на себе чей-то взгляд.

Киммериец привык доверять инстинктам, и первым его порывом было сразу броситься напролом, оглашая джунгли боевыми кличами. Но боевой опыт не позволил ему этого сделать. Он медленно надел шлем и расслабленно повернулся.

Там, откуда он чувствовал взгляд, ничего не было, только жаркое марево. Конан сначала не поверил своим глазам, но взгляд не исчезал, он ползал как противное насекомое по всему могучему телу варвара, изучая и оценивая. Киммерийца прошиб холодный пот, а волосы под шлемом зашевелились. Ему показалось, что между двух стволов, примерно в пятидесяти футах, он видит зыбкую, воздушную фигуру...

Но в тот же миг взгляд исчез.

Конан выдохнул и осторожно подошел к деревьям. Никаких следов он там не обнаружил, зато понял, что зверски устал и голоден. Однако остановиться на ночлег в этом месте киммерийца не заставило бы все золото Офира. Он молча подхватил усевшуюся прямо на землю девушку и зашагал дальше...

Примерно через два часа Конан остановился так резко, что немедийка ткнулась носом прямо в кольчугу и захныкала еще громче. Киммерийца передернуло, но на этот раз он снизошел до ответа:

— Дайна, послушай меня, справа деревня, я чувствую запах жареного мяса. Еще пару лиг, и у нас будет ночлег.

Волчий нос не подвел варвара. Идти пришлось даже меньше. Через полторы лиги они вышли на большую поляну, сплошь уставленную хижинами, сплетенными из ветвей и обмазанными глиной. В грудь Конана тотчас уперлись четыре копья.

— Спокойно, ребята, я Конан-Амра. Я пришел с миром... — миролюбиво произнес киммериец и воткнул меч в землю прямо перед собой.

— Амра... — ухмыльнулся один из караульщиков, здоровенный чернокожий с исполосованным шрамами лицом. — Как же... Ты ври, да не завирайся, белая обезьяна! Мне Вахиба рассказывал, что Амра погиб в Проклятом городе...

— Какой еще Вахиба? — возмутился Конан и тут же пообещал: — А за белую обезьяну отвешишь, черная морда! Выходи бороться! Так, без оружия. Я тебе докажу, что Амра жив.

— Некогда мне с тобой бороться, мы тут ведь жечь собирались, не хочу пропустить, — лениво отозвался кушит. — Сейчас позову шамана, если он тебя признает — войдешь как гость, а если нет, то и твой меч тебя не спасет...

С этими словами он неспешно, вразвалочку, побрел в центр поселка, тут же затерявшись среди начавшей собираться толпы. Местные явно редко видели белых, а уж блондинок и подавно.

Шаман пришел довольно быстро. Никакой традиционной раскраски и побрякушек, кроме

посоха, на который был надет человеческий череп, у него не было, и, что самое удивительное, он оказался очень молод для шамана, по меркам Конана.

Колдун обошел вокруг киммерийца, обошел вокруг Дайны, внимательно изучил меч, с видом знатока пощекал языком. И вдруг резко взглянул варвару в глаза. Тот оторопело уставился в бездонные провалы зрачков, окруженные голубыми кольцами... Глаза притягивали и затягивали, и до Конана не сразу дошло, что он видит. Голубые глаза у кушита! Вот это да... Пока он удивлялся и хлопал ресницами, шаман, негромко заговорил:

— Не удивляйся, Амра, цвет моих глаз — это цвет неба, которому я служу...

— Но вы же вроде духам каким-то служите, — оторопело возразил киммериец.

— Одно другому не мешает, — улыбнулся шаман и уже громко добавил: — Радуйтесь, дети мои! Сегодня с нами будет есть и пить сам Амра!

«Дети» отозвались нестройными воплями и начали разбредаться кто куда. Стало ясно, что убивать чужеземца не будут, а кто такой Амра, потом разберемся...

— Иди за мной, Конан, — приказал шаман, и варвар, подхватив меч и девчонку, последовал за служителем неба.

Пока они пробирались к центру поселка, киммериец прикинул, что племя довольно большое — с полсотни семей, сотни две воинов. По меркам Куша, это было очень неплохо.

Возле большого, главного костровища, на котором жарились четыре здоровенных кабаньих туши, Конан увидел столб. Женщина, привязанная к нему, висела на веревках совершенно безжизненно. Длинные, черные с проседью, волосы закрывали лицо грязными лохмами. На теле, прикрытом лишь повязанным вокруг бедер куском ткани, ясно виднелись следы побоев.

— Это что и есть ваша ведьма? — скептически хмыкнул Конан, не увидевший и не почувствовавший в женщине ничего опасного.

Шаман утвердительно закивал и добавил:

— Она не просто ведьма. Она сумасшедшая ведьма.

Конан озадачено нахмурился:

— Это как это? Что надо такого сделать ведьме, чтоб ее назвали сумасшедшей, а, шаман? Какой человек в здравом уме будет заниматься магией... — последнюю фразу киммериец благородно пробурчал себе под нос.

Шаман вместо ответа остановился у неприметной хижинки и, откинув львиную шкуру, зашвавшую вход, пригласил путников внутрь.

Конан покал плечами и вошел. И был несколько разочарован. Кроме большого треногого за-

копченного котла, стоящего на потухшем очаге по центру, некого подобия алтаря, в углу и большого бубна прислоненного к стене рядом с ним, ничего колдовского в жилище шамана не наблюдалось...

— Что ты выискиваешь? — засмеялся шаман, — Сосуды с кровью девственниц, убитых в полнолуние на развалинах Проклятого Города?

Конан, несколько смущившись, забормотал что-то совсем невнятное. Шаман засмеялся еще громче, его поддержала Дайна. Варвар, махнув рукой, присоединился к ним.

Когда все отсмеялись, шаман, вытирая слезы, уже серьезно объяснил:

— Магия находится прежде всего в голове, а внешние атрибуты, скорее антураж...

— Чего?! — ошалело выкрикнул Конан. — Ты где этого всего поднабрался?

— Чего? — в свою очередь спросил шаман, удивленный не меньше Конана, — Чего поднабрался?

— Да словечек этих... Непонятных, — буркнул киммериец и, не дожидаясь приглашения, плюхнулся на шкуры, блаженно вытянув ноги...

— Ну, вообще-то я немного учился в Стигии, — отрешенно сказал шаман, не знающий плакать ему или смеяться.

Только-только расслабившийся киммериец тут же взвился, как укушенный в задницу гадюкой:

— Ты еще и в Стигии учился!? — заорал он.

— Да, учился! — гордо отрезал шаман, — и не ори, не в горах! Я был недолго в рабстве у одного тамошнего мага, ну подсмотрел, да подслушал кое-чего...

— И как тебе удалось сбежать от этого мага? — осторожно спросила Дайна, устраиваясь рядом с Конаном. Варвар машинально приобнял ее, при этом его мозолистая лапа улеглась прямо на упругое полуушарие высокой груди. Немедийка не противилась.

— Как-то раз хозяин отправил своего ученика в Шем, — начал шаман. — Зачем — не знаю. Рабам, само собой, этого не говорят. Вместе с ним поехал я и еще трое невольников, тоже кушиотов. Но случилось несчастье. Не успели мы пересечь границу, как на нас напали бандиты. Все погибли, а я, получив стрелу в грудь, прикинулся мертвым. Меня даже не обыскали. Я неплохо знал лекарские наговоры, поэтому сумел затянуть рану... В Стигию я не пошел, а, добравшись до Асгалуна, нанялся к баражанцам и добрался с ними до Жадины и вернулся в свой род.

— А как тебя зовут? — спросила Дайна, а киммериец добавил:

— Сколько же зим ты являешься главным шаманом?

— Я — Мтомба, а главным стал пять зим назад, — ответил шаман и достал откуда-то из под

шкур большую тыкву. — Хотите отведать пальмового вина?

— Конечно, и побольше! — так воодушевлено заорал Конан, что Дайна подпрыгнула. — И мяса! Жареного мяса! Весь день жрал одни бананы, да сухари!

— Свежатина почти готова, слышите крики? Но у меня осталось немного копченого мяса и пару лепешек, если вы уж совсем голодны... — с этими словами Мтомба опять полез под шкуры.

— Давай, давай, — подбодрил его Конан, довольно потирая руки и улыбаясь.

Мясо было жестким, как и всякое мясо диких животных, и обильно сдобрено большим количеством разнообразных специй.

— Кого мы хоть едим? — спросил варвар с набитым ртом. — А то из-за приправ не понимаю...

— Кажется, зебру, — хмыкнул шаман и передал ему тыкву. Вино оказалось неожиданно крепким и довольно мерзким на вкус. Впрочем, Конану было все равно. А вот Дайна лишь пригубила и, сморшившись, вернула сосуд Мтомбе.

— Так за что ведьму скжечь собрались? — спросил варвар, расправившись с угощением.

— За язык ее длинный, — отрезал шаман и тут же добавил: — Слушайте, если интересно: Она говорит с духами, и духи эти в основном мерзопакостные.

— Пророчица что ли? — спросил Конан, знаяший, как в Күше называют людей, у которых боги забрали разум, но дали возможность видеть будущее.

— Ну да, — подтвердил шаман, — только предсказывает она несчастья. На нее и раньше-то косились. Подойдет, бывало, к охотнику, который на зверя собирается, и говорит: «Береги ногу». А ему лев потом эту ногу так разодрал, что парень теперь еле ковыляет! Ну, и в том же духе. Мне ее, честно говоря, даже немного жаль, предупредить ведь пытается. Но кому охота слушать про несчастья, тем более если их все равно не отвратить... Пошли слухи, что у нее дурной глаз, а после того, как сын вождя Нгусу погиб, ее и вовсе из племени выгнали. Она ушла, и три лета ее никто не видел. А вчера она неожиданно вышла к костровищу и понесла чушь про Великого Охотника. Мол, что он вернулся, и теперь все умрут... Глупая женщина! Люди и не вытерпели...

— М-да, — протянул Конан. — Печальная история... А что за Охотник?

— Понимаешь, Амра, — задумчиво сказал Мтомба, уставясь в пол, — вот этого как раз никто и не знает... У нас есть предания о богах и духах, хороших и плохих, но о нем в них почти ничего нет. Да и то, что есть стараются не вспоминать...

— Что, так страшно? — заржал киммериец и осекся под пронзительным взглядом шамана.

— Мой дед говорил, — начал Мтомба изменившимся, горланным голосом, глядя в глаза Конана, — что во времена его деда Великий Охотник спустился с неба, и многие женщины народа Күш оплакали своих мужчин...

— Ну и что? — с вызовом спросил Конан, с трудом отворачиваясь. Взгляд шамана побороть было не просто.

— А то, — ответил Мтомба обычным голосом, — что никто и никогда не видел Великого Охотника, зато находили его жертвы! Без кожи, без голов, со странными ранами, нанесенными неизвестным оружием!

— Да демон какой-нибудь, — отмахнулся Конан. — У вас их тут полно! Вы просто слабаки и нытики...

Глаза шамана полыхнули яростью, но он тут же успокоился:

— Может, и демон, только от этого не легче... Говорят, Он приходит в самые жаркие лета, а это лето, судя по всем знамениям, обещает быть очень жарким...

— Да у вас что зимой, что летом жарко, как у Нергала в преисподней, как вы их отличаете-то? — ругнулся Конан и добавил: — А против демонов весьма хороши серебро и огонь.

— Слушай, не учи родного отца, как сделать тебе братьев! — мрачно предложил Мтомба, поразив Конана отличным знанием шемитских не-

потребных присказок. — Если бы все было так просто... — добавил он, вздыхая и поднимаясь на ноги. — Пойдемте, кажется, начинают...

Конан встал, все еще пораженный необычно простой и дружеской речью, а также кругозором Мтомбы. Все знакомые Конану шаманы отличались самодовольной чопорностью и презрением к «простым смертным», и добиться от них нормальных объяснений простыми человеческими словами нельзя было даже пытками. Определенно, подумал Конан, какой-то это неправильный шаман.

— Да, — подтвердил Мтомба. — Иногда меня так называют.

— Ты что, мысли читаешь? — даже не удивился киммериец.

— У тебя все на лице написано, — улыбнулся шаман.

Все племя собралось вокруг огромных костров. Весело гудело пламя. Крепкие белые зубы неспешно рвали сочное мясо. Кое-кто уже начал отплясывать под странный, завораживающий ритм барабанов.

Конан подсел поближе к костру и тотчас получил огромный окорок с не менее огромной лепешкой.

— Женщина, пива мне, — пробурчал он с набитым ртом, толкая локтем сидящую рядом Дайну — рядом с ней стояла внушительных раз-

меров тыква с вожделенным напитком. Немедийка, обняв колени руками, не моргая, заворожено смотрела на яркое высокое пламя. И на просьбу-приказ Конана никак не отреагировала. Киммериец зло-глянул на нее, но решил не мешать, и, проклиная тупость и леность «всех баб Хайбории и окрестностей», дотянулся до сосуда. Для этого ему пришлось весьма неудобно изогнуться, и он чуть было не потерял равновесие, что не прибавило ему хорошего настроения.

Впрочем, хороший глоток из тыквицы быстро рассеял все последствия мелких неудобств. Отпив не менее трети и громко и удовлетворенно рыгнув, Конан продолжил трапезу, ощущая как внутри поднимается волна тепла и солнливости.

Неожиданно барабаны сменили ритм. Теперь они звучали медленно и мрачно, даже с некой пафосной торжественностью. Все «застольные» разговоры у костров сразу стихли. Через какое-то время замолкли и барабаны. В наступившей тишине — только пламя гудело, да дрова потрескивали, даже Конан прекратил жевать и оторвался от полусъеденного окорока — неожиданно громко зазвучал голос шамана.

— Слушайте, дети мои! — Мтомба стоял рядом с привязанной к столбу «ведьмой». — Сегодня мы огнем очистим душу этой несчастной от одолевающих ее темных демонов. Пусть предки и Покровитель Рода милосердно простят все то

зло, которое она причинила своим неразумным языкам, и примут ее в своих небесных хижинах! И мы все тоже прощаем тебя!

Племя хором гаркнуло:

— Мы прощаем тебя! Уйди с миром!

Конан еле слышно хмыкнул. Ничего себе порядочки! Очистительный огонь, надо же! Хотя... Сама виновата, нечего было трепаться направо и налево. Ведь всем известно, рассуждал Конан, прикладываясь к тыкве, что людишки любят только хорошие пророчества, а за дурные могут и рожу начистить. Но все равно вечно находятся ненормальные, богами обиженные, которые только и делают, что болтают про мор, глад и конец света.

Как киммериец уже успел убедиться, конец обычно наступает, но только для самого пророка. И эта кущитка — еще один наглядный пример.

Тем временем шаман поджег давно сложенный костер, но ведьма так и не произнесла ни слова, даже головы не подняла. Дрова разгорались быстро и хорошо. Языки пламени уже жадно облизывали ноги женщины, но она так и не шелохнулась.

В народе начался удивленный ропот, а киммериец чутьем хищника уловил тот странный «запах страха», что так раззадоривает волков. Женщина умирает не самой, прямо скажем, без-

болезненной смертью, а они трусят, — удовлетворенно подумал варвар, которому было немногого жаль пророчицу.

Лишь когда вспыхнули волосы, женщина резко вскинула голову. Ее лицо в пылающем ореоле было спокойным. Казалось она не чувствует ни боли, ни страха близкой смерти. Она медленно обвела взглядом своих палачей. Большинство, пряча глаза, съеживались, стараясь стать как можно незаметней.

— Проклинаю! — в голосе ведьмы, как ни странно, не было угрозы или боли умирающего человека, только спокойная уверенность.

И тут ее взгляд встретился с двумя синими льдинками. Конан не стал прятать глаза. В конце концов он-то забрел сюда случайно и казнить никого не собирался.

— А ты, сын полуночных гор, мнишь себя не-победимым воином, но в джунглях Куша встретишь свою Судьбу. Твой выбеленный череп повиснет на шее Великого Охотника! — И с этими словами ведьма умерла.

Несмотря на всю неожиданность, Конан не вздрогнул, чем заслужено гордился. Но ему стало очень не по себе. Не то чтобы он вдруг испугался, но... Неприятно, когда тебе смерть сулят! Да еще неизвестно от чьих рук... Кроме того, варвару показалось, что в момент смерти действовала какая-то магия, по-другому описать свои

ощущения он не мог, все было очень смутно, практически за пределами его обостренного чувства. Словно еле уловимый ветерок или легкая рябь на поверхности стоячей воды... Он даже не был уверен, что что-то произошло.

Конан нашел взглядом Мтомбу. Шаман спокойно разговаривал с вождем. Значит, показалось.

На плечо мягко легла маленькая ладошка Дайны. Немедийка вздохнула и прижалась к могучему плечу киммерийца. Конан невольно расслабился. Рядом красивая и молодая девушка, нуждающаяся в защите, и нечего думать о каких-то там дурацких охотниках. Даже если они и великие!

Киммериец подхватил удивленно и одновременно кокетливо вззвизгнувшую Диану на руки и потащил в отведенную для ночлега хижину...

Большая черная пантера неподвижно стояла прямо на узкой тропке. Конан увидел ее издалека, но рассчитывал, что хищная кошка уйдет, когда они подойдут поближе. Дикие животные предпочитали без необходимости не связываться с двуногими, особенно если их больше одного. Однако даже когда до пантеры оставалось шагов тридцать, она не шелохнулась. Конан остановился. Вместе с ним остановились и Дайна с Мтото. Киммериец обнажил меч, а кущит поудобнее перехватил копье.

— А ну пошла прочь! — заорал Конан, которому вдруг стало очень неуютно. Джунгли вокруг словно вымерли, только слышался легкий шелест листьев. И тут пантера атаковала, рванулась с места стремительной черной молнией.

Дайна в ужасе прижалась к варвару всем телом. Конан попытался ее отпихнуть, но не тут-то было. Немедийка как клещ обеими руками вцепилась в левое плечо киммерийца.

— Уйди! — прорычал Конан, и в этот момент зверюга с протяжным хриплым воем прыгнула на него.

Из-за Дайны варвар не смог ударить, как хотел. Все, что он сумел сделать, — это дать обезумевшему животному рукоятью в морду, прямо тяжелым противовесом. Но прервать атаку хищника ему не удалось. Пантера всхлипнула, ее развернуло, и она врезалась в киммерийца боком. Отчаянно ругаясь, варвар рухнул на землю, увлекая за собой Дайну. Немедийка истошно завизжала.

«Ненавижу впечатлительных девиц! — мрачно подумал Конан. — Теперь все в окрестностях знают, что мы здесь...»

Видимо, пантеру испугал вопль Дайны, потому что она бросилась не на Конана, а на Мтото. Кущит слегка присел и выставил перед собой тяжелое охотничье копье, надеясь, что кошка сама на него насадится. Но то ли рука у него дрог-

нула, то ли пантера так изогнулась, но широкий листовидный наконечник лишь глубоко процарапал черный бок... Пантера опрокинула Мтотс и мгновенно впилась в горло. Кушит булькнул и задергался в агонии. Пантера тут же развернулась, и в этот момент Конан одним ударом снес ей голову...

Не обращая внимания на продолжающую вопить Дайну, киммериец, бормоча проклятия, спихнул еще содрогающуюся тушу с тела кушита. Одного взгляда в застывающие, полные ужаса глаза хватило, чтобы понять: Мтото уже ничто не поможет...

— Да заткнись ты наконец! — заорал Конан поворачиваясь к немедийке и более спокойно добавил: — Все уже закончилось...

Они отправились в путь сегодня утром. Шаман дал им провожатого — молодого охотника Мтото, с радостью согласившегося сходить до Жадины — и на прощанье посоветовал Конану не обращать внимания на предсказание мертвой ведьмы. Судьба и грядущее не определены, — сказал он и добавил: — Все зависит только от тебя...

И вот теперь, через четыре часа, Мтото лежит с разорванным горлом! Однако, что же заставило пантеру броситься в самоубийственную атаку? Конан глянул на мертвое животное и, помняв Крома, невольно попятился. Пантеры бо-

льше не было. На ее месте лежала молодая обнаженная кушитка с отрубленной головой.

Этого еще не хватало! Здесь явно пахло черной магией.

Конан осторожно присел рядом с трупом и концом меча (только законченный идиот трогает такие вещи голыми руками!) перевернул отрубленную голову лицом вверх. Ага, так и есть, это не природный оборотень — киммериец слышал, будто существуют и такие, — а порождение злой воли какого-то колдуна... Или ведьмы. Сначала варвару показалось, что у мертвой женщины нет глаз, но потом он увидел, что они все-таки есть, только абсолютно черные, без белков. Словно зрачки расширились настолько, что поглотили все осталъное.

— Вот пакость! Дайна, пошли отсюда. Да по-быстрее! — Конан резко поднялся на ноги и зло пнул отрубленную голову.

— Ты что, так и бросишь бедного Мтото на растерзание диким зверям? — Дайна возмущенно посмотрела на варвара и только теперь увидала, во что превратилась пантера.

— Да брошу, — хмуро отозвался киммериец, затаскивая труп кушита в кусты. — Времени нет его в землю закапывать.

— Эт-то что? — пролепетала девушка и пошатнулась, явно собираясь грохнуться в обморок.

— Эй! Ты тут только не падай, я тебя на свою горбу тащить не собираюсь. Лучше отвернись и подумай о чем-нибудь хорошем. Например, о вчерашней ночи.. — Конан попытался ухмыльнуться, но у него плохо получилось. Киммериец сознание терять, конечно, не собирался, но чувствовал себя прескверно.

Дайна послушно отвернулась.

— Конан, мне страшно, — жалобно протянула она.

— А я-то что могу с этим поделать? — буркнул Конан, хватая ее за руку. — Сматываемся, пока тут еще чего похуже не объявились...

... Когда они скрылись в зарослях, на месте боя случилась странная вещь: голова оборотня вдруг поднялась на высоту около восьми локтей, а потом улетела в кусты. Казалось, кто-то поднял ее за волосы, изучил и выбросил. Но на тропе никого не было, только странное марево...

Конан и Дайна шли молча. Варвар не убирал меч и не расслаблялся ни на удар сердца, справедливо полагая: где один оборотень, там может быть и другой, и третий. Но все было спокойно.

А через два часа они вышли... Вышли к той же самой деревне, которую оставили с восходом солнца...

* * *

1286 год, Аквилония

Конан широко зевнул и подбросил дров в начавший угасать костер.

— Не надоело слушать? А то, может, спать звалимся? — спросил он, почесывая плечо.

— Ну уж нет! — засмеялся Эмерт, — Теперь, пока не расскажешь, спать не ляжем. Ишь чего удумал, на самом интересном месте на боковую собрался. Давай, продолжай!

— Да, пожалуйста! Передай-ка мне бурдюк, а то в горле чего-то першил... Вот так гораздо лучше! На чем я остановился?

— Ты с Дайной вернулся в деревню...

— Да в том-то и дело, что не вернулся. Зачем мне было туда возвращаться? Правда, сначала я подумал, что с этими дурацкими оборотнями я потерял направление и заблудился...

— Ты оборотней не трогай!

— Да ладно, это были плохие оборотни, не настоящие, а порождение черной магии.

— Оборотни? Их все-таки было несколько?

— Хуже, все было гораздо хуже... Не сбивай меня! Об этом чуть позже. В тот момент меня словно дубиной по башке согрели. Я едва не засыпал от досады. Чтобы киммериец заблудился в лесу, пусть и кушитском, не было такого! В общем, я вспомнил все известные мне ругательства, а знаю я их весьма много. Дайна была крас-

нее красного, так я ее засмущал. Делать нечего, пошли мы к Мтомбе и все рассказали. Он помрачнел и долго выспрашивал подробности. Но объяснить ничего не смог. Сказал, что раньше в округе про оборотней слыхом не слыхивали. Я потребовал еще одного проводника, так как солнце стояло еще высоко... Проводник нашелся быстро, хотя известие о гибели Мтото и пантере-оборотне уже разлетелось по деревне, и я боялся, что люди испугаются... — Конан замолчал и долго смотрел на огонь. Когда Эмерт уже начал думать, что он просто заснул, киммериец продолжил:

— Наша вторая попытка закончилась точно так же, как и первая: мы вышли к деревне с противоположной стороны примерно через пять часов. И я понял, что опять вляпался в нехорошую историю. Когда мы вернулись, Мтомба сказал, что пропала одна женщина. По описанию я узнал погибшую от моего меча пантеру. Решив, что утро вечера мудренее, я завалился спать. А утром кушиты недосчитались еще одной женщины...

* * *

1273 год, полуночные области Куша

— Мтомба, магия — это по твоей части. Ты шаман или как? — раздраженно спросил Конан.

Они уже битый час обсуждали неожиданно возникшую проблему. Утром большинство мужчин по заданию вождя отправились в разные стороны на разведку. Им предстояло выяснить, случайно ли белый человек два раза подряд возвращался обратно? Кроме того, кушиты не оставляли надежду найти пропавшую ночью женщину.

Конан поставил бы свой меч против коровьей лепешки, что через пять часов все вернутся несолено хлебавши.

Кроме того, он почему-то был уверен, что пропавшая Н'хати бродит по джунглям в облике большой черной пантеры. И в глазах ее плещется Ночь.

— Не знаю... — мрачно ответил Мтомба. — Ты вот говоришь, что почувствовал нечто странное, когда ведьма умерла. А я вот ничего не почувствовал! И сейчас не чувствую. По моим ощущениям, магии здесь не было, и нет! Однако она есть!

— А мне что теперь делать? Я в Аргос хочу! У меня ваши джунгли уже вот где сидят! — И Конан выразительно постучал по горлу ребром ладони. — И только посмертного проклятия занюханной кушитской ведьмы мне для полного счастья не хватало... Спасибо!

— Ты не кипятись. Посмотри на вещи с другой стороны. У тебя выдалось несколько свобод-

ных деньков, когда не надо никуда спешить, можно спокойно высаться, отъесться. Мы тебя никуда не гоним. Живи и радуйся жизни. У тебя и девушка вон какая красивая есть — ночью скучать не будешь...

— Да катись ты знаешь куда!

— Знаю, конечно, знаю. Я вчера изрядно пополнил свой запас ругательств, — ухмыльнулся шаман.

Конан ожесточенно почесал затылок. Мтомба в чем-то, конечно, был прав, но...

— Это все хорошо, но как быть, например, с пантерами-оборотнями? Или с Охотником, который вроде как шляется по окрестностям и мечтает о моем скромном черепе? Ты не подумай, что мне страшно. Просто на спокойный отдых это не очень-то похоже. Но больше всего меня раздражает неопределенность. Я не знаю, что делать, понимаешь?

— Я-то понимаю, поверь! — невесело ответил шаман. — Сам пока не предполагаю, как с этим проклятием бороться. Эх! Не хотел ведь я ее сжигать. Надо было незаметно отпустить... Кто же знал, что она черную магию изучала? Три года назад она на такие фокусы была не способна...

— Я предпочитаю находиться как можно дальше от любых магов. А они наоборот — так и липнут ко мне...

— Словно мухи? — тут же ввернул Мтомба.

— Да, видимо, — тяжко вздохнул киммериец. — Что маги, что всякая нечисть... Просто проходу не дают!

— Ну, и что ты с ними делаешь? — заинтересовался шаман.

— А ты не понимаешь? Отправляю на Серые Равнины. А по-другому с ними нельзя! То им душа моя потребуется, то сила. Или нужна им до зарезу какая-нибудь волшебная вещица, а она у другого колдунушки во владении... И вот что интересно: три четверти этих упырей пытались меня надуть! Или не заплатить, или просто убить, чтобы не болтал лишнего! Уверен, хороший маг — мертвый маг!

— Заметь, ты все это говоришь в глаза человеку, занимающемуся магией! — возмутился чернокожий шаман.

— Ну и что? Я ведь не про тебя лично. Ты-то как раз вроде нормальный. И разговариваешь по-человечески, не чванишься, как некоторые...

— Ладно, замнем. Но все-таки, как ты справлялся с колдунами в прошлом? Хотелось бы услышать конкретные примеры. — Мтомбе надоело препираться с киммерийцем.

— Я тебе могу рассказать довольно много разных историй, но, видишь ли, мне еще не приходилось иметь дело с проклятиями мертвых ведьм, от которых даже пепла не осталось. С

ожившими мертвецами я сталкивался, но таких можно было рубить...

— Ты рассказывай, а я уж разберусь, поможет это нам или нет! Все равно делать больше нечего. Когда еще разведка вернется...

— На самом деле, тебе это вряд ли поможет, лучше иди, с духами пообщайся. Или с небом. Я в магии не разбираюсь. Когда я с ней сталкивался, я или уничтожал ее источник или, если это было невозможно, делал ноги. В данной ситуации я не вижу источника. Поэтому не знаю что делать. И это бесит! — в подтверждение своих слов киммериец с чувством стукнул себя по колену.

— Ясно одно, — сказал шаман, задумчиво изучая потолок хижины. — Все дело в предсмертном проклятии ведьмы...

— Это и обезьяне понятно, — скривился Конан. — Но, повторяю, от ведьмы-то ничего не осталось! Она мертвее мертвого!

— Мертвее мертвого... — повторил шаман, продолжая смотреть в потолок. — А это идея! Адно, иди погуляй, мне надо побывать одному...

Конан не стал спорить и пошел в отведенную хижину, где благополучно проспал рядом с Дайнной до возвращения разведчиков.

Как киммериец и предполагал, новости были неутешительны. Со всеми без исключения произошло одно и то же: шли вроде бы правильно,

да и джунгли вокруг давно хорошо известны, а потом — бац! и вот она — родная деревня! Все были растеряны, смущены и испуганы. Разведчики также встретили и убили пантеру, на этот раз без жертв со своей стороны. Она оказалась пропавшей женщиной. Тело разведчики захватили с собой, как и найденные трупы Мтото и первого оборотня. Все три тела были торжественно сожжены вечером. Конан отметил, что глаза у жертв проклятия к моменту огненного погребения стали нормальными, человеческими. Пугающая чернота из них исчезла.

Шаман из хижины так и не вышел. Более того, Конан обнаружил у входа стражу, которая категорически отказалась пускать его внутрь. Раздосадованный, он отправился спать.

Три следующих дня Конан провел весьма невесело. Мтомба по-прежнему не вылезал из своего жилища, и что он там делал, оставалось загадкой. Воины племени каждый день совершили вылазки в джунгли, но безрезультатно. Каждый раз, куда бы они ни пошли, через пять часов — возвращение в родную деревню. Конан принял участие в одном таком походе. Всю дорогу он пытался почувствовать хоть какое-то присутствие магии, но тщетно. Никаких озарений у варвара не случилось, и больше он никуда не ходил. Все остальное время киммериец много спал, ел и пил, предпочитая то, что покрепче. По уг-

рам разминался с мечом, но скорее от скуки, чем по необходимости.

Каждую ночь исчезала одна женщина, а днем ее (уже в облике пантеры, само собой) убивали. Сделать что-то иное не было никакой возможности. Оборотни бросались на людей с единственной целью — убить. Когда вождь приказал поймать тварь во что бы то ни стало, погибли сразу три охотника, пантера же ушла в джунгли, где была высажена и убита разозленными гибелю друзьями кушитами. Жены погибших чуть не растерзали вождя, и с тех пор (а это случилось на первый день затворничества шамана) он предпочитал отсиживаться в своем жилище:

Дайна под впечатлением всех последних событий полностью ушла в себя. Она почти ничего не ела и не разговаривала. Просто, скрючившись, сидела в углу хижины и смотрела в одну точку. Все попытки киммерийца ее растормошить не увенчались успехом. В конце концов, варвар оставил ее в покое, благоразумно решив, что время ей поможет. По крайней мере, не каючит и не путается под ногами...

На четвертый день Конана разбудили еще до восхода солнца.

— Вставай, белый человек, шаман тебя зовет.

Конан протер глаза и побежал к Мтомбе.

Шаман сидел на полу перед алтарем, спиной ко входу, скрестив ноги, как принято у жителей

Восхода. На алтаре что-то дымилось, но запаха дыма варвар не почувствовал. Зато он почувствовал одуряющий тяжелый запах мертвечины. Так пахнет если разрыть могилу недавно умершего, чье тело еще не успело окончательно сгнить. Конана едва не вывернуло вчерашним ужином. Борясь с приступами тошноты, он подошел к Мтомбе.

— Встань поближе к алтарю, я зажег ароматические палочки, там тебе будет полегче. — В голосе шамана не было никаких чувств, только усталость. Конан сказал бы, смертельная усталость.

Действительно, у алтаря киммерийцу стало лучше, хотя он не любил сладковатый, приторный дым стигийских храмовых благовоний, а это были именно они. Чуть отдохнувшись, он посмотрел на Мтомбу и вздрогнул, не сумев сдержаться. Глаза варвара привыкли к темноте, и он увидел, каким стал шаман за прошедшие три дня. Казалось, он постарел раза в два, если не больше. На Конана смотрел абсолютно седой старик, жутко осунувшийся, с глубоко запавшими глазами и серой кожей.

— Я стал мертвее мертвого, Конан, — медленно начал он. — Три дня я был на Серых Равнинах. Был и вернулся. Я видел и познал запретное для смертных и, как видишь, я плачу свою цену. Сейчас я еще не совсем здесь, и только знания

древних стигийских трактатов, переплетенных в человеческую кожу, что я видел у Тот Амона, удерживают меня на границе с таким уютным безумием. И я еще не знаю, куда я шагну...

Мтомба замолчал и заговорил снова не раньше чем через две терции. Все это время Конан стоял, боясь шелохнуться, и напряженно ждал продолжения. Он вполне понимал, что вряд ли это все, что ему хотели сказать.

— На Серых Равнинах я нашел дух ведьмы. Мы говорили и сражались, сражались и говорили, говорили и сражались... — Шаман опять замолчал, на этот раз всего на четверть колокола.

— Я проиграл... Проклятие умрет лишь когда все женщины моего племени станут Черными Молниями Мщения и, свершив его, умрут во славу Сожженной. Или когда кровь женщины с белыми волосами, что пришла с сыном Полуночи, прольется на месте казни...

Тут Конан возмутился:

— Да ты совсем спятил! Предлагаешь принести Дайну в жертву ненормальному духу? Не позволю! Лучше пусть все ваши девицы превращаются в пантер и сдохнут — других потом себе найдете.

— Киммериец, я знал, что ты вряд ли согласишься... — все тем же ровным голосом проговорил Мтомба. — Но все-таки подумай: одна жизнь или несколько сотен?

— Приди в себя, колдун! Что ты там бормочешь? Тебе сейчас нужен глоток доброго вина, а потом обязательно следует хорошенъко поспать. Когда придешь в себя, поговорим. — И киммериец направился к выходу.

— Подумай, Конан. До завтрашней зари у тебя есть время...

— Подумаю... — буркнул варвар и вышел на свежий воздух.

Хотя шаман давал ему время до зари, Конан не спешил просыпаться. Его разбудил вождь за час до полудня. Спросонья киммериец долго не мог понять, чего от него хочет этот кушит. Оказывается, полчаса назад воины обнаружили очередную жертву проклятия, всего в тысяче шагов от деревни, и уже без головы. Причем голову найти так и не смогли. Люди шепчутся, что это работа Великого Охотника. Не мог бы Конан взять ее смерть на себя? Чтобы пресечь дурные разговоры...

— Ну и как, интересно, я это сделаю? — хмыкнул киммериец. — Головы-то у меня нет! А люди спросят: куда ты дел голову? Что мне на это отвечать? Съел? Или закопал на всякий случай? Нет, в этой авантюре неучаствую.

Вождю пришлось уйти.

Дайна по-прежнему сидела в углу. Казалось, что за последние два дня она даже с места не сдвинулась. Конан задумчиво покачал головой,

но трогать девушку не стал. Если не выгорит его задумка, пусть лучше ничего не понимает, когда ее резать поведут. Другого выхода все равно не будет. И дело тут вовсе не в желании или нежелании самого варвара. Когда кущиты узнают, как можно снять проклятие, они и разрешения спрашивать не будут, а он не бог, чтобы в одиночку справиться с целым племенем. Как сражаются чернокожие, он хорошо знал...

Конан позавтракал и пошел к шаману.

Сегодня Мтомба выглядел получше, но ненамного. Запах мертвчины почти исчез, во всяком случае, уже не так раздражал. Когда кущит заговорил, киммериец понял, что прежний «неправильный» шаман возвращается. Медленно, с трудом, но возвращается...

— Ну что, Конан, надумал чего-нибудь? — с тяжким вздохом спросил чернокожий, с трудом поднимаясь со своего ложа. — Я буду очень рад, если мы обойдемся без большого кровопролития...

— Кровопролития не будет, — отрезал Конан. — Я решил испробовать одну идею, если не получится — забирайте Дайну. Противиться не буду.

— И что ты задумал? — слабым голосом спросил Мтомба, пытаясь встать на ноги. Получалось у него плохо.

— Ты говорил, что сражался с духом и проиграл, так?

— Так.

— Я тоже хочу попробовать...

— Киммериец, в своем ли ты уме? Если меня, знакомого с магией не понаслышке, эта попытка чуть не убила, то ты ее точно не переживешь! Если выживет твое тело, то, скорее всего не выдержит твой разум. Ты навсегда останешься слюнявым идиотом, гадящим под себя!

— Хватит, хватит! — поморщился Конан. — Я услышал твое предупреждение, но намерен поступить, как задумал. Если ты, конечно, сможешь мне помочь... — И он выжидательно посмотрел на шамана.

— Помочь я тебе смогу, но предупреждаю еще раз...

— Заткнись! — грубо оборвал варвар. — Если можешь — начинай! Нечего сопли распускать.

Шаман молча доковылял до алтаря, пошарил за ним и достал маленькую коробочку.

— Помнишь, как я вчера сидел? — И, получив утвердительный кивок, продолжил: — Сядь вот здесь... Поближе... Вот так. Бери.

— Что это? — спросил киммериец, осторожно взяв коробочку.

— Лотос.

— Черный? — с явным унынием спросил Конан, которому доводилось видеть людей, пристрастившихся к этому зелью. Больше всего они напоминали стигийских мумий...

— Нет, конечно! — возмутился шаман. — Всего лишь желтый. Черный употребляют или законченные идиоты, или очень сильные маги, которые могут подчинить или хотя бы сдержать его действие. Тот-Амон, например, иногда использовал черный лотос. Но очень осторожно. А мне до него далеко.

— И что мне с ним делать? — спросил слегка успокоенный варвар, осторожно открывая коробочку.

— Возьми небольшую щепотку и вдохни. Остальное сделаю я. Только предупреждаю...

— Все, заткнись! И делай свое дело! — оборвал киммериец и вдохнул пыльцу желтого лотоса.

Мтомба тут же начал монотонно мычать, сначала тихонько, потом все громче и громче. Через какое-то время в рваную мелодию начали вплетаться громкие гортанные выкрики... В руках шамана появился бубен. Дикий ритмичный стук постепенно становился все громче и громче, удивительным образом сочетаясь с пением. Конан чувствовал его каждым кусочком своей плоти. Волосы киммерийца встали дыбом, как во время сильной грозы, а по спине потек холодный пот. Песнопения шамана были древними, как и его род. Первобытная исконно-природная магия захлестнула душу варвара. Все предметы вдруг стали отчетливо видны и заиграли удиви-

тельно свежими красками, хижина стала увеличиваться в размерах.

Песнь Мтомбы превратилась в дикий, нестерпимо громкий рев и вдруг, когда варвар думал, что уже не выдержит, резко оборвалась. В наступившей тишине тихо ударили в бубен.

Один раз.

С этим ударом киммериец провалился сквозь землю. Он падал стремительно, успев лишь заметить быстро удаляющееся пятнышко слабого света над головой.

А потом пришла Тьма.

Дальнейшее Конан запомнил плохо. И очень не любил вспоминать. Ему повезло, что pragматичный киммерийский разум просто не воспринимал большую часть происходящего. Иначе он просто не сумел вернуться обратно. И так варвару пришлось очень нелегко.

И когда Эмерт станет требовать подробностей падения сквозь Тьму, Конан ответит:

— Там не было времени. Там не было плоти, там не было ничего привычного, земного. Жуткий холод, нечеловеческое одиночество... Сначала... — Он тяжело вздохнет и продолжит: — Потом было гораздо хуже, но я почти ничего не помню, а то, что помню, невозможно описать человеческим языком. Да и не нужно. Тот, кто там не был, все равно не сможет понять, пока сам не упадет в Бездну. Мтомба был прав. Это не для

живых. Чтобы пройти сквозь Тьму, надо стать мертвее мертвого...

И Эмерту покажется, что черты киммерийца заостряются, а загорелая кожа приобретает мертвецкую синеву. Налетевший внезапно порыв ледяного ветра пригнет веселое пламя костра к самой земле и почти погасит. В этот краткий миг оборотень пожалеет, что так яростно выправшивал подробности. Он поймет, что эти тропы и это знание не для людей. Больше Конан ничего не скажет. Варвар будет долго сидеть и смотреть куда-то вдаль, разглядывая там одному ему видимые картины. Лишь через полколокола, которые для Эмерта покажутся вечностью, наваждение пройдет, Конан встряхнется и продолжит рассказ...

... Конан долго летел к своей цели. Ему казалось, что он прожил кучу жизней — сто или тысячу, а может и больше — прежде чем осознал, что находится в сером коконе, сотканном из тумана. Находится не один. Перед ним колыхалось странное облако, почти не отличимое от плоти кокона, но Конан знал, что перед ним душа ведьмы.

— Ты пришел, синеглазый сын Киммерии. — Голос шел отовсюду, бесплотный и равнодушный. — Знала, что ты попытаешься спасти девчонку и снять проклятие. У Мтомбы не получилось... Но ты зря шел сквозь Тьму. Я уже

сказала свои условия. И не собираюсь их менять. Умирать больно. Умирать на костре очень больно. Боль — все что у меня осталось. Я хочу, чтобы мои палачи тоже испытали ее.

— Я понимаю тебя, — сказал Конан. — Но причем здесь Дайна?

— Ты поступил гораздо хуже, чем мои убийцы. Они меня ненавидели, а тебе было все равно. А нет в мире ничего, страшнее равнодушия. Ты сполна расплатишься за него. Ты уже расплачиваешься, но я поднимаю цену. Дайна должна умереть от твоей руки. Только тогда проклятие потеряет силу, а я обрету покой.

И тут Конан разозлился. А вместе со злостью вдруг ощутил, что стал самим собой.

— Ах ты, дочь шлюхи и осла, да как ты смеешь, мертвый кусок деръма, угрожать и ставить условия мне, живому, что проделал такой длинный путь через проклятую Тьму и один Сет знает что еще... — Киммериец ругался долго и со вкусом. Уж что-что, а это искусство он в совершенстве освоил еще на шадизарском Дне. Отведя душу, Конан заметил, что дух ведьмы заметно съежился и стал... прозрачней, что ли?

— Прекрати! — Голос был такой тихий, что киммериец его едва услышал. — Здесь нельзя!

— Ах, нельзя! — обрадовался варвар. — Ну, получи тогда еще!

— Нет! Пожалуйста... Я таю!

— Ну, и хвала Крому! Может, и проклятие растает вместе с тобой! — Конан со злой радостью стал ругаться дальше, пока не услышал еле слышимый шелест:

— Я сняла проклятие... Уходи.

— С чего это я должен верить? — удивился Конан. — Может ты меня обманываешь, чтобы сохранить хотя бы это дурацкое подобие жизни.

— Клянусь своей душой, единственным, что у меня осталось, что я сняла проклятие и останусь неотмщенной. Пусть боги будут мне свидетелями.

В тот же миг в голове киммерийца зазвучал утробный, гулкий бас:

— Она говорит правду, сынок. Возвращайся домой!

В следующее мгновение Конан очнулся в хижине Мтомбы. Чувствовал он себя как после недельной пьянки. Неимоверно болело все тело, особенно голова. И еще поганый привкус во рту... Киммериец с трудом поднялся. Шаман удивленно смотрел на него.

— Ты меня поражаешь, Конан. Я, честно говоря, уже и не надеялся. Тебя не было пять закатов.

— Бывает, — глубокомысленно заметил киммериец и добавил: — Я снял проклятие!

* * *

1286 год, Аквилония

— Вот, собственно, и все! Давай спать, а то рассвет уже близок.

— Но ты же не закончил! Что было дальше?

— Дальше все было скучно и обыденно. Кущиты закатили пир в мою честь, где я упился вином, чтобы побыстрей забыть Тьму. Пир продолжался три дня, а на четвертый я, страдая от похмелья, в сопровождении почетной стражи из пяти человек отправился в Жадину, куда и прибыл через три дня. В Жадине я благополучно завербовался на аргосское торговое судно и еще через два дня был уже в море. Но это уже другая история. Давай, наконец, спать!

— А что случилось с Дайнай?

— С этой дурочкой? Она пришла в себя и изъявила желание остаться с кущитами, а конкретно с Мтомбой! Заявила, что в Немедии ее никто не ждет и ей там делать нечего. Хотя раньше утверждала обратное. Женщины непознаемы, что с них взять...

На некоторое время установилась блаженная тишина. Конан задремал и даже начал слегка похрапывать, но настырный Эмерт снова не дал ему уснуть:

— Конан, а Конан? Скажи, а кто отрезал голову той кущитке? Неуловимый Великий Охотник?

— Нет, — сонно буркнул киммериец. — Дикие оборотни из Пограничья, которые порядочному человеку поспать не дают. Уймись! В следующий раз про Охотника дорасскажу. Обещаю.

Успокоенный Эмерт закутался в одеяло и тут же заснул. А Конан еще какое-то время лежал с открытыми глазами и тихо улыбался.

Небо было удивительно звездным.

Содержание

Дуглас Брайан

Долгий путь. Повесть 6

Серая птица. Повесть 147

День мертвых. Повесть 281

Ник Харрис

Земля призраков. Рассказ 335

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (My-My), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Ауганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «TK», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Брайан Дуглас, Харрис Ник

**КОНАН
И ЗЕМЛЯ ПРИЗРАКОВ**

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Наталья Бицунова*

Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.д.003857.05.06 от 05.05.2006 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
Паб. кн. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит.А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография ИПО профсоюзов Профиздат»
144003, г.Электросталь, Московская область, ул.Тевояна, д.25

САЈА О КОНАНЕ

КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА	73	КОНАН И ПЕРНО ЗИГНАРЫ	74	КОНАН И ЖАМБИНА ПУСТИНЯ	75	КОНАН И ДУХИ ГОР	76	КОНАН И БЛЯДЬ ТАЙИСЬ	77	КОНАН И ИСПОМЫЙ КУБОК	78	КОНАН И УЧЕНЫЕ ЧУДОВИЩ	79	КОНАН И СТАРИНИС МОРЕЯ	80	КОНАН И ДУТЬ ЭФФОР	81
КОНАН И ВАЛАМКА ВЕСА	82	КОНАН И НАРЫН НАМ-ФИКА	83	КОНАН И АДЫГОН ЗАРЫ	84	КОНАН И ПЛАМЯ КОМЕЗАДЫ	85	КОНАН И ГИРЯ СКАЗЫ	86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ	87	КОНАН И МЕСТЬ БРАД	88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЙ	89	КОНАН И ВОДЫ БАЙДЕР	90
КОНАН И КАРТА ВАРВАРА	91	КОНАН И СОННИК МАТА	92	КОНАН И ЖАМБА ПАНДЫРА	93	КОНАН И АЛАНКА АДЫГЕЗИ	94	КОНАН И ВЕРСА ТИННЕК	95	КОНАН И ТАННА ПЕСКОВ	96	КОНАН И РАЯ ДАЙСНАНА	97	КОНАН И ПОДА ОПРЕЧИНЫ	98	КОНАН И ЧАРЫ КОЛДУНИЙ	99
КОНАН ГРЮС ХАЙБОРНЫЙ	100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ	101	КОНАН И НАКОВЕНЬ РОКА	102	КОНАН И ПАРОДА СНА	103	КОНАН И РЕДКА СУШИ	104	КОНАН И АМЫ СТИЗЫ	105	КОНАН И ТЕМНЫЙ СВОДНИК	106	КОНАН И КАМКИ АСУЧ	107	КОНАН И СТА СОГНИН	108
КОНАН И ПРИ ВЕНДЫ	109	КОНАН И АНКИ АХЕРОНА	110	КОНАН И БРЮСИРЫ ОСТРОВ	111	КОНАН И ДЕМОНЫ СТЕПЕЙ	112	КОНАН И ЧАРИПЫ	113	КОНАН И УЛИЧНЫ КАМНИ	114	КОНАН И КРАСНОР БРАТСТВО	115	КОНАН И ГЛАД ПАУКА	116	КОНАН И ЦЕЛЬ ОБРОТЫ	117
КОНАН И БОВТАЙ ЖИЛИН	118	КОНАН И РЕКА ЗАБЫЧНАЯ	119	КОНАН И ДАРЫН ДИКИЙ	120	КОНАН И ЗЕМЛЯ ПРИСКАКИ	121										

ISBN 978-5-17-034614-1

A standard linear barcode representing the ISBN 978-5-17-034614-1.

9 785170 346141